Д. Шестаковъ.

Три комедіи Аристофана.

Переводъ съ греческаго.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1914.

Д. Шестаковъ.

Три комедіи Аристофана.

Переводъ съ греческаго.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1914.

Печатано по опредѣленію Историко-филологическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета.

Деканъ С. Шестаковъ.

Введеніе.

I.

Изъ представляемыхъ ниже въ стихотворномъ переводѣ трехъ комедій Аристофана комедія **„Лисистрата“**, написанная въ 411 году до Р. Хр., и **„Бабья сходка“** (*Ἐκκλησιάζουσαι*), написанная черезъ двадцать два года послѣ „Лисистраты“, представляютъ обѣ памятники женскаго вопроса въ древней Греціи [1]). Печально было положеніе родного города Аристофана въ эпоху постановки „Лисистраты“ [2]). Въ 413 году Аѳиняне предприняли морскую экспедицію въ Сицилію. Они мечтали такимъ путемъ овладѣть всѣмъ Средиземнымъ моремъ. Экспедиція закончилась для Аѳинъ плачевно. Это было для аѳинянъ походомъ въ Россію, по выраженію французскаго изслѣдователя [3]). Погибъ весь аѳинскій флотъ и все посланное войско, двѣсти шестнадцать кораблей и до пятидесяти тысячъ солдатъ. Погибли главные вожди аѳинянъ, Никія и Демосѳенъ, выведенные Аристофаномъ подъ видомъ рабовъ державнаго Демоса въ комедіи „Всадники“, отважный Ламахъ, осмѣянный въ „Ахарнянахъ“ нашего поэта. Отъ Аѳинъ отпали многіе союзники, между ними богатый торговый го-

---

[1]) См актовую рѣчь профессора *Б. В. Варнеке*: «Женскій вопросъ на аѳинской сценѣ». Казань. 1905.

[2]) Ср. введеніе къ чешскому переводу «Лисистраты» *Aug. Krejčí*, Прага, 1911.

[3]) *Emile Deschanel*. Études sur Aristophane. 2-me édition. Paris. 1876. 308.

родъ Милетъ въ Малой Азіи и большіе острова Лесбосъ и Родосъ. Тягость положенія ухудшалась тѣмъ, что спартанцы въ 413 году обложили крѣпость Декелею, отстоявшую отъ Аѳинъ на четыре часа пути, и оттуда безнаказанно опустошали окрестности. Въ этомъ несчастномъ положеніи аѳиняне прибѣгли къ крайнимъ средствамъ самозащиты. Изъ тысячи талантовъ резервнаго капитала, отложеннаго въ началѣ войны, они снарядили остававшіяся у нихъ суда. Введенъ былъ пятипроцентный сборъ съ ввозимаго и вывозимаго хлѣба. Выбраны десять полномочныхъ пробуловъ—членовъ совѣта, изъ коихъ одинъ является на сценѣ въ „Лисистратѣ“, по одному отъ каждой аѳинской филы, изъ гражданъ свыше сорокалѣтняго возраста. Этимъ впервые взяла верхъ реакція противъ демократіи, которой приписывались всѣ испытанныя неудачи. Наконецъ, начаты переговоры съ Тиссаферномъ и Алкивіадомъ [1]), съ цѣлью получить помощь отъ персовъ.

Аристофанъ въ „Лисистратѣ“, со своей стороны, предлагаетъ смѣлый планъ для спасенія родины, но планъ существенно комическій. Наскучивъ долгой, тяжелою войною, аѳинская гражданка Лисистрата, по имени которой названа комедія, убѣждаетъ греческихъ женщинъ заставить мужчинъ своими, женскими средствами покончить съ войною. Для этого героини комедіи должны пресѣчь мужчинамъ дальнѣйшія денежныя средства для веденія войны путемъ захвата акрополя и съ нимъ государственнаго банка, и рѣшительно отказать мужьямъ въ супружескомъ общеніи, пока тѣ не бросятъ драться.

Еще рѣшительнѣе замыселъ, составленный героиней второй комедіи „Бабья сходка“, Праксагорой. По ея иниціативѣ женщины захватываютъ въ свои руки все правленіе въ Аѳинахъ и проводятъ въ жизнь весьма смѣлыя реформы коммунистическаго характера.

Въ изображеніи Аристофана, разумѣется, много каррикатурнаго, какъ и въ каждомъ его изображеніи политическихъ и общественныхъ движеній въ современныхъ поэту Аѳинахъ. Но каррикатура должна имѣть хотя отдаленное сходство съ

[1]) О послѣднемъ баловнѣ удачи, не равнявшемъ нравственнаго достоинства съ блестящими дарованіями, срв. въ концѣ комедіи «Лягушки».

оригиналомъ, въ преувеличеніи комическаго изображенія просвѣчиваетъ живая дѣйствительность [1]). Каррикатурно немедленное согласіе народнаго собранія на странное предложеніе Праксагоры, но не каррикатуренъ мотивъ согласія: то, что планъ Праксагоры представляетъ единственную новинку, еще не испробованную въ Аѳинахъ, потому что такое стремленіе къ неиспытанной новизнѣ дѣйствительно руководило иной разъ рѣшеніемъ народнаго собранія въ Аѳинахъ [2]). Отмѣчается и то, что проэктъ Праксагоры проведенъ у Аристофана во всѣхъ подробностяхъ съ совершенной послѣдовательностью, и видимо имѣетъ ближайшую связь съ тѣми исканіями лучшаго будущаго, которыя были прямымъ послѣдствіемъ самого демократическаго строя аѳинскаго государства, какъ реакціей противъ крайностей демократіи было и введеніе пробуловъ въ вѣкъ „Лисистраты“. Во всякомъ случаѣ, и „Лисистрата“, и „Бабья сходка“ указываютъ, что къ концу V вѣка греческая женщина начинаетъ выходить изъ прежняго замкнутаго, теремного положенія и живо интересуется общественными вопросами. Можно отмѣтить кстати, что мѣстныя сказанія говорятъ о живомъ участіи женщины въ общественной жизни Аѳинъ въ героическое время. Возьмите разсказъ св. Августина, какъ аѳинскія женщины въ героическія времена царя Кекропса отдали Аѳинѣ владычество надъ Аѳинами, въ то время какъ мужчины предпочитали отдать городъ Посейдону. Преданіе прибавляетъ, что именно за это рѣшеніе аѳинскія женщины лишились на будущее время принадлежавшаго имъ до сихъ поръ права подавать голосъ въ народномъ собраніи [3]). Можетъ быть, передъ нами проекція въ область далекаго, доисторическаго прошлаго стремленій къ эмансипаціи, отличавшихъ аѳинскую женщину въ V вѣкѣ до Р. Хр.

Что обѣ комедіи Аристофана рисуютъ женское движеніе въ Аѳинахъ красками не исключительно фантастическими,

[1]) Объ этомъ въ статьѣ профессора *В. П. Бузескула*, Женскій вопросъ въ древней Греціи—въ Историческихъ этюдахъ, Спб. 1911, 52.

[2]) Срв. отрывокъ изъ книги *Couat* объ Аристофанѣ въ сборникѣ *П. Гиро*. Историческія чтенія, переводъ *Н. Н. Спиридонова*. Москва, с. 314.

[3]) *S. Augustini*, De civitate Dei. *M-lle Clarisse Bader*. La femme Grecque. Paris. 1872. I, 305.

указываетъ появленіе подобныхъ сюжетовъ у другихъ комическихъ поэтовъ древней Греціи. Въ комедіи Ферекрата „Тираннія“ женщины, какъ въ „Бабьей сходкѣ“ Аристофана, представлены стоящими во главѣ правленія и дарящими мужчинъ такими же суровыми законами, какъ и у нашего поэта. У Амфида была комедія „Власть женщинъ“, у Өеопомпа „Женщины-солдаты“, какими нарисованы въ „Лисистратѣ“ храбрыя защитницы акрополя, и какими выступали по временамъ греческія женщины и дѣйствительно въ исторіи; такъ было, напримѣръ, въ 514 году, когда поэтесса Телесилла вооружила аргивскихъ женщинъ противъ спартанскаго войска [1]).

За то, что и идеи коммунистической реформы носились въ это время въ воздухѣ, говоритъ близость къ „Бабьей сходкѣ“ Аристофана коммунистическаго идеала Платона въ „Государствѣ“. Въ виду этой близости, прежде думали, что комедія Аристофана осмѣиваетъ данную государственную фантазію мыслителя; но осмѣянія не могло быть по той причинѣ, что „Государство“ Платона появилось послѣ „Бабьей сходки“ Аристофана. Общность женъ, дѣтей и имущества одинаково исповѣдуется и героиней Аристофана, и Платономъ для его высшаго класса, такъ называемыхъ стражей [2]), а на Платона для общности женъ во избѣжаніе ревности ссылается и дѣйствующее лицо въ „Пирѣ“ Лукіана. Тѣ же мечтанія отражаются и въ разсказѣ Өеопомпа о землѣ Меропов, въ Священной хроникѣ Евгемера, въ Солнечномъ государствѣ Ямбула. А на Липарскихъ островахъ въ началѣ VI вѣка установилась и фактическая общность имущества, и община организована была на коммунистическихъ началахъ [3]).

Съ другой стороны, международныя параллели показываютъ, какъ охотно пользовалась комедія даннымъ сюжетомъ, открывающимъ широкій просторъ сатирѣ и каррикатурѣ. Въ старой польской литературѣ нѣсколько разъ повторяется „Babie koło“, даже съ тѣмъ же заглавіемъ, какъ комедія Аристофана. Въ новой французской литературѣ являются близкія

---

[1]) *Павсаній* II, 20. *Bader* II, 322.

[2]) Ср. возраженія Аристотеля у проф. *С. А. Жебелева*, Переводъ Политики, Спб., 1911, 39.

[3]) *В. П. Бузескулъ*. Античность и современность. Спб. 1913. 65.

по сюжету пьесы Le royaume des femmes ou le monde à l'envers, La reine crinoline и т. д. [1]). А для Лисистраты, въ частности, французскій изслѣдователь указываетъ еще сходство въ комедіи Скриба и Лемуана „Une femme qui se jette par la fenêtre“; тамъ героиня комедіи прибѣгаетъ къ тому же героическому средству, чтобы одержать верхъ надъ мужемъ въ домашней войнѣ [2]).

II.

Что касается третьей переведенной комедіи „Лягушки“, поставленной въ Аөинахъ въ 405 году, то помимо блестящей литературной сатиры, представленной въ комедіи, послѣдняя интересна по той народной первооснов, на которой построена. Основу эту образуетъ общее многимъ народамъ сказаніе о схожденіи въ адъ живого человѣка. Въ одной Греціи это сказаніе повторяется неоднократно, свидѣтельствуя о живомъ интересѣ древняго грека къ загробному міру. Такова, съ самаго начала литературы, XI пѣсня „Одиссеи“, такъ называемая „Книга мертвыхъ“ (*Νέκυια*), гдѣ герой поэмы, Одиссей спускается въ адъ, чтобы спросить о своей судьбѣ мертваго пророка Тиресія. Такова, далѣе, Гесіодова поэма о схожденіи въ адъ миөическаго царя аөинскаго Өесея вмѣстѣ съ Геракломъ [3]), которые, какъ предшественники Діониса, упоминаются въ нашей комедіи. Кстати, Гераклъ имѣлъ храмъ возлѣ Елевсина, а оттуда народное воображеніе и вѣра представляли себѣ легко дорогу въ адъ [4]). Поучительнымъ и символическимъ характеромъ отличается орфическое сказаніе о схожденіи въ адъ, основанное, можетъ быть, на первоначальной лунной легендѣ [5]). Пиөагорейское ученіе имѣло также свое Схожденіе

---

[1]) *Deschanel*. Etudes sur Aristophane, 262.

[2]) Ibid. 49.

[3]) Ср. обширный сводъ античныхъ данныхъ въ книгѣ *E. Rohde*. Der griechische Roman und seine Vorläufer. Leipzig. 1876. 260 flgg.

[4]) *Deschanel*. Études, 270.

[5]) *Л. Ф. Воеводскій*. Введеніе въ миөологію Одиссеи. I. Одесса. 1881. 49.

въ адъ, интересное наиболѣе потому, что дало, кажется, одинъ изъ источниковъ великолѣпному Платоновскому миѳу о памфилійцѣ Эрѣ въ X книгѣ „Государства". Къ Платону близокъ Плутархъ въ своемъ сказаніи о схожденіи въ адъ души Ѳеспесія. Въ трагедіи „Семела" Діонисъ спускался въ адъ, чтобы найти свою мать. „Лягушки" почти пародія данной драмы [1]). Рано завладѣла сюжетомъ и комедія, какъ она захватывала всякую тему, живо интересовавшую общественное вниманіе. Въ комедіи *Δῆμοι* Евполида Миронидъ, извѣстный полководецъ временъ Перикла сходилъ въ адъ за старыми славными государственными людьми и выводилъ оттуда Солона, Мильтіада, Аристида и Перикла. Схожденіе въ адъ представляетъ комедія Ферекида, у Аристофана кромѣ „Лягушекъ" еще „Геритадъ". Скептикъ Тимонъ изображаетъ собственное схожденіе въ адъ, циникъ Мениппъ пишетъ *Νέκυια*. Героиня позднегреческаго романа Антонія Діогена путешествуетъ по аду въ сопровожденіи тѣни умершей рабыни, какъ въ „Лягушкахъ" Аристофана спускаются въ адъ богъ Діонисъ съ рабомъ Ксанѳіей.

На римской почвѣ не только заимствованныя, греческія и Гомеровскія, но и мѣстныя, особенно этрусскаго происхожденія, сказанія о схожденіи въ адъ объединяетъ VI книга „Энеиды" Виргилія, гдѣ Эней сходитъ въ адъ свидѣться съ отцомъ Анхисомъ. За Виргиліемъ идетъ Апулей, который разсказываетъ въ „Метаморфозахъ" о схожденіи въ адъ Психеи [2]).

Сравненіе съ тѣмъ же сказаніемъ у другихъ народовъ даетъ не менѣе замѣтные результаты. Таковы на древнемъ Востокѣ сказанія о схожденіи въ адъ вавилонскаго героя Гильгамеша [3]), „Книга мертвыхъ" въ Египтѣ, этомъ спеціалистѣ погребенія въ глубокой древности [4]), близкое къ легендѣ Орфея японское сказаніе о схожденіи въ адъ Изанаги, родственное сказанію о Ѳесеѣ американское преданіе [5]) и т. д.

---

1) *Deschanel*, op. cit., 269.

2) *F. Norden*. Amor und Psyche. Das Märchen des Apulejus. Leipzig. 1903.

3) Ср. особенно книгу *P. Iensen*. Gilgamesch-Epos.

4) *E. Amélineau*. Prolégomènes à l'étude de la religion égyptienne. Paris. 1908.

5) *C. Fries*. Die gr. Götter und Heroen vom astralmythologischen Standpunkte aus betrachtet. Berlin. 1911. 212, 225.

Христіанство, естественно, обширно развиваетъ ту же тему. Христосъ сходитъ въ адъ, и подъ порталомъ баптистерія Пизы старый барельефъ, изображающій схожденіе Христа въ адъ, носитъ надпись: „Introitus solis" [1]), какъ и Діонисъ греческаго сказанія является спасителемъ изъ ада въ качествѣ бога свѣта [2]). Къ той же литературѣ примыкаютъ ближайшимъ образомъ „Хожденіе Богородицы по мукамъ", „Вшествіе Предтечи въ адъ"—слово св. Евсевія, епископа александрійскаго [3]) и т. д.

Есть старинныя кельтскія сказанія о схожденіи въ адъ [4]), ирландскія [5]), итальянскія [6]) и пр. Сочетаніе этого международнаго запаса преданій съ традиціей классическаго язычества представляетъ великая поэма Данте.

Для той стадіи развитія даннаго сказанія, которую представляютъ „Лягушки" Аристофана, отмѣченныя впереди вкратцѣ международныя параллели даютъ не одинъ разъ интересныя разъясненія. Напримѣръ, Діонисъ, отправляясь въ адъ, спрашиваетъ о дорогѣ у Геракла, раньше его побывавшаго въ подземномъ царствѣ. Діонисъ проситъ Геракла перечислить города, пристани, гостиницы, попадающіяся путнику въ подземномъ царствѣ. Это звучитъ шутливо у Аристофана, но, можетъ быть, основано на дѣйствительномъ народномъ вѣрованіи, судя по египетскому представленію о царствѣ мертвыхъ. Египетская „Книга мертвыхъ" рисуетъ въ загробномъ мірѣ тѣ же города, съ тѣми же названіями, какъ и на землѣ; напримѣръ, упоминаемый египетскими текстами городъ Ehnis —не земной городъ Ahnas, но городъ подземнаго міра. Въ „Книгѣ мертвыхъ", когда мертвый разсказываетъ этапы подземнаго пути, онъ цитируетъ имена городовъ и мѣстностей,

---

1) *J. J. Ampère*. La Grèce, Rome. et Dante. Paris. 1870, 241.

2) Ук. кн. *Фриса*, с. 208.

3) *Арх. Сергій*. Полный мѣсяцесловъ Востока. I. 202.

4) *D'Arbois de Jubainville*. Les druides et les dieux celtiques à forme d'animaux. Paris. 1906.

5) *Л. Руанэ*. Замѣтка о чистилищѣ св. Патрика въ I т. перевода сочиненій Кальдерона, *К. Д. Бальмонта*.

6) *Гаспари*. Исторія итал. литературы, пер. *Бальмонта*, т. I.

гдѣ онъ проходилъ, и случившіяся съ нимъ приключенія [1]).

Представленія о потокѣ, который предстоитъ переплыть или перейти умершему, о лающихъ псахъ, охраняющихъ загробный путь, о платѣ кормщику—перевощику душъ—принадлежатъ общей индо-европейской древности [2]). Въ частности, въ Египтѣ, такъ какъ судья загробнаго міра Озирисъ возсѣдалъ среди полей, гдѣ находились оросительные каналы, мертвый непремѣнно долженъ былъ переѣзжать на лодкѣ. Въ связи съ этимъ, какъ указываетъ проф. Амелино, еще въ христіанскую эпоху египетскаго покойника перевозили въ родную деревню, гдѣ бы онъ ни умеръ. Можно предполагать вообще, что страны древности, особенно обильныя водою, направляемыя во всемъ развитіи жизни своими водными путями, наиболѣе способствовали развитію этой черты сказанія. Въ средневѣковой литературѣ, передающей видѣнія ада, адское озеро типизируется въ видѣ озера изъ льда, огня, крови, куда погружены грѣшники. И у Данте поэтъ въ сопровожденіи Виргилія переплываетъ на лодкѣ Флегія Стигійскую топь [3]). А затѣмъ видѣнія Данте сказываются въ изображеніи Харона въ „Послѣднемъ судѣ" Микель-Анжело, въ баркѣ, полной осужденныхъ, на фрескахъ послѣдняго суда Луки Синьорелли [4]), такъ что общее сказаніе объединяетъ собою происхожденіе не только высокихъ литературныхъ созданій, но и памятниковъ изобразительнаго искусства. Иллюстраторы нашихъ старинныхъ рукописей изображаютъ рѣку, отдѣляющую рай отъ всего обитаемаго міра, ближе всего примыкая къ „Апокалипсису", гдѣ упоминается рѣка воды живой, свѣтлой какъ кристаллъ, у престола Божія [5]).

Въ комедіи Аристофана „Лягушки" рабъ Ксанѳія, не принятый въ лодку Харона, вынужденъ обѣгать адское озеро сухимъ путемъ. Въ египетскихъ памятникахъ душу изобра-

[1]) Въ цитованной кн. проф. *Амелино*, с. с. 256. 515.

[2]) *А. Н. Веселовскій*, Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха. VI—X. Спб. 1893. 35.

[3]) Ср. въ цитированной книгѣ *Гаспари*.

[4]) Въ ст. *Ампера* Voyage Dantesque въ названномъ выше сборникѣ литературно-археол. статей, с. 308.

[5]) *Н. В. Покровскій*, Страшный судъ въ памятникахъ византійскаго и русскаго искусства. Труды VI Археол. Съѣзда, III, 361.

жаютъ иногда съ посохомъ въ рукѣ, направляющуюся къ горѣ, чтобы предпринять долгое путешествіе, имѣющее привести ее въ залъ суда передъ Озириса. Посохъ кладется иногда въ гробъ и при русскомъ погребеніи [1]). Еще изводъ пути въ адъ: лошадь, посланная за Маркомъ Пякельнымъ, крестникомъ Божіимъ, отъ его крестнаго въ бѣлорусскомъ сказаніи [2]). Срв. древне-русскія погребенія на лошади. На безграничныхъ равнинахъ Россіи эта національная черта естественно вступаетъ въ международное сказаніе о схожденіи въ адъ, какъ и сани русскаго погребенія.

Описывая путь въ адъ, Гераклъ разсказываетъ Діонису въ „Лягушкахъ" о страшныхъ змѣяхъ, которыхъ онъ встрѣтитъ на подземной дорогѣ. Такъ въ царскихъ гробницахъ Ѳиванскаго некрополя корридоры были полны змѣй, отъ 2 до 4 футовъ длиною. Въ этихъ змѣяхъ видѣли долго фантастискихъ чудовищъ, населяющихъ иной міръ и назначенныхъ внушать ужасъ душамъ, которыя намѣревались достигнуть лодки Ра, бога солнца. Но это, скорѣе, тѣла душъ, сошедшихъ въ подземный міръ и допущенныхъ къ вѣчному блаженству. По польскому повѣрью, въ цитованной сейчасъ книгѣ проф. Клингера, пекло (адъ) окружено безконечными болотами, гдѣ живутъ огромныя змѣи. О змѣяхъ въ преисподней, указываетъ тотъ же изслѣдователь, часто говорятъ народныя „хожденія" на тотъ свѣтъ, напримѣръ малорусскія и бѣлорусскія. Возможно, въ данной чертѣ сказанія отражается остатокъ тотемистическаго вѣрованія о змѣѣ—предкѣ. Такъ краснокожіе сѣверной Америки вѣрили, что по смерти душа покойника соединяется съ тотемомъ племени, съ которымъ онъ жилъ на землѣ. А на существованіе въ старой Аттикѣ распространеннаго культа змѣя-бога указываютъ многочисленные примѣры, собранные миссъ Harrison [3]). Что касается поэмы Данте, то тамъ чудовищные звѣри, встрѣчающіеся поэту въ аду, уже символизируютъ животные пороки человѣче-

[1]) Ср. рецензированную нами въ Уч. Зап. 1912, дек. кн. св. *А. Н. Соболева*, Загробный міръ по древне-русск. предст. Сергіевъ посадъ. 1913.

[2]) *В. П. Клингеръ*, Животное въ античномъ и соврем. суевѣріи, Кіевъ, 1911, с. 170.

[3]) Proleg. to the study of the Grec Religion, Cambridge, 1904.

ской природы, которые надо преодолѣть па пути къ совершенству [1]).

Но и лягушки, весело распѣвающія въ адскихъ топяхъ по комедіи Аристофана, не остаются чертою одинокою въ разбираемомъ сказаніи. Въ отмѣченномъ впереди схожденіи въ адъ Ѳеспесія, сохраненномъ у Плутарха, Ѳеспесій, умершій и снова вернувшійся къ жизни, разсказываетъ о посмертномъ судѣ надъ императоромъ Нерономъ. Душа кесаря обречена на то, чтобы войти въ змѣю, но въ виду того, что онъ освободилъ богоугодный народъ Еллиновъ, казнь смягчена, и Неронъ вселяется въ лягушку. Въ Сициліи вѣрятъ, что въ лягушкахъ послѣ смерти заключены души надменныхъ людей, чтобы, прежде чѣмъ сойти въ адъ, они подверглись всякимъ униженіямъ. По бѣлорусскому сказанію, упоминаемому въ книгѣ В. П. Клингера, лежебокъ и тунеядцевъ грызутъ на томъ свѣтѣ черви и лягушки. Уныніе въ видѣ лягушки представлено старой русской картиной, изображающей древо семи смертныхъ грѣховъ, въ качествѣ шестой вѣтки древа [2]). Наконецъ, эта подробность народнаго сказанія отражается и у Данте, когда, при появленіи Вѣстника неба, осужденныя души прячутся, какъ лягушки, увидѣвшія змѣю.

Отправляясь въ подземный міръ, Діонисъ въ комедіи Аристофана переодѣвается Геракломъ, потомъ уступаетъ до времени героическое одѣяніе рабу Ксанѳію. На этомъ переодѣваніи основаны самыя забавныя qui pro quo нашей комедіи. Сцены съ переодѣваніемъ вообще нерѣдки въ греческой комедіи, начиная съ ея древнѣйшихъ и простѣйшихъ народныхъ состояній [3]). Но въ данномъ примѣненіи переодѣваніе могло имѣть въ основѣ и магическое назначеніе. Въ Египетской „Книгѣ мертвыхъ" метаморфозы, вѣроятно, употреблялись для того, чтобы предупредить опасности дороги, какъ переодѣванія (напримѣръ, изъ мужского костюма въ женскій, какъ названіе мужчины женскимъ именемъ) для обмана злого духа представляютъ постоянную черту международныхъ сказаній о нечистой силѣ.

---

[1]) См. книгу *Гаспари*, с. 2[illegible]0.

[2]) *Покровскій*, ук. соч., с. 373.

[3]) Вопросъ подробно разсматривается въ изсл. *Ettore Romagnoli*, Origine ed elementi della commedia d'Aristofane.

Въ своемъ руководящемъ разсказѣ Діонису объ адской дорогѣ Гераклъ перечисляетъ тѣхъ преступниковъ, наказаніе которыхъ въ аду увидитъ Діонисъ. Та же идея о загробномъ воздаяніи сказывается въ ирландскомъ сказаніи о загробномъ мірѣ, XI вѣка: „Видѣніе Тундала", гдѣ наказанія въ аду распредѣляются соотвѣтственно съ важностью грѣха [1]). Точно также въ упомянутой бѣлорусской легендѣ о Маркѣ пякельномъ путь въ адъ для героя сказанія лежитъ черезъ мѣсто казни осужденныхъ. Въ „Хожденіи Богородицы по мукамъ" давшіе ложную клятву (ср. Аристофана) погружены до верху въ огненную рѣку [2]).

Судъ Діониса надъ трагическими поэтами въ преисподней, съ литературной точки зрѣнія, примыкаетъ къ обширно представленнымъ въ греческой комедіи критическимъ сужденіямъ о дѣятеляхъ литературы [3]). Съ другой стороны однако, тотъ же судъ надъ поэтами имѣетъ въ основѣ народный и международный судъ надъ мертвыми, обусловливающій разную ихъ судьбу въ царствѣ смерти. Въ Египетской „Книгѣ мертвыхъ" судья подземнаго міра судитъ человѣка по вѣсу его сердца, положеннаго на чашку вѣсовъ въ противовѣсъ съ истиной—правдой. Сюда же примыкаетъ (а нѣкоторыми и прямо сопоставляется) величественная сцена „Иліады", гдѣ Зевсъ взвѣшиваетъ на вѣсахъ смертныя судьбы двухъ противниковъ, Гектора и Ахилла. Въ южно-русской драмѣ „Судъ Божій надъ душою грѣшника", близко къ западнымъ образцамъ, ангелы и демоны взвѣшиваютъ на вѣсахъ списки добрыхъ и злыхъ дѣлъ человѣка [4]).

Въ общемъ, легшее въ основу „Лягушекъ" народное и международное сказаніе о схожденіи въ адъ представляетъ грандіозную тему, заслуживавшую-бы обширнаго и тщательнаго изученія.

Въ заключеніе отмѣтимъ, что ранѣе предлагаемаго перевода отрывокъ „Лисистраты" (начальный) переведенъ *Е.*

---

[1]) Въ «Исторіи итальянской литературы» *Гаспари*, с. 256.

[2]) Въ указ. соч. проф. *Покровскаго*, с. 365.

[3]) Ср. работу *G. W. Baker*, De comicis graecis litterarum iudicibus. Harward studies in classical philology, vol. XV, 1904, p. p. 121—240.

[4]) *Н. В. Покровскій*, назв. кн., с. 295.

Карновичемъ въ „Библіотекѣ для чтенія“ 1845 года, „Лягушки“ переведены *К. Ѳ. Нейлисовымъ* (Спб. 1887), и сцены той же комедіи *А. Баженовымъ* (Сочиненія и переводы, т. II) [1]). Но судя по современной потребности въ стихотворномъ переводѣ „Лягушекъ“ (см. „Гермесъ“ 1913 г., № 1—2), послѣдніе переводы, изъ которыхъ переводъ Нейлисова исполненъ ритмической прозой, не считаются удовлетворительными [2]).

Въ той же замѣткѣ „Гермеса“ указано, что къ хоровымъ партіямъ „Лягушекъ“ (какъ и „Облаковъ“ также) существуетъ въ англійской музыкальной литературѣ великолѣпная музыка, пользующаяся громаднымъ успѣхомъ на западѣ. Оно и неудивительно, если принять во вниманіе богатѣйшее разнообразіе и красоту Аристофановскихъ хоровъ въ этихъ комедіяхъ, способныя вдохновить выдающійся музыкальный талантъ. На равной лирической высотѣ съ хорами „Облаковъ“ и „Лягушекъ“ стоятъ и хоровыя партіи „Птицъ“, напримѣръ пѣсня удода ст. ст. 209 сл. и другія подобныя мѣста.

~~~~~~~~

[1]) Заимствуемъ эти данныя изъ сборника *В. А. Алексѣева*, Греческіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ.

[2]) Переводъ нашъ былъ уже законченъ, когда приложеніемъ къ «Гермесу» появился новый стихотворный переводъ «Лягушекъ» И. П. Цвѣткова.

ЛИСИСТРАТА.
~~~~~~~~

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Лисистрата, Калоника, Миррина — аѳинянки.

Лампито, спартанка.

Хоръ стариковъ—аѳинянъ.

Хоръ аѳинянокъ.

Членъ городского совѣта.

Женщины.

Кинесія, мужъ Миррины.

Мальчикъ.

Герольдъ спартанцевъ.

Спартанскіе послы.

Лисистрата.

Когда бы ихъ позвали въ Вакховъ храмъ,
Въ храмъ Пана, Коліады, Генетиллы [1]),
Нельзя пройти-бы было отъ тимпановъ.
Теперь нѣтъ женщины здѣсь ни одной,
Одна моя сосѣдка тамъ выходитъ.

(Выходитъ Калоника).

Привѣтъ, Калоника!

Калоника.

Здравствуй, Лисистрата!
Что хмуришься? Не гнѣвайся, дитя!
Вѣрь, не къ лицу тебѣ сводить такъ брови.

Лисистрата.

Но, Калоника, сердцемъ я горю
И всей душой скорблю за насъ, за женщинъ,
Что насъ мужчины почитаютъ всѣ
Злодѣйками ...

Калоника.

И, видитъ Зевсъ, по правдѣ!

Лисистрата.

А сказано имъ было здѣсь сойтись
На совѣщаніе о важномъ дѣлѣ,
Такъ спятъ, не идутъ....

[1]) Покровительница родовъ. Тимпаны употреблялись особенно на женскихъ праздникахъ.

Калоника.

Но, любезный другъ,
Еще придутъ; вѣдь труденъ женщинъ выходъ.
Одна изъ насъ хлопочетъ съ муженькомъ,
Раба другая будитъ, та дитя
Кладетъ, иная моетъ либо кормитъ.

Лисистрата.

Но поважнѣй иныя есть дѣла
У нихъ.

Калоника.

А что за дѣло, Лисистрата,
Зачѣмъ ты насъ сбираешь, женщинъ, здѣсь?
Какой вопросъ?

Лисистрата.

Большущій!

Калоника.

Ну? и толстый? [1])

Лисистрата.

Свидѣтель Зевсъ, и толстый!

Калоника.

И нейдутъ?

Лисистрата.

Не то, не то: тогда бы всѣ сбѣжались!
Но я другое дѣло вамъ нашла
И взвѣсила безсонными ночами.

Калоника.

И тонокъ, знать, твой взвѣшенный вопросъ!

Лисистрата.

О, тонокъ такъ, что для Эллады всей
Спасеніе въ рукахъ у насъ, у женщинъ.

---

[1]) Обычный въ комедіи непристойный намекъ.

Калоника.

Въ рукахъ у женщинъ? Мало же надеждъ!

Лисистрата.

У насъ въ рукахъ всѣ города дѣла,
А то не быть живымъ Пелопонесцамъ....

Калоника.

И лучше бъ имъ не быть, свидѣтель Зевсъ [1]).

Лисистрата.

И беотійцамъ всѣмъ въ конецъ погибнуть.

Калоника.

О нѣтъ, не всѣмъ: хоть устрицъ намъ оставь! [2])

Лисистрата.

А объ Аѳинахъ ужъ не заикнуся
Ничѣмъ подобнымъ: разумѣй сама!
Когда жъ сойдутся женщины сюда
И беотійцевъ, и пелопонесцевъ,
И мы,—спасемъ Элладу сообща.

Калоника.

Что женщины умно сумѣютъ сдѣлать,
Когда сидимъ въ цвѣтныхъ нарядахъ мы,
И въ пурпурѣ, и въ украшеньяхъ женскихъ,
Въ сандаліяхъ и Кимврскихъ одѣяньяхъ [3])?

Лисистрата.

Вотъ то-то насъ, надѣюсь, и спасетъ,
Пурпурныя одежды, запахъ мира,
Румяна и прозрачные хитоны.

---

[1]) Дѣйствіе комедіи происходитъ во время войны Аѳинъ со Спартой, которой помогали другія племена Пелопонеса.

[2]) Устрицы изъ беотійскаго озера Копаиды часто упоминаются Аристофаномъ, какъ излюбленный въ Аѳинахъ деликатесъ.

[3]) Кимврской одеждой называлось прозрачное льняное платье.

Калоника

Какъ это такъ?

Лисистрата.

Да такъ, что ни одинъ
Копья мужчина не подниметъ больше.

Калоника.

Клянусь богиней, въ пурпуръ наряжусь!

Лисистрата.

Щита не тронетъ...

Калоника.

Въ кимврское одѣнусь!

Лисистрата.

Оставитъ мечъ...

Калоника.

Сандалій накуплю!

Лисистрата.

Такъ не должны-ль-бы женщины собраться?

Калоника.

Свидѣтель Зевсъ, летѣть должны давно-бъ?

Лисистрата.

Увидишь, другъ,—Аѳинянки онѣ:
Все дѣлаютъ позднѣе, чѣмъ-бы надо.
Съ Поморья ни единой съ нами нѣтъ,
Ни съ Саламина....

Калоника.

Но онѣ, я знаю,
На челнокахъ отплыли на зарѣ.

Лисистрата.

И тѣ, кого ждала я и гадала
Увидѣть первыхъ съ нами, ахарнянки [1]),
И тѣ нейдутъ.

---

[1]) Подгородній поселокъ Ахарны первый пострадалъ отъ нападенія Спартанцевъ.

Калоника.

Но Ѳеагенова [1])
Чтобъ къ намъ пойти, Гекату вопрошала [2]).
Да вотъ кой-кто ужъ и подходитъ къ намъ,
А тамъ идутъ другія. Гей вы, гей вы!
Откуда путь?

Лисистрата.

Изъ Смрадова [3]).

Калоника.

О Зевсъ!
Вишь, Смрадовъ весь заволновался разомъ!
(Входитъ Миррина).

Миррина.

Не запоздали-ли мы, Лисистрата?
Что ты молчишь?

Лисистрата.

Не хорошо, что ты
Едва пришла, и для такого дѣла!

Миррина.

Но чуть въ потьмахъ я поясокъ сыскала.
Не терпитъ дѣло,—говори сейчасъ!

Лисистрата.

Нѣтъ, видитъ Зевсъ, еще мы подождемъ:
Отъ беотійцевъ и пелопонесцевъ
Сберутся жены.

Миррина.

Вотъ и хорошо!
А вотъ и Лампито какъ разъ подходитъ.
(Входитъ Лампито).

---

[1]) Аѳинянокъ часто называли по имени мужа.

[2]) Геката богиня подземнаго міра, покровительница волшебства.

[3]) Аѳинскій округъ Ἀνάγυρος названный по пахучему растенію Anagyris foetida.

Лисистрата.

Здорово, другъ—лаконка Лампито!
Какой красой, голубка, ты блистаешь!
Какъ пышенъ цвѣтъ, какъ крѣпокъ полный станъ.
Быка задавишь!

Лампито.

Видятъ боги, смѣло:
Нагая я не даромъ скокъ да скокъ!

Лисистрата.

И что за груди, право: просто чудо!

Лампито.

Какъ жертву, вы ну, щупать всѣ меня!

Лисистрата.

А это кто съ тобой? Откуда родомъ?

Лампито.

Посланницей Беотіи она
Приходитъ къ вамъ.

Лисистрата.

Ей-ей-же, беотійка,
И у тебя долинка—диво!

Калоника.

Такъ,
И съ прехитро подбритою щетинкой!

Лисистрата.

А эта кто, другая?

Лампито.

А она
Кориноянка.

Лисистрата.

Свидѣтель Зевсъ, и эта
Откуда родомъ, видно по всему.

Лампито.

Такъ кто, скажи, походъ собралъ весь этотъ
И женскій станъ?

Лисистрата.

Я!

Лампито.

Сказывай же намъ,
Чего ты хочешь!

Миррина.

Ради Зевса, душка!

Калоника.

Открой свои намъ важныя дѣла!

Лисистрата.

Сейчасъ скажу; но раньше, чѣмъ сказать,
Одинъ вопросъ задамъ.

Миррина.

Что только хочешь!

Лисистрата.

Тоскливо-ли вамъ безъ отцовъ дѣтей,
Ушедшихъ на войну? У васъ у всѣхъ вѣдь,
Я знаю, мужъ въ отлучкѣ далеко.

Миррина.

Да, мой то мужъ пять мѣсяцевъ, бѣднякъ,
Во Ѳракію пошелъ стеречь Евкрата [1]).

Калоника.

А мой семь цѣлыхъ мѣсяцевъ въ Пилосѣ [2]).

---

[1]) Евкратъ былъ посланъ слѣдить за Ѳракіей, чтобы та не отпала отъ Аѳинъ.
[2]) Одинъ изъ центровъ военныхъ операцій въ Пелопонесѣ.

Лампито.

А мой, когда и выйдетъ изъ рядовъ,
Перепояшется и вновь исчезнетъ.

Лисистрата.

Любовника—и то ни слѣду нѣтъ!
Съ тѣхъ поръ, какъ насъ милетяне предали [1],
Ремня я не видала въ восемь пядей,
Чтобъ „кожаной“ намъ „помощью“ онъ былъ [2].
Хотите-ли, когда сыщу я средство,
Со мной войну покончить?

Миррина.

Видитъ Зевсъ,
Готова я, хотя пришлось-бы платье
Мнѣ заложить и въ тотъ же день пропить.

Калоника.

И я готова, ровно камбалу,
Разрѣзать дать себя на половинки.

Лампито.

А я на самый верхъ Тайгета рада [3])
Взойти, чтобъ тамъ увидѣть милый миръ.

Лисистрата.

Скажу теперь, довольно мнѣ таиться:
Намъ надо, женщины, когда хотимъ мы
Мужей заставить вѣчный миръ хранить,
Сдержаться....

Калоника.

Отъ чего?

Лисистрата.

А согласитесь?

[1]) Милетъ въ Малой Азіи, съ начала войны сторонникъ Аѳинъ, отпалъ въ 412 г.

[2]) Въ ковычкахъ народная пословица.

[3]) Высокая гора въ Спартѣ.

Калоника.

Все сдѣлаемъ, хоть умереть сейчасъ!

Лисистрата.

Намъ воздержаться надо лишь отъ ложа.
Что жъ отвернулись вы? куда бѣжите?
Что, молча, головой трясете вы?
Всѣ блѣдныя, зачѣмъ вы льете слезы?
Согласны вы, иль нѣту, вотъ вопросъ!

Миррина.

Нѣтъ, никогда! пускай себѣ воюютъ!

Калоника.

И я, и я! Пускай идетъ война!

Лисистрата.

Ты, камбала, такъ говоришь? Давно-ли
На растерзанье отдавалась ты?

Калоника.

Все, все, что хочешь! Если надо, въ пламя
Готова я! Все, но не ложе, нѣтъ!
Нѣтъ лучшаго, о Лисистрата, въ жизни!

Лисистрата.

А ты?

Миррина.

И я готова хоть въ огонь!

Лисистрата.

О любострастный весь нашъ женскій родъ!
Трагедіи отъ насъ пошли недаромъ [1])!
Мы всѣ ничто, какъ Посейдонъ да лодки [2])....

[1]) Срв. ниже въ «Лягушкахъ» указанія на женскія трагедіи Еврипида.

[2]) Въ не сохранившейся трагедіи Софокла «Тиро» богъ моря Посейдонъ выступаетъ возлюбленнымъ героини и бросаетъ двухъ ея дѣтей въ лодкѣ.

Но, милая Лаконка, если ты
Одна со мной, еще спасемъ мы дѣло.
Ну, по рукамъ?

Лампито.

И трудно, видитъ Зевсъ,
Спать женщинѣ безъ мужа одиноко,
Но надо такъ: вѣдь нуженъ намъ и миръ.

Лисистрата.

О милый другъ, одна изъ нихъ жена ты!

Калоника.

Но если воздержаться, какъ ты хочешь,
(Не дай-то Зевсъ!)—скорѣй-ли отъ того
Настанетъ миръ?

Лисистрата.

Скорѣе, видятъ боги!
Когда, подкрасясь, будемъ мы сидѣть,
Иль, облачась въ аморгскіе хитоны [1]),
Пройдемъ нагія, съ „дельтою“ подбритой,
И загорятся пламенемъ мужья,
А мы—ни-ни! ни шагу! дальше руки!
Навѣрно миръ и скоро заключатъ.

Лампито.

Такъ Менелай, нагой Елены грудь
Увидѣвъ, мечъ свой выронилъ, я помню [2]).

Калоника.

А если бросятъ насъ мужья, дружокъ?

Лисистрата.

По Ферекрату, драную драть суку.

[1]) Островъ Аморгъ былъ извѣстенъ производствомъ прозрачныхъ тканей.

[2]) Когда пала Троя, и Менелай бросился съ мечомъ на Елену, ее спасла отъ мести оскорбленнаго мужа ея красота.

Калоника.

Э, пустяки весь этотъ лживый мимъ [1]).
А если въ спальню силой, ухвативъ,
Потащутъ насъ?

Лисистрата.

Хватайся, знай, за двери!

Калоника.

А поколотятъ?

Лисистрата.

Нехотя давай!
Нѣтъ въ этомъ наслажденья при насильѣ.
И всяко надо злить: небось скоренько
Отступятся! Не насладится мужъ,
Когда женѣ не любо наслажденье.

Калоника.

Когда рѣшили вы, и мы въ одно.

Лампито.

Но если мы своихъ мужей заставимъ
По правдѣ, безъ коварства миръ хранить,
То кто толпу аѳинской буйной черни
Уговоритъ не пустословить вновь?

Лисистрата.

Небось, ужъ мы своихъ-то переспоримъ!

Лампито.

Охъ, нѣтъ, пока есть ноги у тріеръ,
Да серебра есть куча у богини [2]).

[1]) Ферекратъ, сицилійскій поэтъ народнаго мима, или фарса, очевидно упоминалъ тотъ способъ замѣны общенія съ мужчиной, на который былъ и раньше намекъ.

[2]) Аѳинскій государственный банкъ помѣщался въ заднихъ покояхъ храма Аѳины.

Лисистрата.

Обдумано и это у меня:
Захватимъ мы акрополь свой сегодня.
Приказано старухамъ сдѣлать такъ:
Покуда мы бесѣдуемъ въ собраньѣ,
Подъ видомъ жертвы верхній кремль занять.

Лампито.

Ну, коли такъ, устроится все ладно.

Лисистрата.

Такъ почему жъ скорѣе, Лампито,
Не клясться намъ на утвержденье дѣла?

Лампито.

Ну, сказывай намъ клятву: присягнемъ.

Лисистрата.

Отлично! Гдѣ-же Скиѳка? Что зѣваешь [1]?
Перевернувши щитъ, клади впередъ,
И дай намъ жертву!

Калоника.

Только, Лисистрата,
Какой присягой клясться?

Лисистрата.

Какъ какой?
На щитъ, какъ говорятъ въ Эсхилѣ гдѣ-то [2],
Заклавъ овцу.

Калоника.

Нѣтъ, Лисистрата, нѣтъ,
Не надо клясться надъ щитомъ о мирѣ.

Лисистрата.

Но какъ же присягать?

---

[1]) Скиѳка — рабыня.
[2]) Въ трагедіи Эсхила «Семь противъ Ѳивъ».

Калоника.

А что-бы лошадь
Взять бѣлую и въ жертву принести?

Лисистрата.

Какъ лошадь бѣлую?

Калоника.

Но какъ же клясться?

Лисистрата.

Когда ты хочешь, я тебѣ скажу:
Поставимъ здѣсь большой бокалъ и черный,
Потомъ, заклавъ Ѳасосскій мѣхъ вина [1],
Не доливать водой клянемся чашу.

Лампито.

О Зевсъ, нѣтъ словъ ту клятву похвалить!

Лисистрата.

Неси сюда изъ дому мѣхъ съ бокаломъ!

Калоника.

Голубушки-подружки, вотъ такъ чаша!
Испивъ ее, развеселишься вразъ!

Лисистрата.

Поставь ее! Держися за кабана [2]!
Пейто—царица, дружескій бокалъ [3],
Прими отъ женщинъ благосклонно жертву!

(Прокалываетъ мѣхъ съ виномъ).

Калоника.

Красна та кровь и сладостно кипитъ.

---

[1]) Островъ Ѳасосъ — родина одного изъ лучшихъ сортовъ греческаго вина.
[2]) При совершеніи договора закалали кабана. Въ данномъ случаѣ «кабаномъ» называютъ мѣхъ съ виномъ.
[3]) Пейто—богиня убѣжденія; срв. ниже въ «Лягушкахъ».

Лампито.

Да какъ пріятно пахнетъ, видитъ Касторъ [1])!

Миррина.

Ахъ, дайте первой мнѣ принять присягу!

Калоника.

Нѣтъ, видятъ боги, жребій все рѣшитъ.

Лисистрата.

Беритесь всѣ за чашу. Лампито,
Да повторяй одна за всѣхъ присягу,
А вы клянитесь въ подтвержденье словъ!
Нѣтъ никого, любовника ни мужа...

Калоника.

Нѣтъ никого, любовника ни мужа...

Лисистрата.

Кто съ вожделѣньемъ подойдетъ.... Молчишь?

Калоника.

Кто съ вожделѣньемъ подойдетъ... Охъ, охъ,
Мои колѣни гнутся, Лисистрата.

Лисистрата.

Я стану дома жить и безъ быка....

Калоника.

Я стану дома жить и безъ быка....

Лисистрата.

Въ пурпурномъ платьѣ, нарумянивъ щеки....

Калоника.

Въ пурпурномъ платьѣ, нарумянивъ щеки....

---

[1]) Одинъ изъ боговъ—близнецовъ, почитавшихся въ Спартѣ.

Лисистрата.

Чтобъ возгорѣлся страстью мужъ ко мнѣ...

Калоника.

Чтобъ возгорѣлся страстью мужъ ко мнѣ...

Лисистрата.

Я жъ добровольно не внемлю вовѣки...

Калоника.

Я-жъ добровольно не внемлю вовѣки...

Лисистрата.

А если силой вынудитъ меня....

Калоника.

А если силой вынудитъ меня....

Лисистрата.

Дамъ нехотя, безъ страстнаго движенья...

Калоника.

Дамъ нехотя, безъ страстнаго движенья...

Лисистрата.

Не подниму я ногъ до потолка...

Калоника.

Не подниму я ногъ до потолка...

Лисистрата

Не встану львицею на четвереньки....

Калоника.

Не встану львицею на четвереньки....

Лисистрата.

А въ подтвержденье пью изъ чаши я....

Калоника.

А въ подтвержденье пью изъ чаши я....

Лисистрата.

Когда жъ солгу, водой наполнись, чаша!

Калоника.

Когда жъ солгу, водой наполнись, чаша!

Лисистрата.

Вы всѣ клянетесь въ этомъ?

Миррина.

Видитъ Зевсъ!

Лисистрата.

Такъ освящу я чашу!

Калоника.

Лишь частичку;
Голубушка, чтобъ быть намъ въ дружбѣ всѣмъ!

Лампито.

Что тамъ за вопль?

Лисистрата.

То, что сказала я:
Знать, женщины—богини верхній городъ
Ужъ забрали. Скорѣе, Лампито,
Ступай впередъ и все устрой тамъ дѣло,
А ихъ оставь заложницами здѣсь!
Мы съ остальными, сѣвшими въ кремлѣ,
Войдемъ и въ ворота засовы всунемъ.

Калоника.

Ты думаешь, мужчины не пойдутъ
Сейчасъ на насъ?

Лисистрата.

А мнѣ какое дѣло!
Такихъ угрозъ они не принесутъ
И пламени, чтобъ имъ открыть ворота
Безъ тѣхъ условій, какъ сказали мы.

Калоника.

Клянусь богиней, никогда, иначе
Трусихами насъ злыми назовутъ!

(Уходятъ. Входитъ хоръ стариковъ аѳинянъ).

Хоръ стариковъ.

Ступай, Дракитъ, спѣши бѣгомъ, пускай плечамъ и трудно
Такое тяжкое бревно нести оливы свѣжей!
Какъ много необычнаго бываетъ въ долгой жизни!
Ну, кто бы ожидалъ когда, другъ Стримодоръ, услышать,
Что женщины, которыхъ мы
Кормили въ домѣ, лютыхъ змѣй,
Возьмутъ святую статую [1]),
Акрополь мой возьмутъ родной
И накрѣпко засовомъ
Замкнутъ намъ Пропилеи? [2])
Но поскорѣе къ городу спѣшите, о Филургій,
Чтобъ обложивши ихъ кругомъ колодами деревьевъ,
Всѣхъ тѣхъ, кто въ заговоръ сей злой вступили и свершили,
Одинъ костеръ нагромоздивъ, своими сжечь руками,
Единымъ приговоромъ всѣхъ, и первую—Ликона [3]).
Клянусь Деметрою, пока я живъ, имъ не смѣяться!

---

1) Старая деревянная статуя Аѳины, по мѣстному преданію упавшая съ неба.

2) Входная въ акрополь колоннада.

3) Вмѣсто Ли—систраты старики неожиданно называютъ жену Ли—кона, осмѣиваемую комедіей за распутную жизнь.

Вѣдь даже Клеоменъ, когда акрополь—первый взялъ онъ [1]),
Не щупанный не спасся онъ,
Но духомъ весь Спартанскимъ полнъ,
Бѣжалъ, оружье сдавши мнѣ,
Въ коротенькомъ плащишкѣ,
Небритый, грязный, трепаный,
Шесть годовъ не мытый,—
Такъ я жестоко осаждалъ отважнаго героя,
Въ числѣ семнадцати щитовъ при воротахъ ночуя [2]).
А этихъ, Еврипиду, да и всѣмъ богамъ враждебныхъ [3]),
Неужто я не сокращу въ подобномъ злодѣяньѣ?
Пусть мой тогда ужъ не стоитъ трофей въ Четвероградьѣ! [4]).
Теперь осталось мнѣ пути
До города вотъ этотъ
Курносый склонъ, куда взобраться надо.
И гдѣ же тутъ вскарабкаться,
Да безъ осла вдобавокъ?
А бревна тѣ ужъ мнѣ набили плечи!
Но все же надо двигаться
И раздувать намъ пламя,—
Непримѣтно-бъ не потухло подъ конецъ всего пути [5]).
Фу-фу!
Что за дымъ!
Какъ страшно-грозно, царь Гераклъ,
Дымъ лѣзетъ—лѣзетъ изъ горшка,
И бѣшено грызетъ глаза, собака!
Лемносскій это, знать, огонь
Навѣрное, я мыслю,

---

[1]) Клеоменъ—спартанскій царь, вызванный въ 510 году аѳинскими аристократами бороться съ демократической реформой Клисѳена.

[2]) То есть въ числѣ семнадцати отрядовъ, по числу аѳинскихъ колѣнъ.

[3]) Еврипида комедія постоянно рисуетъ женоненавистникомъ.

[4]) Такъ названы Аѳины по соединенію изъ четырехъ старѣйшихъ поселковъ.

[5]) Старики несутъ въ горшкѣ угли, чтобы поджечь женщинъ.

А иначе такъ не грызъ-бы онъ зубами мнѣ зрачки [1]).
Торопись скорѣе въ кремль
И богинѣ пособляй;
И когда-жъ, Лахетъ, ей больше, чѣмъ сегодня пособить?
Фу-фу!
Что за дымъ!
По волѣ божіей живетъ и бодрствуетъ то пламя.
Такъ что же, если бревна мы сперва вотъ здѣсь положимъ,
Да заложивъ потомъ въ горшокъ лозу отъ винограда,
И запалимъ, и въ ворота тараномъ крѣпче грянемъ?
А если на призывы намъ не отомкнутъ засововъ,
Должны ворота мы зажечь и дымомъ выбивать ихъ.
Такъ сложимъ наземь грузъ сперва.
Ухъ, ухъ, и дымъ же, братцы!
И кто возьмется за бревно—Самосскій полководецъ [2])?
Ну, вотъ и перестали вы, дрова, давить мнѣ спину!
Твое ужъ дѣло, мой горшокъ расшевелить свой уголь,
Чтобъ факелъ пламенный скорѣй - скорѣе дать мнѣ въ руки.
Побѣда матерь, сниди къ намъ, надъ женщинами-жъ въ градѣ
За дерзость нынѣшнюю ихъ дай намъ трофей воздвигнуть.

(Входитъ хоръ женщинъ).

Хоръ женщинъ.

Я вижу, кажется, и чадъ и дымъ, мои подруги,
Какъ будто пламя здѣсь горитъ. Скорѣе поспѣшайте!
Лети, лети, Никодика,
Пока не затлѣлась Калика,
И Критиллу обдувай
Отъ законовъ нашихъ тяжкихъ,
Отъ проклятыхъ стариковъ!

---

[1]) По преданію, женщины острова Лемноса перебили мужчинъ и сами захватили власть.

[2]) Въ 412 году три аѳинскіе корабля легко изгнали олигарховъ съ о. Самоса; и теперь «Самосскаго полководца» призываютъ одолѣть женщинъ.

Я одного боюсь, дрожу, не поздно-ль помогаю!
Сейчасъ наполнивши едва ведро свое въ потемкахъ
Изъ подъ колодца, средь толпы и давки, да и стука
Горшками, протолкавшись межъ
Рабынь и мѣченыхъ рабовъ [1]),
Поднявъ ведро, къ сосѣдкамъ
Моимъ горящимъ
Бѣгу съ водой на помощь.
Я слышу, злые старики
Бредутъ на приступъ, и дрова
Несутъ задать намъ баню,
Вязанки трехпудовыя,
И страшно намъ грозятся,
Что надо женщинъ пламенемъ испепелить негодныхъ.
Не дай, богиня, мнѣ вовѣкъ увидѣть ихъ горящихъ,
Но спасшихъ отъ безумства войнъ Элладу и согражданъ!
Затѣмъ то мы, Златокудрая,
Твою святыню взяли.
Тебя зову союзницей,
Тритогенея [2])! Если ихъ
Рука подожжетъ мужская,
Неси воды за нами!
Эй, погоди! Что вздумали, противные мужчины!
Никакъ благочестивые не сдѣлали бы эдакъ!

Хоръ стариковъ.

Какое дѣло намъ пришлось нежданное увидѣть:
Вотъ горстка женщинъ за врата выходитъ отбиваться!

Хоръ женщинъ.

Не зубоскальте! Мало насъ, вамъ кажется, пожалуй?
Десятитысячной еще не видите вы доли!

Хоръ стариковъ.

О Федрія, неужто мы позволимъ имъ глумиться?

[1]) Во избѣжаніе бѣгства аѳиняне клеймили рабовъ знаками на тѣлѣ (а римляне съ той же цѣлью надѣвали на рабовъ ошейники).
[2]) Эпитетъ богини Аѳины.

Давай скорѣй, хватай бревно, да и катай ихъ въ рыло!

Хоръ женщинъ.

Опустимъ ведра, женщины, и мы на землю, чтобы,
Когда подыметъ руку врагъ, ничто намъ не мѣшало!

Хоръ стариковъ.

Когда бы дать имъ въ зубы два и три раза покрѣпче,
Какъ Бупалу, какъ разъ онѣ вопить бы позабыли [1])!

Хоръ женщинъ.

А ну-ка, сунься, вздуй меня! Гляди: подставлю щеку....
Другая сука ужъ тебя за яица не схватитъ.

Хоръ стариковъ.

Когда не смолкнешь, разъ хвачу и расшибу ударомъ!

Хоръ женщинъ.

Ну, подойди, дотронься лишь перстомъ до Стратиллиды!

Хоръ стариковъ.

А какъ пощечинъ надаю, что сдѣлаешь со мною?

Хоръ женщинъ.

Взревѣвъ, тебѣ всѣ легкія и всѣ кишки я вырву!

Хоръ стариковъ.

Нѣтъ, Еврипида славнаго мудрѣе нѣтъ поэта.
Безстыднѣй твари не сыскать на свѣтѣ нашихъ женщинъ!

Хоръ женщинъ.

Подымемъ разомъ полное ведро воды, Родиппа!

Хоръ стариковъ.

Чтожъ ты, богамъ враждебная, сюда съ водой приперлась?

[1]) Бупалъ—скульпторъ, осмѣянный рѣзкими ямбами поэта Гиппонакта.

Хоръ женщинъ.

А ты-то, гробъ, зачѣмъ съ огнемъ? Поджечь костеръ свой смертный?

Хоръ стариковъ.

Нѣтъ, чтобъ костеръ нагромоздить и сжечь твоихъ подружекъ.

Хоръ женщинъ.

А я, чтобъ этотъ твой костеръ водой залить своею.

Хоръ стариковъ.

Тебѣ залить костеръ у насъ?

Хоръ женщинъ.

Увидишь вмигъ на дѣлѣ.

Хоръ стариковъ.

Не знаю, коли факеломъ тебя хвачу я этимъ.

Хоръ женщинъ.

Когда чесотка у тебя, сейчасъ сготовлю баню.

Хоръ стариковъ.

Ты баню мнѣ, гнилая тварь?

Хоръ женщинъ.

Точь-точь по жениховски!

Хоръ стариковъ.

Ты слышалъ эти дерзости?

Хоръ женщинъ.

Свободной я родилась!

Хоръ стариковъ.

Зажму тебѣ я живо ротъ!

Хоръ женщинъ.

Не быть тебѣ судьею!

Хоръ стариковъ.

Спали ей волосы, спали!

Хоръ женщинъ.

Пролейся, Ахелой мой [1])!

Хоръ стариковъ.

О, горе мнѣ!

Хоръ женщинъ.

Аль горячо?

Хоръ стариковъ.

Гдѣ горячо? Оставь, не тронь!

Хоръ женщинъ.

Полью тебя: рости-ка!

Хоръ стариковъ.

Ужъ высохъ я, и весь трясусь!

Хоръ женщинъ.

Такъ что жъ? Огонь съ тобою есть: погрѣйся хорошенько!

(Входитъ членъ городского совѣта).

Членъ совѣта.

Знать, буйство женщинъ жарко разгорѣлось,
Тимпановъ звонъ, Сабазіевы крики [2])
И надъ Адонисомъ на кровлѣ плачъ [3]),
Который слышалъ я, бывало, съ вѣча.
Не въ пору Демостратъ тогда велѣлъ [4])

---

[1]) Ахелой—самая большая рѣка Греціи, вмѣсто воды вообще.

[2]) Сабазій—богъ ѳракійскихъ оргій, отождествляемый съ Діонисомъ.

[3]) Адонисъ, прекрасный возлюбленный богини Афродиты. Плачъ о немъ составлялъ обрядъ его праздника.

[4]) Демостратъ—аѳинскій демагогъ, современный несчастной экспедиціи въ Сицилію.

Къ Сициліи отплыть, жена же въ пляскѣ:
„Ай-ай, Адонисъ!“ кличетъ; Демостратъ
Велѣлъ сбирать гоплитовъ на Закинѳѣ [1]),
А та, подпивъ, на крышѣ женщина
„Бей въ грудь по Адонису!“ восклицала.
А все безумецъ побѣдилъ Бузигъ [2]).
Вотъ вамъ плоды: безстыдное распутство!

Хоръ стариковъ.

А что, когда скажу ихъ новый грѣхъ?
Нахальныя, онѣ сейчасъ изъ ведеръ
Насъ облили, и въ пору одежонку
Намъ отряхать, точь точь пустили мы.

Членъ совѣта.

И подѣломъ, свидѣтель Посейдонъ!
Когда мы сами вѣчно портимъ женщинъ,
Когда мы сами учимъ буйствамъ ихъ,
Такіе то плоды на свѣтъ родятся.
Мы въ мастерской, бывало, говоримъ:
„Эй, ювелиръ, ты сдѣлалъ ожерелье;
Когда жъ жена вчера плясала въ немъ,
Замочекъ, слышь, повыскочилъ у втулки.
А мнѣ то надо ѣхать въ Саламинъ.
Найди досугъ и вечеркомъ зайди
Покрѣпче ей приладить втулку въ дырку“!
Къ башмачнику заходитъ мужъ другой,
Къ молодчику уже не съ дѣтской страстью:
„Башмачникъ, молъ, тамъ у моей жены
Подъ ремешкомъ натерло больно пальчикъ,
Мизинчикъ, вишь; такъ въ полдни забѣги,
Да ей расширь, чтобъ попросторнѣй стало!“
И вотъ какъ мы дошли ужъ до того,
Что я, совѣтникъ, намъ гребцовъ нанявши
И деньгами нуждаясь сей-же часъ,

---

[1]) Закинѳъ въ началѣ войны былъ за аѳинянъ.
[2]) Бузиги—вліятельный жреческій родъ, къ которому принадлежалъ Демостратъ.

Вдругъ женками въ ворота не допущенъ.
Нельзя стоять намъ зря. Тащи таранъ,
Чтобъ дерзости посбавить съ нихъ скорѣе!
Что ты, болванъ, зѣваешь? Что стоишь?
Тебѣ-бъ одно—харчевней любоваться!
Подставьте ломъ живѣй подъ ворота!
Ломайте ихъ! А я отсюда самъ
Вамъ подсоблю....

(Входитъ Лисистрата)

Лисистрата.

Не надо! Не ломайте!
Сама иду я. И на что тутъ ломъ?
Не ломъ вамъ нуженъ болѣе, но разумъ.

Членъ совѣта.

Взаправду, дерзкая? Гдѣ полицейскій?
Хватай ее! Вязать назадъ ей руки!

Лисистрата.

Клянуся Артемидой, только тронь,
Холопъ народа, самъ тогда заплачешь!

Членъ совѣта.

Ты струсилъ, рабъ? Хватай ее въ охапку,
А ты ему подсабливай вязать!

Первая женщина.

Клянусь Пандросой, если только тронешь [1])
Ее рукой, такъ истопчу тебя!

Членъ совѣта.

Истопчешь, да! Эй ты, другой стрѣлокъ,
Болтунью эту первую въ веревки!

Лисистрата.

Клянусь Пресвѣтлой, если только ты
Ея коснешься, вмигъ запросишь банокъ!

---

[1]) Пандроса—дочь миѳическаго аѳинскаго царя Кекропса, богиня утренней росы.

Членъ совѣта.

Да что жъ это? Хватай ее, стрѣлокъ!
Ужъ отучу отъ вылазокъ васъ этихъ!

Первая женщина.

Лишь приступись: клянусь Тавриды дѣвой [1]),
Всѣ волосы повыдеру тебѣ!

Членъ совѣта.

О, горе мнѣ! Стрѣлковъ ужъ не хватаетъ!
Но женщинамъ возможно-ль уступить?
Идемъ на нихъ всѣ сообща, о скиѳы,
Сомкнувшись въ строй!

Лисистрата.

Увидите сейчасъ,
Что и у насъ четыре есть отряда
Вооруженныхъ женщинъ боевыхъ!

Членъ совѣта.

Крутите всѣмъ назадъ имъ руки, скиѳы!

Лисистрата.

Соратницы, бѣгите всѣ сюда,
Вы, сѣменемъ и овощью торговки,
И чеснокомъ, и булкой, и виномъ,
Тѣсните ихъ, ломите, не сдавайтесь!
Ругайте ихъ, безстыжихъ, безъ стыда!
Довольно съ нихъ! Назадъ! Не стоитъ грабить!

Членъ совѣта.

Увы, прескверно дѣйствовалъ стрѣлокъ!

Лисистрата.

Ты думалъ какъ? Ты мыслилъ, на рабынь
Ты нападалъ, и въ женщинахъ не ждалъ ты
Грозы и гнѣва?

---

[1]) Артемидой, почитаемой въ Тавридѣ.

Членъ совѣта.

Пылъ-то, видитъ Фебъ,
У васъ большой, когда кабакъ въ сосѣдствѣ!

Хоръ стариковъ.

О много растерявшiй словъ, родныхъ Аѳинъ совѣтникъ,
Къ чему пускаться въ разговоръ съ подобными звѣрями?
Не знаешь ты, какую намъ онѣ задали баню,
Хоть въ одеженкѣ стариковъ и пыли не бывало!

Хоръ женщинъ.

А ты-бъ не поднималъ руки на ближняго, бѣдняга,
Напрасно; а поднявши, самъ и вышелъ съ синяками.
Я скромная, какъ дѣвушка, сидѣла-бы спокойно,
Не обижая никого, не трогая ни капли,
Пока меня не раздразнятъ, какъ грозный рой осиный.

Хоръ стариковъ.

Скажи же, Зевсъ, что дѣлать намъ съ чудовищами злыми?
Нестерпимо намъ это, изслѣдуй же ты
Съ нами эту бѣду,
Что хотѣли онѣ, когда взяли у насъ
Кремль Краная царя [1]),
Неприступный, великiй, скалистый нашъ кремль
И округъ святой!
Такъ допрашивай ихъ, не довѣрься ты имъ, все на чистую выведи воду!
Намъ позорно, повѣрь, безъ изслѣдованья оставить подобный проступокъ.

Членъ совѣта.

Видитъ Зевсъ, я сперва пожелалъ бы у нихъ, у женщинъ о томъ допроситься,
Что желали достигнуть онѣ, когда кремль замыкали засовами крѣпко?

Лисистрата.

Чтобы деньги всѣ въ цѣлости вамъ сохранить, и за нихъ вы не бились войною.

---

[1]) Кранай—миѳическiй царь Аѳинъ.

Членъ совѣта.

Изъ за денегъ мы развѣ воюемъ сейчасъ?

Лисистрата.

И все изъ за нихъ взволновалось.
Чтобы было Пейсандру чего воровать и прочимъ властямъ предержащимъ [1]),
Постоянно они зачинаютъ раздоръ. Но пусть, что хотятъ, замышляютъ,
Ужъ этихъ денегъ вовѣки они не получатъ на руки больше.

Членъ совѣта.

Какъ ты сдѣлаешь это?

Лисистрата.

Вотъ странный вопросъ: управлять ими будемъ мы сами.

Членъ совѣта.

Управлять вы деньгами станете?

Лисистрата.

Такъ, и что тутъ ужаснаго видишь?
Или дома не мы же всегда и у васъ управляемъ финансами также?

Членъ совѣта.

Это дѣло иное!

Лисистрата.

Иное? Какъ такъ?

Членъ совѣта.

Воевать должны мы на деньги.

Лисистрата.

Но, во-первыхъ, не надо совсѣмъ воевать!

---

[1]) Пейсандръ—демагогъ, захватившій вліяніе послѣ паденія Алкивіада.

Членъ совѣта.

А какъ же спастися иначе?

Лисистрата.

Мы васъ сами спасемъ.

Членъ совѣта.

Вы?

Лисистрата.

Да мы же!

Членъ совѣта.

Вотъ страсть!

Лисистрата.

Ты будешь спасенъ, хоть не хочешь того.

Членъ совѣта.

Это ужасъ!

Лисистрата.

Сердись, не сердися!
Это надо и сдѣлано будетъ.

Членъ совѣта.

Клянусь Деметрою, несправедливо!

Лисистрата.

Мы должны васъ спасти!

Членъ совѣта.

Хоть не просятъ у васъ?

Лисистрата.

Оттого-то тѣмъ болѣе надо!

Членъ совѣта.

А вамъ-то съ чего забота пришла о войнѣ и о мирѣ такая?

Лисистрата.

Мы вамъ все объяснимъ.

Членъ совѣта.

Но скорѣй говори, чтобъ не плакать!

Лисистрата.

Такъ слушай, почтенный!
Да воли, гляди, рукамъ не давай!

Членъ совѣта.

Но не въ силѣ сдержаться я, трудно
Отъ гнѣва ихъ удержать.

Первая женщина.

Такъ тогда еще ты и пуще заплачешь!

Членъ совѣта.

Сама себѣ каркай, старая! Ты жъ говори мнѣ скорѣй!

Лисистрата.

И скажу я.
Мы въ минувшія войны и въ прошлые дни терпѣли и все выносили
Отъ скромности нашей отъ женской, чего бъ на войнѣ ни творили мужчины.
Не давали, бывало, и пикнуть вы намъ, хоть не все же вы дѣлали ладно.
Но за вами слѣдили во всѣ мы глаза, и часто, хоть дома сидѣли,
Мы слыхали, какъ вы неладно совсѣмъ рѣшали по важному дѣлу.
И когда мы, бывало, скорбимъ, то, смѣясь наружно, распрашивать станемъ,
Что у васъ рѣшено про миръ и союзъ записать на камнѣ сегодня [1])
Въ собраніи вашемъ; но мужъ отвѣчалъ: „а тебѣ какое тутъ дѣло?
Помолчи-ка себѣ!“ И смолкала я тутъ.

[1]) Рѣшенія народнаго собранія записывались на каменныхъ таблицахъ.

Первая женщина.

Но ужъ я-то молчать-бы не стала!

Членъ совѣта.

А не стала-бъ молчать, такъ ревѣть бы пришлось!

Лисистрата.

Вотъ такъ и молчала я дома.
А немного спустя, и похуже еще услыхавши рѣшеніе ваше,
Мы рѣшались спросить: „какъ-же такъ, муженекъ, такъ безсмысленно вы натворили?“
Исподлобья взглянувши, мнѣ мужъ говорилъ: „когда не возьмешься за пряжу,
Заревешь ты ревмя надъ своей головой, о войнѣ жъ позаботятся мужи“.

Членъ совѣта.

Видитъ Зевсъ, и по правдѣ онъ такъ говорилъ!

Лисистрата.

Но какъ же по правдѣ, несчастный,
Если даже при скверномъ рѣшеніи вамъ все дать мы не смѣли совѣта?
А когда ужъ отъ васъ по улицамъ мы услыхали явственно вовсе:
„Нѣтъ мужа и нѣтъ въ родной сторонѣ!“ — „Видитъ Зевсъ!“ отвѣчали другіе,—
Послѣ этого мы порѣшили сейчасъ спасти сообща намъ Элладу,
Всѣмъ женщинамъ вмѣстѣ собравшись. И какъ еще бы могли ожидать мы?
Такъ когда вы хотите нашъ добрый совѣтъ въ свой черёдъ послушать спокойно
И безмолвствовать такъ, какъ бывало и мы, еще мы спасемъ васъ, пожалуй!

Членъ совѣта.

Вы насъ? это ужасно, что ты говоришь! Нестерпимо мнѣ слушать!

Лисистрата.

Молчи-же!

Членъ совѣта.

Предъ тобою, проклятая, мнѣ замолчать, и къ тому же съ повязкою этой
На твоей головѣ? Да ужъ лучше не жить!

Лисистрата.

Коли это тебѣ помѣшало,
Вотъ эту повязку прими отъ меня
И на голову надѣнь ты ее,
И послѣ молчи,
И корзиночку эту съ шерстями возьми,
И пряди-ка себѣ, подпоясавъ свой станъ,
И бобы грызя;
О войнѣ жъ позаботятся жены!

Хоръ женщинъ.

Эй, уберите ведра здѣсь, подруженьки, съ дороги,
Чтобы, насколько силы есть, и намъ помочь подружкамъ!
Я не помню, чтобъ когда въ пляскѣ я устала,
Никогда моихъ колѣнъ этотъ трудъ не мучалъ!
Я готова на все
Ради доблести съ ними пойти, у кого
Есть порода, краса,
Есть и смѣлость и мудрость, и честь
Патріотовъ высокихъ!
О храбрѣйшая духомъ изъ кумушекъ всѣхъ, изъ ораторовъ пламенныхъ нашихъ,
Съ отвагой ступай, не сдаваяся имъ, и съ попутнымъ отчаливай вѣтромъ!

Лисистрата.

А когда услаждающій сердце Эротъ и царица природная Кипра
Желаніе къ намъ возбудитъ въ груди и въ бедрахъ блаженную нѣгу,
И сладкою страстью исполнитъ мужчинъ и мужскою упругою силой,

Я надѣюсь, тогда Лисимахами насъ назовутъ по заслугѣ въ Элладѣ [1]).

Членъ совѣта.

Что хотите вы сдѣлать?

Лисистрата.

Да прежде всего помѣшать вамъ таскаться съ оружьемъ,
Какъ глупцамъ, по базару.

Первая женщина.

И я говорю, клянусь Афродитой Паѳійской!

Лисистрата.

А сейчасъ-то они и въ горшечномъ ряду и въ зеленомъ равно постоянно
По базару гуляютъ въ оружіи всемъ, точь-точь Корибанты на битвѣ [2]).

Членъ совѣта.

Но, клянуся Зевсомъ, такъ надо бойцамъ отважнымъ!

Лисистрата.

Но это потѣшно,
Если, щитъ вознося и Горгону свою, покупаете вдругъ вы селедку! [3])

Первая женщина.

Такъ-то, видитъ Зевесъ, на конѣ я вчера командира признала отряда,
Какъ въ желѣзный шеломъ онъ яицъ наложилъ, накупивъ у старухи-торговки;
А другой-то Ѳракіецъ, точь-точь какъ Терей, потрясая копьемъ и колчаномъ [4]),

---

[1]) Лисимахами, то есть прекратившими битвы.

[2]) Жрецы богини Кибелы, отгонявшіе ударами по щиту нечистую силу.

[3]) Горгона—миѳическое чудовище; ея головой былъ украшенъ щитъ Аѳины.

[4]) Терей—миѳическій царь Ѳракіи, представлявшійся на сценѣ въ полномъ вооруженіи

На торговку фигами робко смотрѣлъ, смакуя незрѣлыя смоквы.

Членъ совѣта.

Ну, а какъ умудритеся вы прекратить превеликія наши волненья
Въ городахъ и странѣ, какъ вамъ ихъ прекратить?

Лисистрата.

Безъ усилій!

Членъ совѣта.

А какъ же? Скажи мнѣ!

Лисистрата.

Точно также, какъ спутанной пряжи клубокъ вотъ эдакъ возьмемъ мы рукою,
И на прялку его навиваемъ вотъ такъ,—половину къ себѣ, а другую
Отъ себя,—такъ и всю мы войну разовьемъ, если только позволятъ намъ это,
Размотавши посольствами всѣ нелады, отъ себя и къ себѣ принимая.

Членъ совѣта.

Такъ какъ съ шерстью своей и съ прялками и съ клубками, ужасное дѣло
Мечтаете кончить, безумныя вы?

Лисистрата.

Да и въ васъ коли былъ бы умишка,
По примѣру той шерсти—то нашей и вы въ городахъ-бы управились славно.

Членъ совѣта.

Но какъ? Покажи!

Лисистрата.

Надлежало сперва такъ точно, какъ шерсть на болотѣ,
Почище отмыть негодную дрянь изъ города, и на кровати

Выбить палкой всякую пакость до тла и негодные плевелы выбрать,—
Всѣ собранія эти и списки друзей, другъ друга толкающихъ алчно
Въ предержащую власть,—повыбить ихъ всѣхъ, да головы имъ порастрескать.
А дальше чесать въ корзину одно,—всеобщую крѣпкую дружбу,
Прибавляя туда и метековъ, и всѣхъ чужестранцевъ, кто другъ горожанамъ [1]),
И когда у кого есть общинѣ долгъ,—и такихъ прибавлять помаленьку [2]),
Да, Зевсомъ клянусь, и тѣ города, гдѣ колоніи наши осѣли,—
Разбирать и про нихъ, что всѣ они намъ ложатся, точно основа,
Каждый порознь изъ нихъ; а послѣ, отъ нихъ отъ всѣхъ занимая основу,
Сюда сводить и всѣ собирать во едино; а тамъ ужъ, завивши
Большущій клубокъ, потомъ изъ него народу ткать одѣянье.

Членъ совѣта.

Не ужасно-ли это, что эдакъ онѣ выбиваютъ и въ клубъ собираютъ,
А вѣдь имъ и участья не было въ войнѣ!

Лисистрата.

Напротивъ, о ненавистный,
Мы и больше, чѣмъ вдвое, страдаемъ въ войнѣ: во первыхъ, какъ матери, терпимъ,
Посылая сражаться гоплитовъ—дѣтей....

Членъ совѣта.

Молчи и зла не попомни!

---

[1]) Метеки—не аѳинскаго происхожденія обыватели, ограниченные потому въ гражданскихъ правахъ.

[2]) Недоимщики подати исключались изъ числа полноправныхъ гражданъ.

Лисистрата.

И потомъ, когда намъ веселиться-бъ должно и тѣшиться юностью милой,
Одиноко мы спимъ изъ-за вашихъ изъ войнъ. И наше ужъ горе оставьте,
Но за дѣвушекъ я огорчаюсь душой въ теремахъ старѣющихъ горько.

Членъ совѣта.

Не старѣемъ развѣ, мужчины, и мы?

Лисистрата.

Видитъ Зевсъ, не то ваша старость!
Вѣдь мужчина, хотя бы старикъ былъ сѣдой, невѣсту беретъ молодую,
А женщины кратокъ отрадный расцвѣтъ, и если его не захватишь,
Не хочетъ никто посватать ея, и дряхлѣя сидитъ она дома.

Членъ совѣта.

Но разъ мужчина въ силѣ еще?

Лисистрата.

А ты почему не спѣшишь околѣть?
Мѣста хватитъ въ землѣ; купи себѣ гробъ!
Медовую лепешку смѣшу [1]).
Возьми, увѣнчайся вотъ этимъ!

Первая женщина.

И это, почтенный, прими отъ меня!

Лисистрата.

И вотъ этотъ бери живѣе вѣнокъ!
Чего жъ еще ждешь? Убирайся въ корабль!
Харонъ ужъ зоветъ,
А ты еще медлишь отплытьемъ [2]).

---

[1]) Обычная жертва покойнику, какъ покойникъ же украшался по обычаю вѣнкомъ.

[2]) Харонъ на своей лодкѣ перевозилъ покойниковъ черезъ озеро подземнаго міра; срв. ниже въ комедіи «Лягушки».

Членъ совѣта.

Не ужасъ-ли, что пострадалъ я этакъ?
Клянуся Зевсомъ, я въ совѣтъ сейчасъ
Отправлюся и покажусь, какъ есть я.

Лисистрата.

Ты насъ винишь: не вынесли тебя?
Но въ третій день къ тебѣ раненько утромъ
Придетъ отъ насъ готовый катафалкъ.

Хоръ стариковъ.

Невозможно спать намъ больше, кто лишь есть свободный мужъ;
Ополчимся-жъ, горожане, и за дѣло поскорѣй!
Уже это пахнетъ больно мнѣ серьезнымъ,
Важнымъ дѣломъ,
И всего я больше чую тиранію Гиппія [1]);
И очень я тревожусь, не лаконцы-ль,
Сюда забравшись шайкою Клисѳена,
Богоненавистныхъ женщинъ возбуждаютъ ковомъ злымъ
Захватить и деньги наши, да и жалованье наше,
Чѣмъ я жилъ.
Это ужасъ, что дерзаютъ наставлять ужъ горожанъ
И болтаютъ дуры бабы все о мѣдномъ о щитѣ
И аѳинянъ заставляютъ въ миръ съ лаконцами вступить,
Въ комъ нѣтъ вѣрности такъ точно, какъ въ открывшемъ волкѣ пасть.
Но онѣ соткали это къ тираніи намъ, друзья!
Но тиранновъ надъ собою не стерплю, поберегусь
И носить свой мечъ я стану, мирта вѣткою обвивъ [2]),
Торговать вооруженный Аристогитону вослѣдъ,
И вотъ такъ при немъ я стану. И само собой сейчасъ
Разобью я зубы этой старинѣ, врагу боговъ!

---

[1]) Гиппій—аѳинскій тираннъ, сынъ Писистрата; здѣсь съ намекомъ на половую невоздержность женщинъ.

[2]) По примѣру извѣстныхъ «тиранноубійцъ», Гармодія и Аристогитона.

Хоръ женщинъ.

Ну, тогда домой вернешься,—не признаетъ сына мать.
Но, подруженьки—старушки, это спустимъ на земь мы!
О всѣ граждане, мы съ вами начинаемъ нашу рѣчь
Преполезную Аѳинамъ;
Такъ и слѣдуетъ: въ обильѣ воспитали насъ онѣ.
Ужъ семи я лѣтъ отъ роду водоносила богамъ,
Десяти же лѣтъ была я мукомолкой госпожѣ,
И медвѣдицей въ Бравронѣ одѣвалась въ пурпуръ я,
И красавицею дѣвою корзину я несла
Съ кучей смоквъ [1]).
Не могу-ли-же и я полезный граду дать совѣтъ.
Если женщиной родилась я, не гнѣвайтесь за то,
Пусть и лучшее внесу я въ настоящій строй Аѳинъ!
Вѣдь и мнѣ открыто небо, я туда ввожу мужчинъ,
Вамъ же, бѣднымъ старикашкамъ, недоступно съ той поры,
Какъ вы названную вами „дѣдовъ складчину" отъ войнъ
Отъ мидійскихъ издержали и не вносите назадъ,
Да и сверхъ того отъ васъ-же мы рискуемъ сгинуть всѣ.
Какъ же пикнуть вы посмѣли? А обидишь ты меня,
Я тебѣ котурномъ зубы всепобѣднымъ расшибу [2]).

Хоръ стариковъ.

Развѣ это не великая обида?
И мнѣ кажется, пойдетъ и дальше дѣло.
Но должны мы отбиваться всѣ, въ комъ только сила есть.
Скинемъ вразъ съ плеча одежду, оттого что долженъ мужъ

[1]) Перечисляются тѣ мѣстные обряды, въ которыхъ участвовали и женщины; въ нѣкоторыхъ культахъ производилось переодѣваніе въ звѣрей. Со словами «И красавицею—дѣвою корзину я несла» профессоръ Г. Ф. Церетели сравниваетъ слова Габротононъ въ 225 сл. ст. «Третейскаго суда» Менандра: «Благодаря ему вѣдь я теперь могла бъ, какъ дѣвушка, идти съ кошницею священной». Новыя комед. Мен., с. 148.

[2]) Котурнъ—высокая обувь актера.

И припахивать мужчиной, а не кутаться въ тепло!
Волконогіе, живѣе, кто къ Лепсидрію пришли!
Нынѣ надо, снова надо окрылиться, поюнѣть
Цѣлымъ тѣломъ и стряхнуть подальше старости недугъ.
Если кто изъ насъ попуститъ ихъ хоть мало одолѣть,
Ни за что онѣ не бросятъ ужъ навязчивыхъ работъ,
Но начнутъ и судна строить и протянутъ руки вразъ
Биться въ морѣ, плыть на нашихъ Артемисіи вослѣдъ [1]);
Обратятся-ль къ конскимъ играмъ,—живо всадникамъ конецъ:
Всѣ вѣдь всадницы лихія и безуздыя онѣ.
И въ бѣгу не поскользнутся: Амазонки на глазахъ,
Какъ Миконъ нарисовалъ ихъ въ конной битвѣ на мужчинъ [2])!
Но одно лишь всѣмъ имъ надо: въ расщеленное бревно
Ухватить да защемить имъ да покрѣпче шеи всѣмъ.

Хоръ женщинъ.

Видятъ боги, коли ты меня разсердишь,
Я свинью свою спущу, да и заставлю
Нынче всѣхъ своихъ сосѣдокъ и колоть тебя и бить.
Но и мы, подружки, живо скинемъ платье съ плечъ долой,
Чтобъ и намъ женою пахнуть раздраженной до зубовъ!
Подойди ко мнѣ, подсунься, и не ѣсть тебѣ во вѣкъ
Чеснока, не ѣсть бобовъ чумазыхъ!
Только молвишь слово злое,—я ужъ такъ раздражена,
Что приму тебя, какъ принялъ жукъ родящаго орла [3]).
А на васъ и не взгляну я, если Лампито жива,
И Ѳиванка дорогая Исменія, добрый родъ.
У тебя не станетъ силы, хоть семь разъ себѣ суди,

[1]) Артемисія—царица Галикарнасса, героиня греко-персидскихъ войнъ.

[2]) Въ Пестрой (Ποικίλη) стоѣ въ Аѳинахъ художникъ Миконъ нарисовалъ на задней стѣнѣ бой аѳинянъ подъ предводительствомъ Ѳесея съ амазонками. *F. Groh*, Topografie starych Athen. Cást druhá. V Prage. 1913, str. 259.

[3]) Ссылка на народную басню.

Оттого что ненавистенъ ты, бѣднякъ, сосѣдямъ всѣмъ.
Такъ вечоръ творя Гекатѣ праздникъ я повеселѣй,
Сыновьямъ хотѣла кликнуть отъ сосѣдей миль-дружка,
Разлюбезную дѣвчонку, отъ беотянъ устрицу,
А сосѣди не пустили изъ за тѣхъ твоихъ судовъ [1]).
И не бросите своихъ вы приговоровъ, прежде чѣмъ
Кто нибудь, схвативъ за ногу, вамъ и шею не свернетъ!

(Входитъ Лисистрата).

Хоръ женщинъ.

Царица дѣла онаго и плана,
Что̀ мрачная изъ дома вышла ты?

Лисистрата.

Мысль женская и дѣло женщинъ злыхъ
Уныло мнѣ велитъ кругомъ скитаться.

Хоръ женщинъ.

Что ты намъ говоришь?

Лисистрата.

Правду, правду одну!

Хоръ женщинъ.

Въ чемъ ужасъ тутъ? Скажи своимъ подругамъ!

Лисистрата.

Сказать мнѣ стыдно, тяжко промолчать!

Хоръ женщинъ.

Такъ не скрывай, какое зло мы терпимъ!

Лисистрата.

Мужчинъ хотимъ мы, кратко говоря.

Хоръ женщинъ.

О Зевсъ!

---

[1]) Въ виду военнаго времени аѳиняне рѣшили прекратить торговыя сношенія съ беотянами, откуда поступали устрицы на аѳинскій рынокъ.

Лисистрата.

Что Зевса кликать! Дѣло вотъ какое:
Я ихъ никакъ не въ силахъ удержать
Отъ мужиковъ, бѣгутъ онѣ толпою.
И первую болтавшую у стѣнъ
Застала я, гдѣ Пана дворъ священный,
Другая внизъ спускалась по веревкѣ,
Одна бѣжитъ, а та, какъ на крылахъ,
Уже летѣть стремглавъ сбиралась долу,
Въ домъ Орсилоха,—чуть за косы я
Ее схватила. Всѣ предлоги ищутъ
Бѣжать домой. Вотъ, вамъ одна идетъ!
Куда бѣжишь?

Первая женщина.

Домой хочу я сбѣгать:
Милетская валяется тамъ шерсть,
Съѣдаемая молью....

Лисистрата.

Что за моль тамъ?
Ступай назадъ!

Первая женщина.

Но живо я приду,
Одинъ разокъ лишь разстелю на ложѣ.

Лисистрата.

Не разстилай и не ходи ни шагу!

Первая женщина.

Такъ сгинуть шерсти?

Лисистрата.

Если надо такъ!

Вторая женщина.

Бѣдняга я, бѣдняга! Платье тамъ
Осталось дома лисье....

Лисистрата.

Вишь, другая
За лисьимъ платьемъ собралась домой.
Ступай назадъ!

Вторая женщина.

Но видитъ Дѣва свѣта,
Разъ отлуплю и прибѣгу опять!

Лисистрата.

Безъ выдумокъ! А то, едва начнешь ты,
Другая тоже вздумаетъ творить.

Третья женщина.

Илиѳiя, о, задержи мнѣ роды,
Пока сойду въ святое мѣсто я [1])!

Лисистрата.

Что брешешь ты?

Третья женщина.

Сейчасъ родить мнѣ надо!

Лисистрата.

Но и тяжелой не была ты.

Третья женщина.

Охъ,
Домой меня пусти ты къ повитухѣ,
Да поскорѣй!

Лисистрата.

Чего болтаешь зря?
Что у тебя тутъ твердое?

Третья женщина.

Мальчишка!

[1]) Акрополь, полный храмовъ, считался священнымъ, и его нельзя было осквернять родами.

Лисистрата.

Клянусь Афродитой, нѣтъ, но какъ сосудъ
Ты тащишь мѣдный. Вотъ сейчасъ узнаю.
Потѣшная, съ святою шапкой ты
И говоришь: родишь!

Третья женщина.

Ну да, рожаю.

Лисистрата.

На что же шапка?

Третья женщина.

Чтобы, если роды
Настигнутъ въ городѣ, родить мнѣ, въ шапку
Вступивши, какъ голубки здѣсь родятъ.

Лисистрата.

Что брешешь? Врешь! Мнѣ ясно все преясно!
Опять назадъ ты съ шапкой воротись!

Третья женщина.

Но я и спать въ акрополѣ не въ силахъ,
Увидѣвъ разъ домашнюю змѣю [1]).

Первая женщина.

А я отъ совъ несчастная страдаю,
Въ безсонницу кричащихъ безъ конца [2]).

Лисистрата.

Любезныя, оставьте ваши шутки!
Скучаете вы по мужьямъ? А намъ
Безъ нихъ не тошно? Знаю я, что тяжки
Намъ ночи, но воздержимся, друзья,
И потерпите хоть на малый срокъ:

[1]) Не у однихъ грековъ есть народное вѣрованiе объ охраняющей домъ благодѣтельной змѣѣ.

[2]) Мудрая птица сова была посвящена богинѣ мудрости Аѳинѣ.

Вѣдь есть пророчество, что побѣдимъ
Мы, если не поспоримъ межъ собою.

Первая женщина.

Скажи же намъ пророчество!

Лисистрата.

Такъ тише!
Но когда слетятся голубки въ единое мѣсто,
Убѣгая удодовъ, и смогутъ сдержаться отъ ложа,
Будетъ невзгодѣ конецъ, и верхнее сдѣлаетъ нижнимъ
Зевсъ высоко гремящій!...

Первая женщина.

Такъ сверху мы станемъ ложиться!

Лисистрата.

„Если жъ затѣютъ раздоръ и вспорхнутъ къ полету крылами
Изъ священнаго храма голубки, тогда порѣшится,
Что ни единой иной любострастнѣй голубки нѣтъ птицы".

Первая женщина.

Оракулъ ясенъ, видитъ Зевсъ!

Лисистрата.

Итакъ
Не отречемся жъ мы въ тоскѣ отъ дѣла,
Взойдемъ назадъ! Позоръ великій намъ,
Когда судьбѣ назначенной измѣнимъ!

Хоръ стариковъ.

Сказку
Я хочу сказать вамъ, какъ слыхалъ я
Самъ еще ребенкомъ.
Такъ-то
Меланіонъ жилъ младъ-юношъ; брака
Убѣгая, онъ ушелъ въ пустыню
И въ горахъ скитался;
И ловилъ онъ зайцевъ,

Имъ сплетая сѣти,
И имѣлъ собачку,
А назадъ домой не шелъ отъ гнѣва.
Такъ-то
Не терпѣлъ онъ женщинъ,
Да и мы не меньше
Меланіона, когда разумны.
Дай, старушка, чмокну разъ?

Хоръ женщинъ.

Чеснокомъ ты провонялъ!

Хоръ стариковъ.

Разложу, да и того!...

Хоръ женщинъ.

Черезчуръ ужъ ты лохматъ!

Хоръ стариковъ.

Но вѣдь такъ и Миронидъ
Былъ косматъ и чернозадъ
Супостату и врагу,
Какъ Форміонъ древле.

Хоръ женщинъ.

Сказкой
Я хочу и вамъ отвѣтить славной
На Меланіона.
Тимонъ
Безпріютный жилъ, по недоступнымъ
Чащамъ ликъ свой укрывая,
Внукъ Эринній грозныхъ [1]).
Ну, такъ этотъ Тимонъ
Убѣжалъ отъ гнѣва,
Насказавъ проклятій злымъ мужчинамъ.
Такъ-то

[1]) Эринніи—богини ада.

Онъ не могъ терпѣть васъ,
Злыхъ мужчинъ, вовѣки,
Ну, а женамъ былъ онъ милымъ другомъ.
Хочешь, щеку протяну?

Хоръ стариковъ.

Охъ, ужъ нѣтъ! ты мнѣ страшна!

Хоръ женщинъ.

Такъ ногой тебя толкну?

Хоръ стариковъ.

Штучку намъ покажешь ты!

Хоръ женщинъ.

Не увидишь все равно,
Хоть и стары мы старухи,
Рощи тамъ лохматой: чисто
Сожжено все огонькомъ.

Лисистрата.

Эй, женщины, скорѣй сюда ко мнѣ!

Первая женщина.

Что тамъ такое? Что за крикъ поднялся?

Лисистрата.

Мужчина, вижу, къ намъ идетъ сюда,
Служенью Афродитѣ посвященный.

Миррина

Царица Паѳа, Кипра и Киѳеры,
Ступай прямымъ, куда идешь, путемъ!

Первая женщина.

Гдѣ онъ и кто онъ?

Лисистрата.

Тамъ, у храма Хлои.

Миррина.

Вотъ, вотъ онъ, видитъ Зевсъ!

Первая женщина.

И кто же онъ?

Лисистрата.

Вы знаете его?

Миррина.

Клянуся Зевсомъ,
Я знаю: онъ—Кинесія, мой мужъ.

Лисистрата.

Твой будетъ долгъ его ворочать, жарить,
Обманчиво и цѣловать, и нѣтъ,
Все дать, того жъ не дать, что знаетъ чаша.

Миррина.

Небось, я все устрою!

Лисистрата.

Такъ и я
Обманывать, оставшись здѣсь, примуся,
И проведу его. Идите вы!

(Входитъ Кинесія).

Кинесія.

О я, несчастный: что меня за спазмы
Терзаютъ! Пытка, какъ на колесѣ!

Лисистрата.

Кто здѣсь стоитъ за стражей нашей?

Кинесія.

Я!

Лисистрата.

Мужчина?

Кинесія.

Такъ!

Лисистрата.

Ступай же прочь отсюда!

Кинесія.

Зачѣмъ меня ты гонишь? Кто ты?

Лисистрата.

Стражъ.

Кинесія.

Молю тебя, мнѣ вызови Миррину!

Лисистрата.

Вотъ, вызови Миррину! Кто жъ ты самъ?

Кинесія.

Я—мужъ ея, Кинесія Пеонидъ.

Лисистрата.

О, здравствуй, другъ мой! Не безславно имя
Твое у насъ, не безызвѣстно намъ.
Всегда жена тебя припоминаетъ,
И яблочко-ль, яичко-ли возьметъ,
Кинесіи-бъ все это!—скажетъ...

Кинесія.

Боги!

Лисистрата.

Клянусь Афродитой! Если жъ рѣчь зайдетъ
И про мужчинъ, сейчасъ твоя жена:
„Передъ Кинесіей другіе-гадость!"

Кинесія.

Поди, покличь ее!

Лисистрата.

А что мнѣ дашь?

Кинесія.

Свидѣтель Зевсъ, и дамъ, когда захочешь;
Вотъ все мое, и чѣмъ богатъ, тѣмъ радъ!

Лисистрата.

Такъ я сойду и кликну...

Кинесія.

Да скорѣе!
Нѣтъ радости ужъ въ жизни для меня
Съ тѣхъ поръ, когда ушла она изъ дома,
Мнѣ тяжело войти туда; въ ѣдѣ
Нѣтъ радости: одной ея мнѣ надо!

Миррина (выходитъ на стѣну).

Люблю, люблю его я; но не хочетъ
Любимымъ быть. И не зови меня!

Кинесія.

Мирриночка, голубчикъ, что творишь ты?
Сойди сюда!

Миррина.

Клянуся Зевсомъ, нѣтъ!

Кинесія.

На мой призывъ ты не сойдешь, Миррина?

Миррина.

Безъ нужды ты и зря меня зовешь.

Кинесія.

Безъ нужды? Я? Да я совсѣмъ измученъ!

Миррина.

Я ухожу.

Кинесія.

Ахъ, нѣтъ, ребенка хоть
Послушайся! Дитя, зови же маму!

Ребенокъ.

Мамуся, мама, мамочка!...

Кинесія.

Да что съ тобой? Не жаль тебѣ дитя,
Не мытое, голодное съ недѣлю?

Миррина.

Мнѣ жаль дитя, но негодяй отецъ
У дитятки!

Кинесія.

Сойди къ ребенку, душка!

Миррина.

Что значитъ мать! Сойду; чего мнѣ трусить?

Кинесія.

Мнѣ кажется, она и помоложе
Гораздо стала, и прелестнѣй взоръ;
А что ворчитъ и такъ со мной сурова,—
Тѣмъ пуще страсть разобрала меня!

Миррина.

О дитятко родное злого папы,
Дай, обниму сокровище мое!

Кинесія.

Что дѣлаешь ты, злючка? И другихъ
Злу учишь женщинъ, и меня тиранишь,
Да и сама скорбишь!

Миррина.

Прочь руки, прочь!

Кинесія.

И общее домашнее имѣнье
Такъ бросила....

Миррина.

А мнѣ и дѣла нѣтъ!

Кинесія.

И дѣла нѣтъ, что пурпуръ пѣтухи
Разносятъ зря?

Миррина.

Свидѣтель Зевсъ, нѣтъ дѣла!

Кинесія.

И Афродиты святость все безъ оргій
Такъ много дней. Вернись ко мнѣ домой!

Миррина.

Нѣтъ, видитъ Зевсъ, пока не помиритесь,
Не кончите войны!

Кинесія.

Коль хочешь ты,
Мы сдѣлаемъ и это.

Миррина.

Такъ и сдѣлай,—
Тогда и я вернусь: я такъ клялась.

Кинесія.

Ну, хоть прилягъ со мной чрезъ столько время!

Миррина.

Нѣтъ, нѣтъ,—хоть не скажу, что не люблю.

Кинесія.

Да? Любишь? Что же, Миррочка, не ляжешь?

Миррина.

Потѣшный! Гдѣ? Передъ ребенкомъ? Здѣсь?

Кинесія.

Нѣтъ, унеси, Манесъ, домой ребенка [1])!
Ну вотъ, дитяти нѣтъ, помѣха прочь!
Прилягъ со мной!

Миррина.

Но гдѣ же это сдѣлать,
Бѣдняга, намъ?

[1]) Манесъ—имя раба.

Кинесія.

Вонъ тамъ, гдѣ Пана храмъ.

Миррина.

А какъ потомъ вернусь я чистой въ городъ?

Кинесія.

Чудесно, другъ, въ Клепсидрѣ грѣхъ омывъ [1]).

Миррина.

И клятвы всѣ мнѣ преступить, несчастный?

Кинесія.

Въ отвѣтѣ я! За клятву не страшись!

Миррина.

Постой, постельку вынесу.

Кинесія.

Не надо:
И на землѣ чудесно!

Миррина.

Видитъ Фебъ,
Хоть ты и злой, не ляжешь прямо на-земь!

Кинесія.

Какъ любитъ-то жена меня, я вижу!

Миррина.

Ну вотъ, ложись, а я раздѣнусь. Только
Еще, того, намъ надо простыню!

Кинесія.

Что простыня? Не надо!

Миррина.

Видитъ Феба,

---

[1]) Клепсидра—ручей подъ аѳинскимъ акрополемъ.

Зазорно на подстилкѣ!

Кинесія.

Поцѣлуй!

Миррина.

Ну, вотъ!

Кинесія.

У, сласть! Скорѣй-же возвращайся!

Миррина.

Вотъ простыня! Ложись, а я раздѣнусь.
Постой, того, подушки нѣтъ тебѣ!

Кинесія.

Не надо мнѣ, не надо!

Миррина.

Мнѣ-то надо.

Кинесія.

А ужъ Гераклъ, смотри, что намъ даритъ!

Миррина.

Приподымись! Теперь ужъ все въ порядкѣ?

Кинесія.

Все, боги, все! О золото, ко мнѣ!

Миррина.

Снимаю поясъ я. Но только помни:
Не обмани на мирѣ ты меня!

Кинесія.

Чтобъ я издохъ!

Миррина

Ай, одѣяла нѣту!

Кинесія.

Не надо мнѣ: тебя хочу, тебя!

Миррина.

Небось, все будетъ: духомъ я слетаю.

Кинесія.

Она меня замучитъ съ тѣмъ бѣльемъ!

Миррина.

Приподнимись!

Кинесія.

Ужъ поднялся, гляди-ка!

Миррина.

Дай, подушу тебя я!

Кинесія.

Нѣтъ, о, нѣтъ!

Миррина.

Клянусь Афродитой, волей иль неволей!

Кинесія.

Разлейся прочь, все миро, о Зевесъ!

Миррина.

Дай руку мнѣ, прими и надушися!

Кинесія.

Не сладостно мнѣ миро, видитъ Фебъ,
Когда не пахнетъ свадебкой да спальней!

Миррина.

Родосскаго, я, дура, принесла [1])!

Кинесія.

И ладно! Брось, голубка!

---

[1]) Очевидно, низшій сортъ мира.

Миррина.

Что ты брешешь?

Кинесія.

Погибни, первый заварившій миро!

Миррина.

Прими сосудъ!

Кинесія.

Есть у меня другой...
Но, дурочка, лежи и не таскай мнѣ
Ни капли!

Миррина.

Видитъ Феба, хорошо!
Я раздѣваюсь. Но гляди, голубчикъ,
За миръ подай свой голосъ!

Кинесія.

Да, за миръ!
Меня жена измучила, сгубила,
И ободравъ, бѣжала отъ меня.
Что же дѣлать мнѣ? Позабавиться съ кѣмъ,
Обманутому распрекрасной изъ всѣхъ!
И какъ вскормить мнѣ ребенка?
Гдѣ Киналопексъ?
Найми мнѣ живо кормилку!

Хоръ стариковъ.

Въ ужасномъ бѣдствіи горестно ты
Терзаешься сердцемъ, обманутый ей,
Всѣмъ сердцемъ мнѣ тебя жалко!
Какое нутро можетъ вытерпѣть тутъ,
Какая душа, каковская мощь,
Напряженная вся,
И лишенная утромъ работы?

Кинесія.

О Зевсъ, ужасные спазмы!

Хоръ стариковъ.

И вотъ что съ тобой натворила сейчасъ
Разнегодная, распроклятая!

Хоръ женщинъ.

Нѣтъ, видитъ Зевесъ, премилая!

Кинесія.

Какая тамъ милая! Нѣтъ,
Злодѣйка, злодѣйка! О Зевсъ мой!

Хоръ стариковъ.

О Зевсъ,
Когда бы ее, какъ стебель дурной,
Великимъ вихремъ, перуномъ своимъ
Подхвативъ, закруживъ,
Ты унесъ высоко, и бросилъ потомъ,
И снова она понеслась-бы къ землѣ,
И внезапно вдругъ
Подъ снастью знакомой очнулась!

(Входитъ спартанскій герольдъ).

Герольдъ.

Гдѣ старшина почтенная Аѳинъ
И городской совѣтъ? Скажу я новость.

Членъ совѣта.

А кто ты? Человѣкъ иль Конисалъ [1])?

Герольдъ.

Герольдомъ, господинъ мой, видятъ боги,
Пришелъ изъ Спарты миръ я заключить.

Членъ совѣта.

На что жъ копье ты притащилъ подъ мышкой?

Герольдъ.

Свидѣтель Зевсъ, неправда!

[1]) Низшее божество, покровительствующее супружескимъ отношеніямъ.

Членъ совѣта.

Не вертись!
Что подъ плащомъ ты прячешь? Или килой
Страдаешь ты съ дороги?

Герольдъ.

Я старикъ,
Свидѣтель Касторъ!

Членъ совѣта.

Бабы хочешь, старый!

Герольдъ.

О Зевсъ, ни капли! Что болтаешь зря?

Членъ совѣта.

А это что съ тобой?

Герольдъ.

Лаконскій посохъ.

Членъ совѣта.

Тогда и у меня есть посохъ вашъ.
Но говори мнѣ правду,—все я знаю,—
Ну, какъ у васъ дѣлишки обстоятъ?

Герольдъ.

Весь всталъ Лакедемонъ, всѣ алчутъ, всѣ
Союзники: Пеллану подавай имъ!

Членъ совѣта.

Съ чего жъ на васъ подобная напасть?
Отъ Пана?

Герольдъ.

Нѣтъ, спачала Лампито,
Потомъ другія въ цѣлой Спартѣ вмѣстѣ
Всѣ женщины, какъ разомъ взбеленясь,
Своихъ мужей погнали прочь изъ спальни.

Членъ совѣта.

И какъ же вы?

Герольдъ.

Бѣда! По площадямъ
Мы бродимъ, сгорбясь, какъ факелоносцы;
Вѣдь женщины до „мирта“ не даютъ
Коснуться раньше, чѣмъ всѣ воедино
Не заключимъ съ Элладой вѣчный миръ.

Членъ совѣта.

На подвигъ этотъ всюду сговорились,
Знать, женщины, какъ я узналъ сейчасъ.
Но поскорѣй о мирѣ тамъ скажи
Сюда пословъ отправить полномочныхъ.
А я другихъ отсель скажу совѣту
Избрать пословъ, свой „посохъ“ предъявивъ.

Герольдъ.

Лечу, лечу: пресильно все сказалъ ты.

Хоръ стариковъ.

Ни единаго нѣтъ звѣря побѣдительнѣй жены,
Ни огонь, ни самка барса не безстыжи до того.

Хоръ женщинъ.

Если такъ ты догадался, что жъ вступаешь въ бой со мной,
Между тѣмъ какъ могъ ты, бѣдный, вѣчнымъ другомъ стать моимъ?

Хоръ стариковъ.

Никогда не перестану ненавидѣть женщинъ я.

Хоръ женщинъ.

Да когда угодно, можешь! Но сейчасъ не потерплю
Голышомъ тебя я видѣть: вижу, сколько ты смѣшонъ.
Но постой, тебѣ рубашку подойду—надѣну я!

Хоръ стариковъ.

Это, видитъ Зевсъ свидѣтель, вы не худо сдѣлали!
Лишь отъ злости нестерпимой и тогда раздѣлся я.

Хоръ женщинъ.

Вотъ теперь совсѣмъ мужчина и ничуть ты не смѣшонъ.
А коль ты бъ меня не гнѣвалъ, я бъ и этого звѣрька
На глазу твоемъ схватила и сняла бы наконецъ.

Хоръ стариковъ.

Вотъ что вправду изводило насъ, вотъ этотъ съ палецъ весь.
Убери его скорѣе да сперва мнѣ покажи!
Видитъ Зевсъ, давно кусаетъ онъ и ѣстъ мои глаза.

Хоръ женщинъ.

Такъ и сдѣлаю сейчасъ я, хоть и злющій ты старикъ.
Вотъ теперь ты можешь видѣть силу страшную червя.
Видишь, что-ли? Или это не треклятый грозный червь!

Хоръ стариковъ.

Видитъ Зевсъ, ты помогла мнѣ: онъ давно меня копалъ,
И теперь, когда онъ вынутъ, слезы катятся ручьемъ.

Хоръ женщинъ.

И потомъ тебя утру я, хоть и скверный ты старикъ,
Расцѣлую....

Хоръ стариковъ.

Ой, не надо!

Хоръ женщинъ.

Хоть ты хочешь, хоть и нѣтъ!

Хоръ стариковъ.

Чтобъ не въ пору вамъ вернуться! Вы ласкухи отродясь,

И взаправду это слово и не худо говорятъ:
Ни съ проклятыми нѣтъ жизни, ни безъ нихъ, проклятыхъ, нѣтъ!

Хоръ женщинъ.

Но теперь съ тобой мирюсь я, и ужъ больше никогда
Вамъ не сдѣлаю я худа ни отъ васъ не потерплю.
Но собравшись сообща, мы пѣсню звучную зачнемъ!

Хоръ.

Не готовимся мы вовсе,
Ни о комъ изъ гражданъ, люди,
Слово дерзкое сказать,
Но совсѣмъ напротивъ—только все благое говорить
И творить: довольно бѣдствій настоящихъ безъ того!
Говори, любой мужчина и жена:
Если кто деньжонокъ ищетъ
Призанять двѣ мины—три,
Полнымъ-полны
Мы таскаемъ кошельки.
А когда настанетъ миръ,
Кто сейчасъ у насъ получитъ
Ссуду на домъ,—
Что возьмешь, не отдавай!
Угостить хотимъ гостей мы
Изъ Кариста благородныхъ,
Образованныхъ людей.
Есть еще пшено на кашу, поросенокъ у меня,—
Я и то заклалъ, чтобъ мяса поприкушать первый сортъ.
Приходите къ намъ сегодня; только надо на зарѣ
Это сдѣлать, и омывшись
И самимъ, и дѣткамъ; послѣ жъ
Въ домъ входите,
Не спросяся ни души,
Но валите прямикомъ,
Точно въ собственную хату,
Благодушно,
Сколько только приметъ дверь!

А вотъ и изъ Спарты эти послы бредутъ и бороды тащатъ,
Какъ ровно хлѣвы свиные точь-точь волоча съ собою при бедрахъ.
Допрежь всего, лаконяне, здорово,
И молвите, какъ вы пришли сюда!

Лаконецъ.

Что говорить намъ съ вами многословно?
Вы сами видите, какъ мы пришли.

Хоръ.

Ой-ой, напружилось несчастье ваше
Престрашно, и смягчить ужъ нелегко.

Лаконецъ.

Нѣтъ словъ сказать! Но какъ ты только хочешь,
Откуда хочешь, подавай намъ миръ!

Хоръ.

Я вижу, вонъ и здѣшніе туземцы,
Какъ есть борцы, отъ животовъ себѣ
Откинули плащи; ей право, видно,
Борцовская томитъ ихъ всѣхъ болѣзнь.

Аѳинянинъ.

Кто можетъ намъ сказать, гдѣ Лисистрата?
Вы видите, кто мы и каковы!

Хоръ.

И эта владъ поетъ болѣзнь съ другою....
Знать, на зарѣ одолѣваетъ васъ?

Аѳинянинъ.

Да, и творя вотъ эдакъ, извелись мы,
И если насъ не помирятъ скорѣй,

Нельзя, чтобъ мы не взлѣзли на Клисѳена [1]).

Хоръ.

Коль вы въ умѣ, плащи надѣньте, чтобъ
Гермокопидъ васъ праздный не замѣтилъ [2])!

Аѳинянинъ.

Зевсъ видитъ, вѣрно слово!

Лаконецъ.

Видятъ боги,
Все правда, такъ накинемъ живо плащъ!

Аѳинянинъ.

О, радуйтесь, лаконцы: худо бъ было.

Лаконецъ.

Другъ радостный, я бъ худо потерпѣлъ,
Когда бъ меня такъ вздутымъ увидали.

Аѳинянинъ.

Ну, чтожъ, лаконцы, скажемъ все сполна,
Зачѣмъ пришли сюда?

Лаконецъ.

Насчетъ все мира
Послами.

Аѳинянинъ.

Такъ, и мы за самымъ тѣмъ.
Что жъ не позвать тогда намъ Лисистрату,
Которая одна насъ помиритъ?

Лаконецъ.

О боги! да, зовите Лисистрату!

---

[1]) О сомнительной спеціальности Клисѳена ср. ниже въ началѣ комедіи «Лягушки».

[2]) Гермокопиды—безбожники, разбивавшіе маленькія изваянія бога Гермеса на улицахъ Аѳинъ. Первое упоминаніе о Гермокопидахъ у Аристофана, какъ и о мистеріяхъ тоже; срв. о мистическомъ кикеонѣ въ новыхъ отрывкахъ Δῆμοι Евполида, Hermes XLVII 308.

Аѳинянинъ.

Но кажется, ея не надо звать:
Она сама, услышавъ, къ намъ выходитъ.

Хоръ.

О, здравствуй, храбрѣйшая женщина, вновь! Теперь ты должна постараться
Стать сильной и бодрой и смѣлой и злой, благой, величавой, пытливой.
Вотъ первые изъ Эллиновъ всѣхъ, твоею измучены страстью,
Согласились съ тобой и намъ сообща поручили общее дѣло.

Лисистрата.

Не трудное и дѣло, если только
Стремятся другъ ко другу, но безъ битвъ.
Сейчасъ увижу. Гдѣ Союзъ любовный [1])?
Возьми и подводи сперва лаконцевъ
Не тяжкою, не дерзкою рукой,
Не такъ, какъ наши дѣлали невѣжды,
Но какъ прилично женщинѣ, нѣжнѣй!
А руку кто не дастъ, веди за „посохъ“!
Иди и ты, аѳинянъ подведи!
За что дадутъ, за то и подводи ихъ!
Лаконцы, станьте около меня,
А вы вотъ здѣсь, и слушайте согласно!
Я—женщина, но умъ есть у меня,
Я объ себѣ самой не мыслю худо;
Я, отъ отца и старшихъ много словъ
Наслушавшись, воспитана недурно.
Такъ взявши васъ, я поругать хочу
По правдѣ всѣхъ, что, изъ одной вы чаши
Кропя всѣ алтари, и какъ родня,
Въ Олимпіи и въ Пилахъ и въ Пиѳосѣ [2]),—

---

[1]) Любовный союзъ (Διαλλαγή) выступаетъ въ видѣ женщины.
[2]) Основные центры общегреческихъ культовъ.

И сколько есть еще, коль продолжать!—
При варварахъ—врагахъ намъ общихъ, ратью
Губили грековъ всѣхъ и города.
Я это слово вѣкъ твердить готова!

Аѳинянинъ.

А я все прежней мучаюсь бѣдой!

Лисистрата.

Потомъ, лаконцы, къ вамъ я обращуся.
Забыли вы, какъ Периклидъ, придя
Сюда, лаконецъ сѣлъ, моля аѳинянъ
У алтарей, весь блѣдный, черный плащъ,
И войскъ просилъ? Мессенія тогда
На васъ напала, богъ потрясъ вамъ землю.
Тогда четыре тысячи гоплитовъ
Кимоновыхъ спасли Лакедемонъ.
Такую помощь встрѣтивъ отъ аѳинянъ,
Спасителей вы губите страну!

Аѳинянинъ.

Обидчики они, о Лисистрата!

Лаконецъ.

Обидчики—но задъ—ой-ой хорошъ!

Лисистрата.

А васъ, аѳинянъ, думали, забуду?
Забыли вы, какъ къ вамъ лаконцы вновь,
Ножи носившимъ, съ копьями пришедши,
Убили много ѳессалійцевъ, да
И Гиппія союзныхъ и друзей,
Одни въ тотъ день сражаясь вмѣстѣ съ вами,
И дали вамъ свободу, и взамѣнъ
Ножа—плащомъ опять народъ одѣли.

Лаконецъ.

Не видывалъ я женщины стройнѣй!

Аѳинянинъ.

А я не видывалъ пригладнѣй „дельты"!

Лисистрата.

Зачѣмъ же, столько получивши благъ,
Деретесь, не сдаетесь въ лютой злобѣ?
Что не миритесь? Въ чемъ помѣха есть?

Лаконецъ.

Но мы хотимъ, когда кружокъ намъ только
Согласны дать.

Лисистрата.

Какой, любезный?

Лаконецъ.

Пилъ,
Котораго давно мы ждемъ и жаждемъ.

Аѳинянинъ.

Клянусь Посейдономъ, этого не будетъ!

Лисистрата.

Другъ, дайте имъ!

Аѳинянинъ.

А намъ кого трясти?

Лисистрата.

Другое вы взамѣнъ спросите мѣсто!

Аѳинянинъ.

Такъ вотъ, того, отдайте, значитъ, намъ
Допрежде Ехинунтъ, да и Малійскій
Заливъ позадь, ну, и Мегары ноги! [1])

Лаконецъ.

Клянусь богами, жаденъ ты,—не все!

Лисистрата.

Оставьте, изъ за ногъ не спорьте дольше!

---

[1]) Такъ назывались стѣны между городами Мегарами и Нисеей.

Аѳинянинъ.

Я новь пахать нагой хочу, раздѣвшись.

Лаконецъ.

А я навозить поле, видитъ богъ!

Лисистрата.

Когда вы помиритесь, такъ и будетъ.
Такъ, если рѣшено такъ, совѣщайтесь
И, воротившись, скажете въ союзъ.

Аѳинянинъ.

Какимъ союзнымъ? Всѣ равно мы жаждемъ,—
Все тоже и союзники рѣшатъ!
Всѣмъ вразъ въ постель!

Лаконецъ.

Такъ, видятъ боги, такъ
И всѣ мои!

Аѳинянинъ.

И каристійцы также!

Лисистрата.

Отлично! Такъ теперь держите постъ,
Покуда васъ мы, женщины, въ кремлѣ
Всѣмъ угостимъ, что наберется въ сумкахъ!
Вы клятвы вѣрности другъ другу дайте,
А послѣ, взявши всякъ свою жену,
Ступай домой! Такъ поскорѣй идемте!

Лаконецъ.

Веди, гдѣ хочешь!

Аѳинянинъ.

Поскорѣй веди!
(Уходятъ въ кремль).

Хоръ.

И покрововъ разноцвѣтныхъ,
И плащей, да и запястій
Золотыхъ, какія есть,
Мнѣ не жалко, не обидно отдавать на подержанье
Всѣмъ ребятамъ, коли дочка канефорою пойдетъ.
Говорю всѣмъ: занимайте
Изъ домашняго богатства!
Нѣтъ такой высокой пробы
Ни на чемъ, чтобъ
Не принять безвредно пыль,
И что есть въ дому, носить.
Но и виля не увидимъ,
Если кто лишь
Не острѣй меня глядитъ!
Если хлѣба вамъ не хватитъ,
Домочадцевъ кто питаетъ,
Кучу маленькихъ ребятъ,
Тонкой мучки отъ меня вы получите безъ труда,
Да и хлѣбецъ, вразъ изъ печки, свиду бравый молодецъ!
Кто изъ бѣдныхъ пожелаетъ,
Приходи ко мнѣ съ мѣшкомъ
И съ мѣхами, чтобы хлѣба
Получить: ужъ мой Манесъ
Всѣмъ отсыплетъ!
Но однако въ дверь мою,
Говорю впередъ, не суйтесь,
Берегитесь злого пса!
(Входятъ возвращающіеся съ пира).

Первый аѳинянинъ.

Эй, отвори-же дверь ты! Хочешь выйти?
Что вы сидите? Или васъ лампадой [1])
Мнѣ сжечь? Вѣдь здѣсь же улица для всѣхъ!

---

[1]) Такъ какъ улицы въ древнихъ Аѳинахъ не были освѣщены, то каждый ходилъ съ собственнымъ фонаремъ.

Хоръ стариковъ.

Я этого не сдѣлалъ бы; а надо,—
Въ угоду вамъ, готовъ я потерпѣть.

Хоръ женщинъ.

И мы съ тобою вмѣстѣ все претерпимъ.

Первый аѳинянинъ.

Ступайте прочь! Не то ревмя взревете!
Ступайте прочь, чтобъ изъ дома лаконцы
Спокойно, угостившись, разошлись!

Второй аѳинянинъ.

Еще не видѣлъ я такого пира!

Первый аѳинянинъ.

И какъ же милы были тамъ Лаконцы,
А мы за кубкомъ были всѣхъ острѣй!

Второй аѳинянинъ.

И вправду мы вѣдь трезвые не здравы.
Когда аѳинянъ я уговорю,
Вездѣ пословъ гонять мы станемъ пьяныхъ.
Теперь, когда придемъ въ Лакедемонъ
При трезвости, сейчасъ глядимъ, гдѣ спутать,
И все, что говорятъ они, не слышимъ,
А что не скажутъ, заподозримъ все.
Изъ той же печи не однѣ же рѣчи!
Теперь же все по сердцу; даже если
Поютъ Теламона, нужно-жъ Клитагору [1]),
Все хвалимъ мы и клятвой подтвердимъ.

Первый аѳинянинъ.

А эти вновь сбираются, какъ прежде,
Толпою. Прочь, побитые бичомъ!

Второй аѳинянинъ.

Да и пора: расходятся, вишь, гости!

[1]) Названія народныхъ пѣсенъ.

Лаконецъ.

Полихаридъ, бери волынку, другъ,
Чтобъ въ двѣ ноги спляснуть мнѣ и пропѣть
Аѳинянамъ и намъ согласно пѣсню!

Второй аѳинянинъ.

Бери скорѣй волынку, видатъ боги,
Чтобъ вашей пляской усладить мнѣ взоръ!

Хоръ лаконцевъ.

Возбуждай
Нашихъ бойцовъ, о Мнамонъ,
И мою музу, которая
Знаетъ и насъ, и аѳинянъ
Въ пору, когда при Артамитіи
Богоподобные ринулись
Къ лодкамъ и мидянъ побили;
Насъ же тогда Леонидъ велъ [1]),
Ровно дикихъ кабановъ,
Злобно зубы востривших;
Пѣна обильно изъ пасти лилась,
Пѣна лилася и съ ногъ.
Было воиновъ не меньше,
Чѣмъ песку, у Персовъ.
Артемида, охотница звѣря,
Сниди къ намъ, небесная дѣва,
Къ нашему миру
И соблюдай его долгіе годы!
Нынѣ
Будь между насъ благодатная дружба
Въ крѣпкомъ союзѣ,
А отъ коварства отъ лисья
Дай воздержаться!
Сниди къ намъ, сниди,
Охотница дѣва!

Лисистрата.

Теперь, когда устроилось все славно,

[1]) Все воспоминанія о патріотической борьбѣ съ Персами.

Ведите ихъ съ собою всѣхъ, лаконцы,
Мужъ, оставайся при женѣ, жена —
При мужѣ, и на радостное счастье
Сплясавши въ честь боговъ, остерегись
И въ будущемъ не погрѣшай ужъ больше!

Хоръ аѳинянъ.

Хоръ выводи, начинай пѣснопѣнье
И призывай Артемиду,
Да и двойного Іеія, водителя
Мирнаго хора, Нисейскаго [1]),
Кто межъ Менадами взоромъ вакхическимъ
Свѣтится,
Зевса, горящаго пламенемъ, съ Зевсомъ же
Зевса супругу счастливую,
Послѣ — боговъ тѣхъ, которыхъ въ свидѣтелей
Мы призовемъ незабывчивыхъ
На перемирье высокоразумное,
Кипрской богини созданіе [2]).
Радуйтесь, радуйтесь! Слава вамъ!
Ноги высоко подкинемте.
Какъ побѣдители! Слава!
Эванъ эвой, эванъ-эвой!

Лисистрата.

Ты новую представь за новой пѣсню!

Хоръ лаконцевъ.

Многолюбезный свой Тайгетъ покидая,
Муза лаконская, сниди славить съ нами
Бога красавца въ Амиклахъ,
Въ мѣдномъ чертогѣ Аѳину,
И Тиндаридовъ могучихъ,
Скачущихъ конно по брегу Еврота [3])!

---

[1]) Іеій—Діонисъ, богъ вина и театра. Ниса—одинъ изъ основныхъ центровъ его культа (ср. ниже «Лягушекъ»).

[2]) Т. е. богини любви, Афродиты.

[3]) Въ спартанскомъ городѣ Амиклахъ почитался Аполлонъ. Тиндариды—Касторъ и Поллуксъ, боги свѣта.

О, бодро, смѣло,
Легко ступай ногою,
Прославимъ Спарту гимномъ,
Которой божьи хоры
И грохотъ дорогъ пляски!
Тамъ, какъ кобылицы, дѣвы
Надъ волною Еврота
Часто ноги поднимаютъ
Въ трудной пляскѣ
И взвиваютъ кудри, какъ вакханки,
Потрясающія бурно тирсомъ.
И ведетъ ихъ Леды дщерь [1]),
Корифей прекрасный хора.
Заплети же крѣпче кудри и ногами выступай,
Словно лань! Плещи руками хору стройному подладъ
И могучую богиню въ мѣдномъ домѣ воспѣвай
Всепоборную [2])....

---

[1]) То есть Артемида.

[2]) Конецъ хора и, вмѣстѣ съ тѣмъ, комедіи не сохранился.

ЛЯГУШКИ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Ксанөія, рабъ.

Діонисъ, богъ вина и театра.

Гераклъ.

Покойникъ.

Харонъ, перевощикъ въ аду.

Хоръ посвященныхъ въ мистеріи.

Второй хоръ лягушекъ.

Эакъ, рабъ подземнаго бога.

Рабыня Персефоны, богини подземнаго міра.

Трактирщица.

Платана, служанка въ трактирѣ.

Еврипидъ, трагическій поэтъ.

Эсхилъ, тоже.

Плутонъ, богъ подземнаго міра.

Ксанөія. Діонисъ.

Ксанөія.

Сказать-ли мнѣ привычное словечко,
Надъ чѣмъ всегда хохочетъ весь театръ [1]?

Діонисъ.

Что хочешь, вотъ те Зевсъ, но лишь не „давятъ“ [2],
А это брось: оскомину набило!

Ксанөія.

А остроту иную?

Діонисъ.

Но не „жмутъ“!

Ксанөія.

А самую смѣшную штуку?

Діонисъ.

Смѣло!
Лишь одного не говори!

Ксанөія.

Чего-жъ?

---

[1]) Разумѣются увеселявшіе зрителей шутливые дуэты рабовъ, часто открывавшіе старый народный фарсъ.

[2]) Типъ носильщика (φορτηγός, φόρταξ) являлся постояннымъ типомъ греческаго народнаго фарса.

Діонисъ.

Что, грузъ таская свой, на дворъ ты хочешь.

Ксанѳія.

И что, подъ ношей этакой кряхтя,
Коли не снимутъ съ плечъ, пущу я вѣтеръ.

Діонисъ.

Нѣтъ, нѣтъ, прошу, не то сейчасъ стошнитъ.

Ксанѳія.

На что же мнѣ и грузъ такой таскать,
Коль ничего не дѣлать, что и Фринихъ
Привыкъ творить, и Ликій и Амейпсій [1]),
Въ комедіи всегда таская грузъ?

Діонисъ.

Нѣтъ, этого не дѣлай! Я, какъ зритель,
Когда такую мудрость погляжу,
Домой иду старѣй на годъ и больше.

Ксанѳія.

О, трижды злополучна шея эта:
И тяжело, и шутки не скажи!

Діонисъ.

Не дерзость-ли, не роскошь-ли прямая,
Когда я, Діонисъ, сынъ Бочки винной,
Иду, тружусь, а вотъ раба везу [2]),
Чтобъ не замучился онъ, грузъ таская?

Ксанѳія.

Я жъ самъ несу!

---

[1]) Соперники Аристофана, аѳинскіе комическіе поэты. Срв. замѣчанія Кайбеля объ Ефіалтѣ Фриниха. Hermes XXIV (1889) 35 sqq.

[2]) Рабъ Ксанѳія выѣзжаетъ на сцену верхомъ на ослѣ; на плечахъ у раба тяжелая котомка. Срв. *στρώματα* на спинѣ терракоты Берлинскаго музея, солдата или полевого сторожа *C. Robert*, Die Masken der neueren attischen Komödie, Halle a. S., 1911, с. 8, рис. 17.

Діонисъ

Несешь, когда везутъ?

Ксанѳія.

Но грузъ на мнѣ.

Діонисъ.

Какъ такъ?

Ксанѳія.

И претяжелый!

Діонисъ.

Ты грузъ несешь, а не оселъ несетъ?

Ксанѳія.

Нѣтъ, что на мнѣ, то самъ я и таскаю.

Діонисъ.

Таскаешь? Ты? Оселъ тебя тащитъ!

Ксанѳія.

Не знаю, право, но плечо-то ломитъ!

Діонисъ.

Такъ, ежели оселъ тебѣ не въ прокъ,
Возьмись-ка самъ, да и тащи осленка!

Ксанѳія.

Что, бѣдный, я въ морскомъ бою не бился:
Тогда и взвылъ-бы ты ужъ безъ меня [1])!

Діонисъ.

Слѣзай, злодѣй! До самыхъ ужъ дверей
Я дохожу, гдѣ надо мнѣ сперва
Остановиться. Малый! Слышишь? Малый!

(Стучится въ дверь).

---

[1]) Во время битвы при Аргинусахъ въ 406 году до Р. Хр. рабы, поступившіе добровольцами въ аѳинскій флотъ, получили свободу.

Тѣ-же и Гераклъ.

Гераклъ.

Кто въ дверь затопоталъ? Какъ есть кентавръ [1])
Тутъ налетѣлъ! Скажи мнѣ, что такое?

Діонисъ.

Эй, малый!

Ксанѳія.

Ну?

Діонисъ.

Примѣтилъ ты?

Ксанѳія.

Да что тамъ?

Діонисъ.

Какъ струсилъ онъ?

Ксанѳія.

Ой, не сходи съ ума!

Гераклъ.

Деметра мать! Не въ силахъ я сдержаться
Отъ смѣха, хоть себѣ кусаю губы.

Діонисъ.

Поди сюда, дружокъ! Ты нуженъ мнѣ.

Гераклъ.

Но не могу я смѣха отогнать,
На пурпурѣ увидѣвъ шкуру льва.
Гдѣ смыслъ? Зачѣмъ котурнъ сошлись съ дубиной [2])?

---

[1]) Миѳическое существо, полу-человѣкъ полу-лошадь. Діонисъ ударяетъ въ дверь ногами, какъ въ сатирской драмѣ Софокла Ἰχνευταί сатиры вызываютъ λακτίσμασι подземнаго музыканта, Hermes XLVII 538.

[2]) Собираясь въ опасный путь, Діонисъ накинулъ поверхъ своей пышной пурпуровой одежды львиную шкуру, какъ новый Гераклъ, и запасся дубиной. Котурнъ—высокая обувь античнаго актера.

Гдѣ пропадалъ ты?

Діонисъ.

Я съ Клисѳеномъ ѣздилъ [1]).

Гераклъ.

И воевалъ?

Діонисъ.

Да, потопили мы
Судовъ врага до дюжины и больше [2]).

Гераклъ.

Вы?

Діонисъ.

Вотъ те Аполлонъ!

Ксанѳія.

И тутъ проснулся я [3]).

Діонисъ.

Такъ вотъ на кораблѣ я „Андромеду" [4])
Читалъ себѣ, и вдругъ внезапно страсть
Въ грудь стукнула, да знаешь-ли, какая!

Гераклъ.

Какая страсть?

Діонисъ.

Малютка, такъ съ Молона [5]).

---

[1]) Аѳинскій адмиралъ въ битвѣ при Аргинусахъ.

[2]) Такъ и Capitano итальянской комедіи dell' arte обращаетъ въ бѣгство безчисленныя арміи. *O. Fest*, Der Miles gloriosus im Drama des klassischen Alterthums und des französischen Mittelalters. Naumburg a. S. 1897. 17.

[3]) Присказка къ невѣроятному разсказу хвастуна и труса Діониса.

[4]) Не сохранившаяся трагедія Еврипида.

[5]) Трагическій актеръ, можетъ быть игравшій первую роль въ «Андромедѣ», славился высокимъ ростомъ.

Гераклъ.

Страсть къ женщинѣ?

Діонисъ.

Нѣтъ.

Гераклъ.

Къ мальчику?

Діонисъ.

Ни-ни!

Гераклъ.

Къ мущинѣ?

Діонисъ.

Ой-ой-ой!

Гераклъ.

Ты спалъ съ Клисѳеномъ?

Діонисъ.

Не смѣйся, братъ! Такъ мнѣ нехорошо,
Такая страсть мое терзаетъ сердце.

Гераклъ.

Какая-же, братишка?

Діонисъ.

Не могу
Сказать, а развѣ намекну загадкой.
Тебѣ когда нибудь хотѣлось каши?

Гераклъ.

Что? Каши? Ба, сто тысячъ въ жизни разъ!

Діонисъ.

Такъ ясно все? Иль по другому молвить?

Гераклъ.

Про кашу? Нѣтъ: я сразу понялъ все [1])!

[1]) Начиная съ народнаго греческаго фарса и художественной его обработки въ сицилійской комедіи Епихарма, Гераклъ является постояннымъ типомъ миѳическаго обжоры на греческой комической сценѣ.

Діонисъ.

Такая-то грызетъ меня тоска
По Еврипиду.

Гераклъ.

Вотъ! По мертвецу-то! [1])

Діонисъ.

И знай, никто меня не убѣдитъ,
Чтобъ не пойти за нимъ.

Гераклъ.

Хоть въ адъ глубокій?

Діонисъ.

Свидѣтель Зевсъ, хотя бъ и ниже вглубь.

Гераклъ.

На что тебѣ?

Діонисъ.

Поэтъ мнѣ нуженъ ловкій.
Однихъ ужъ нѣтъ въ живыхъ, живые—дрянь.

Гераклъ.

А Іофонъ ужъ умеръ [2])?

Діонисъ.

Только это
Добро осталось, коль добро оно:
Я самъ еще не разберу, каковъ онъ.

Гераклъ.

А не Софоклъ,—онъ лучше Еврипида,—
Съ тобой пойдетъ, когда ужъ надо брать?

[1]) Еврипидъ умеръ за годъ до постановки «Лягушекъ».
[2]) Сынъ Софокла. Ниже Іофонъ заподозрѣнъ въ плагіатахъ у великаго отца.

Діонисъ.

Нѣтъ, раньше Іофона попытаю,
Какъ безъ Софокла онъ одинъ творитъ.
Притомъ-же Еврипидъ—большой хитрецъ,
Онъ и удрать со мной не постѣснится,
А мирный здѣсь пѣвецъ и тамъ все миренъ.

Гераклъ.

Гдѣ жъ Агаѳонъ?

Діонисъ.

Покинулъ онъ меня,
Тоску друзьямъ поэтъ оставилъ милый [1]).

Гераклъ.

Гдѣ жъ онъ, бѣднякъ?

Діонисъ.

На пирѣ у боговъ.

Гераклъ.

Ну, а Ксеноклъ?

Діонисъ.

Да пропади онъ, право [2])!

Гераклъ.

Пиѳангелъ какъ [3])?

Ксанѳія.

А про меня молчокъ,
Хоть я натеръ себѣ плечо до боли!

Гераклъ.

Не стало развѣ тамъ иныхъ мальчишекъ,
Готовыхъ плесть по тысячамъ одишекъ,
Борзѣе Еврипида болтунишекъ?

---

[1]) Другія комедіи нашего поэта содержатъ менѣе сочувственные отзывы объ изысканныхъ по языку трагедіяхъ Агаѳона.

[2]) Ксеноклъ прикрывалъ въ своихъ драмахъ недостатокъ содержанія внѣшними эффектами.

[3]) Неизвѣстный поэтъ.

Діонисъ.

Такъ кто они? Отбросы, пустельга,
Хоръ ласточекъ, искусства поношенье!
Вразъ пропадутъ, едва добудутъ хоръ [1]),
Однажды на трагедію нагадивъ.
А крупнаго поэта не найдешь,
Хоть обыщи, чтобъ молвилъ слово съ вѣсомъ.

Гераклъ.

Какъ крупнаго?

Діонисъ.

Такъ крупнаго, чтобъ рѣчь
Какую ни на есть смѣлѣй пустилъ онъ:
Про воздухъ, Зевсовъ домикъ, времени стопу,
Про мысль, и не хотѣвшую сбрехнуть,
Да мимо мысли язычокъ сбрехнувшій [2]).

Гераклъ.

А ты охотникъ до того?

Діонисъ.

У, страсть!

Гераклъ.

Но шутовство вѣдь это, самъ ты знаешь.

Діонисъ.

Не лѣзь въ мой умъ! Ты свой имѣешь домъ.

Гераклъ.

Ну, прямо это все прегнусно-гнусно.

---

[1]) Каждый поэтъ, желавшій участвовать въ драматическомъ состязаніи на праздникѣ Діониса, получалъ хоръ, то есть разрѣшеніе постановки отъ высшаго сановника, архонта.

[2]) Въ «Меланиппѣ» Еврипида воздухъ названъ домомъ Зевса, въ его же «Вакханкахъ» упоминается стопа времени. Послѣдніе два стиха пародируютъ знаменитую сцену «Ипполита» съ нянькой и Федрой.

Діонисъ.

Учи насъ жрать!

Ксанѳія.

А про меня молчокъ!

Діонисъ.

И для того въ такомъ убранствѣ я
Пришелъ, въ твоемъ подобьѣ, чтобъ хозяевъ
Ты назвалъ, коли надо будетъ, гдѣ
Ты приставалъ, когда за псомъ спускался [1]);
Все перечти: пристанки, бардаки,
Всѣхъ хлѣбниковъ, колодцы всѣ, тропинки,
Гостиницы, трактирщицъ въ городахъ,
Гдѣ нѣтъ клоповъ.

Ксанѳія.

А про меня молчокъ!

Гераклъ.

О дерзкій, такъ и ты пойти посмѣешь?

Діонисъ.

Ну, это прочь! Ты покажи лишь путь,
Гдѣ намъ скорѣй спуститься внизъ Аида,
Да не было бъ ни стужи, ни жары!

Гераклъ.

Какой же мнѣ сказать вамъ первый путь?
Одинъ—то есть,—веревка да скамейка—
Повѣсьтесь-ка!

Діонисъ.

Ну, это тѣсный путь.

Гераклъ.

Есть скорая, избитая дорожка:
Возьми ты ступку!...

---

[1]) Гераклъ спускался въ адъ съ миѳическимъ аѳинскимъ царемъ Ѳесеемъ и увелъ адскаго пса Кербера.

Діонисъ.

Это, значитъ, ядъ?

Гераклъ.

Вотъ именно.

Діонисъ.

Нѣтъ, холодна и эта:
Сейчасъ тебѣ лодыжки подберетъ.

Гераклъ.

Такъ хочешь путь, стремглавъ летящій книзу?

Діонисъ.

Пожалуйста! Не больно я ходокъ.

Гераклъ.

Ступай сейчасъ въ Керамикъ?

Діонисъ.

Ну-съ, а дальше?

Гераклъ.

Взойди на башню верхнюю!

Діонисъ.

Потомъ?

Гераклъ.

Смотри, какъ тамъ пускаются съ лампадой [1]),
И только крикнутъ зрители: пускать!
И ты пускайся!

Діонисъ.

А куда же?

Гераклъ.

Внизъ.

---

[1]) Бѣгъ съ лампадами или факелами начинался изъ Керамика, «гончарнаго квартала», «Горшечной» старыхъ Аѳинъ.

Діонисъ.

Но такъ страхну я мозга на два студня.
Нѣтъ, не пойду и тѣмъ путемъ.

Гераклъ.

А гдѣ-жъ?

Діонисъ.

А гдѣ тогда сходилъ ты.

Гераклъ.

Плыть-то скука!
Сейчасъ ты выйдешь къ озеру большому,
Бездонному [1]).

Діонисъ.

Но какъ же переплыть?

Гераклъ.

На крохотномъ суденышкѣ старикъ—
Морякъ свезетъ за два обола платы.

Діонисъ.

Какъ много всюду значатъ два гроша!
И какъ они попали тамъ?

Гераклъ.

Съ Өесеемъ.
А послѣ змѣй и страшныхъ чудищъ ты
Увидишь кучу.

Діонисъ.

Не пугай: не струшу!
Не повернешь меня!

Гераклъ.

Тамъ грязь болотъ
И вѣчный смрадъ. И тамъ лежатъ всѣ тѣ,

---

[1]) Срв. описанія пути и предсказанья о дорогѣ Цирцеи Одиссею у Гомера, въ Прометеѣ Эсхила, *Fränkel.* De media et nova comoedia quaestiones selectae. Gottingae. MCMXII. 37.

Кто гостя чужестранца изобидѣлъ,
Кто, съ мальчикомъ сойдяся, обобралъ,
Кто мать побилъ и кто отцу далъ въ зубы,
И ложною кто клятвою поклялся,
И кто списалъ Морсима монологъ.

Діонисъ.

Клянусь богами, къ нимъ бы и того,
Кто пляскѣ у Кинесіи учился! [1])

Гераклъ.

Потомъ тебя дыханье флейтъ обвѣетъ,
Завидишь свѣтъ прекрасный въ мрачной мглѣ,
И рощи миртъ и радостные хоры
Мущинъ и женъ при плескѣ многихъ рукъ.

Діонисъ.

Кто жъ это тамъ?

Гераклъ.

Собранье посвященныхъ [2]).

Ксанөія.

А я—оселъ подъ бременемъ мистерій [3]).
Не потащу-жъ ихъ дальше, видитъ Зевсъ!

Гераклъ.

Они тебѣ разскажутъ все, что спросишь.
Близехонько на самомъ на пути
Они живутъ при воротахъ Плутона [4]).
Прости же, братъ!

---

[1]) Морсимъ неудачный трагикъ, не разъ осмѣянный нашимъ поэтомъ. Кинесія – изысканный поэтъ диөирамбовъ, котораго строго судятъ и другіе современные писатели.

[2]) Т. е. посвященныхъ въ мистеріи.

[3]) То есть оселъ, обремененный поклажей, въ торжественной процессіи мистерій.

[4]) Царя подземнаго міра.

Діонисъ.

Пусть и тебя хранитъ
Зевесъ! (Ксанѳіи) А ты опять бери поклажу!

Ксанѳія.

Допрежде, чѣмъ и снять ее?

Діонисъ.

Живѣй!

Ксанѳія.

Нѣтъ, ради Зевса, лучше ты найди
Покойника, кто въ ту идетъ дорогу!

Діонисъ.

А не сыщу?

Ксанѳія.

Тогда меня.

Діонисъ.

Ну, ладно.
Да вотъ какъ разъ покойника несутъ.
Эй, слушай-ка, покойникъ! Эй, покойникъ!
Не хочешь ли снести багажъ въ Аидъ?

Покойникъ.

А гдѣ багажъ?

Діонисъ.

Весь тутъ.

Покойникъ.

Двѣ драхмы дашь?

Діонисъ.

А меньше-бы?

Покойникъ.

Проваливай съ дороги!

Діонисъ.

Постой, дружокъ, авось сойдемся мы.

Покойникъ.

Не дашь двухъ драхмъ, такъ и болтать не стоитъ.

Діонисъ.

Возьми оболовъ девять!

Покойникъ.

Чтобъ ожить мнѣ!

Ксанѳія.

Вишь, загордился какъ! А, чтобъ те взвыть!
Я самъ пойду.

Діонисъ.

Ты добрый рабъ и вѣрный.
Идемъ же къ лодкѣ!

Харонъ.

Гопъ, подчаливай!

Ксанѳія.

Что тамъ?

Діонисъ.

А то болото, о которомъ
Намъ сказывалъ Гераклъ, а вотъ и лодка.

Ксанѳія.

О Посейдонъ! А вотъ и самъ Харонъ!

Діонисъ.

Привѣтъ, Харонъ! Привѣтъ, Харонъ! Привѣтъ!

Харонъ.

Кто къ отдыху отъ горя и заботъ,
Въ равнину Леты? Кто къ Ослиной шкурѣ [1]),

---

[1]) Вѣроятно, пародія какого либо мѣстнаго названія въ древнихъ Аѳинахъ.

До Кербера, къ Тенару, къ воронью?

Діонисъ.

Я.

Харонъ.

Живо въ лодку!

Діонисъ.

Гдѣ пристать ты хочешь?
Взаправду къ воронью?

Харонъ

Да, для тебя.
Влѣзай же!

Діонисъ.

Рабъ, сюда!

Харонъ.

Рабовъ не возимъ,
Когда не дрался онъ за тушу мяса [2]).

Ксанѳія.

Какъ разъ глаза болѣли, видитъ Зевсъ.

Харонъ.

Такъ и ступай, бѣги кругомъ болота!

Ксанѳія.

А гдѣ же ждать мнѣ васъ?

Харонъ.

У камня вздоховъ,
На пристани.

---

[1]) У спартанскаго мыса Тенара находился по вѣрованію древнихъ спускъ въ адъ. «Къ воронью!» было руганью у древнихъ аѳинянъ.

[2]) Намекъ на мертвыхъ, оставленныхъ безъ погребенія послѣ боя при Аргинусахъ и навлекшихъ процессъ на оставшихся въ живыхъ полководцевъ.

Діонисъ.

Ты понялъ?

Ксанѳія.

Понялъ, да.
Что встрѣтилъ я, чуть вышедши, бѣдняга!

Харонъ.

Садись къ веслу! Еще кто ѣдетъ? Живо!
Ты что же тутъ?

Діонисъ.

Что? Больше ничего,
Какъ у весла сижу, гдѣ самъ велѣлъ ты.

Харонъ.

Сюда садись, сюда, брюханъ!

Діонисъ.

Ну, вотъ!

Харонъ.

Вытягивай-ка руки-то!

Діонисъ.

Ну, вотъ!

Харонъ.

Да не болтай, но оперпись ногою,
Греби проворнѣй!

Діонисъ.

Гдѣ же я смогу
Безъ опыта въ моряхъ, безъ Саламина,
И вдругъ грести?

Харонъ.

Легко: услышишь пѣснь
Чудесную, чуть тронешь весла.

Діонисъ.

Чью-же?

Харонъ.

Лягушекъ, дивныхъ лебедей.

Діонисъ.

Давай сигналъ!

Харонъ.

Го-опъ! Го-опъ!

Лягушки.

Ква-ква, ква-ква, ква-ква, ква-ква!
Ква-ква, ква-ква, ква-ква, ква-ква!
Болотныхъ хлябей дѣти,
Созвучныхъ гимновъ клики
Затянемъ, нашу сладостную пѣснь,
Ква-ква, ква-ква!
Пѣсню, которую мы
Вкругъ Діониса Нисейскаго [1]),
Зевсова сына, въ болотахъ поемъ,
Гдѣ, растрепавшись съ похмѣлья,
Въ день священныхъ Сосудовъ [2])
Къ моей святынѣ движется толпа.
Ква-ква, ква-ква, ква-ква, ква-ква!

Діонисъ.

А я ужъ больно чувствую
Подъ задней частью, ква-ква-ква,
А вамъ—ништо, и дѣла нѣтъ!

Лягушки.

Ква-ква, ква-ква, ква-ква, ква-ква!

Діонисъ.

Да сгиньте вы съ своимъ ква-ква!
У васъ одно и есть ква-ква.

---

[1]) Нисой назывались нѣсколько центровъ служенія Діонису, и въ собственной Греціи и въ Малой Азіи.

[2]) Третій день мистерій назывался днемъ Сосудовъ или Горшковъ. Въ этотъ день горшки съ зерномъ приносились въ жертву подземному Гермесу.

Лягушки.

Ну, такъ что же, безпокойный!
Музы меня возлюбили съ дивной лирой [1]),
И круторогій Панъ съ потѣшной пѣсню дудки,
Мной наслаждается самъ Аполлонъ съ формингой [2])
Ради того тростника, который въ болотѣ
Влажномъ питаю для лиры [3]).
Ква-ква, ква-ква, ква-ква, ква-ква!

Діонисъ.

А я мозоли ужъ натеръ,
И бѣдный задъ взопрѣлъ давно,
И вотъ сейчасъ, склонясь, взреветъ...

Лягушки.

Ква-ква, ква-ква, ква-ква, ква-ква!

Діонисъ.

О родъ пѣснолюбивый,
Умолкни!

Лягушки.

Нѣтъ, мы пуще
Затянемъ, какъ всегда
Подъ горячимъ солнцемъ дня
Мы выпрыгиваемъ между
Влажныхъ травъ, и любо пѣсни
Заводить въ прыжкахъ проворныхъ,
Иль гонимы ливнемъ Зевса,
Мы во влажной глубинѣ
Вразъ затянемъ плясовую,
Надувая дружно щеки.
Ква-ква, ква-ква, ква-ква, ква-ква!

---

[1]) Безпокойный, *πολυπράγμων*—частый въ комедіи типъ, имѣвшій отдѣльную маску, изобрѣтеніе актера Ликомеда. *Robert*. Die Masken, 64.

[2]) Музыкальный инструментъ, съ которымъ Аполлонъ постоянно изображался.

[3]) Тростникъ употреблялся у грековъ для декъ музыкальныхъ инструментовъ.

Діонисъ.

Такъ это я беру у васъ [1]).

Лягушки.

Это страшная обида!

Діонисъ.

Не страшнѣй, когда у веселъ
Отъ устатка лопну вдругъ.

Лягушки.

Ква-ква, ква-ква, ква-ква, ква-ква!

Діонисъ.

Орите тамъ! Мнѣ дѣла нѣтъ!

Лягушки.

Такъ, и будемъ все зѣвать мы,
Сколько только нашей глотки
Хватитъ намъ на цѣлый день.
Ква-ква, ква-ква, ква-ква, ква-ква!

Діонисъ.

Меня не одолѣете!

Лягушки.

Да и ты не одолѣешь!

Діонисъ.

Вотъ ужъ нѣтъ! Зѣвать я стану,
Коли надо, цѣлый день
Ква-ква-ква-ква-ква!
Покуда васъ ква-ква не одолѣю.
Ква-ква, ква-ква, ква-ква!
Я такъ и зналъ, что васъ перекричу.

Харонъ.

Сто-опъ! Сто-опъ! Зачаливай весломъ!
Вонъ съ лодки! Деньги дай!

---

[1]) То есть беру у васъ вашъ тростникъ?

Діонисъ.

Вотъ два обола.
Эй, Ксаноія! Гдѣ Ксаноія? Эй, Ксаноій!

Ксаноія.

Ау!

Діонисъ.

Ступай сюда!

Ксаноія.

Привѣтъ, хозяинъ!

Діонисъ.

Что тутъ такое?

Ксаноія.

Грязь и вѣчный мракъ.

Діонисъ.

Ну, что-же, видѣлъ ты отцеубійцъ,
Клятвопреступныхъ, какъ онъ говорилъ?

Ксаноія.

А ты?

Діонисъ.

Я и сейчасъ, о Посидонъ, ихъ вижу [1]).
Что жъ дѣлать намъ?

Ксаноія.

Идти впередъ—вѣрнѣй:
Здѣсь мѣсто, гдѣ, онъ говорилъ намъ, звѣри
Есть страшные.

Діонисъ.

А, чтобъ ему ревѣть!
Нахвасталъ онъ, чтобъ напугать меня,

---

[1]) Камешекъ въ огородъ самого Ксаноіи, а то такъ и зрителей аѳинскаго театра.

Завидовалъ онъ, зналъ, что я прехрабрый;
Нѣтъ болтуна другого, какъ Гераклъ.
А я бы радъ схватиться съ кѣмъ нибудь
И подвигъ взять достойный по дорогѣ.

Ксанөія.

И вотъ те Зевсъ, какой то слышенъ шумъ.

Діонисъ.

Гдѣ, гдѣ онъ?

Ксанөія.

Сзади насъ.

Діонисъ.

Ступай-ка сзади!

Ксанөія.

Нѣтъ, впереди!

Діонисъ.

Такъ передомъ валяй! [1])

Ксанөія.

Вотъ, погляди-ка, звѣрь, и пребольшой!

Діонисъ.

Какой?

Ксанөія.

У, страшный: дѣлается всѣмъ онъ,—
То быкъ онъ, то козелъ, то женщина
Красавица.

Діонисъ.

Гдѣ, гдѣ она? Пойду ка къ ней я!

Ксанөія.

Не женщина она уже, но сука.

Во французскомъ фарсѣ 1468 года герой пугается птичьяго пугала, и ободряется лишь, когда то падаетъ. *Fest*, Miles gloriosus, 24.

Діонисъ.

Емпуса это [1]).

Ксанөія.

Все лицо горитъ
Огнемъ.

Діонисъ.

А есть-ли мѣдная нога [2])?

Ксанөія.

Такъ, а другая, видитъ Зевсъ, изъ глины.

Діонисъ.

Куда же мнѣ бѣжать?

Ксанөія.

А мнѣ куда?

Діонисъ.

Спаси насъ, жрецъ, и вмѣстѣ мы покутимъ [3]).

Ксанөія.

Погибли мы, Гераклъ!

Діонисъ.

Не величай
По имени меня, о человѣче!

Ксанөія.

Такъ Діонисъ!

Діонисъ.

Еще того сквернѣй!

Ксанөія.

Ступай, гдѣ шелъ! Сюда, сюда, хозяинъ!

---

[1]) Баба-яга греческой миөологіи.
[2]) Признакъ хтоническаго божества. *A. Dieterich.* Nekyia, 39.
[3]) Жрецъ Діониса имѣлъ почетное кресло въ первомъ ряду театра.

Діонисъ.

Что тамъ?

Ксанөія.

Не трусь! Пока сошло намъ съ рукъ,
И можемъ мы, какъ Гегелохъ, воскликнуть:
Изъ бурныхъ волнъ я вижу ласку вновь [1])!
Емпусы нѣтъ!

Діонисъ.

Клянись-же!

Ксанөія.

Вотъ те Зевсъ!

Діонисъ.

Опять клянись!

Ксанөія.

Ей-ей!

Діонисъ.

Еще!

Ксанөія.

Ей-ей же!

Діонисъ.

Охъ, весь я поблѣднѣлъ, ее увидѣвъ!

Ксанөія.

А жрецъ-то твой побагровѣлъ отъ страха [2]).

Діонисъ.

Отколѣ на меня такая страсть?

---

[1]) Гегелохъ игралъ первую роль въ «Орестѣ» Еврипида и вмѣсто того, чтобы сказать «тишину я вижу» (γαλήν᾽ ὁρῶ), сказалъ «я вижу ласку» (γαλῆν ὁρῶ). Такъ въ Парижѣ на представленіи «Лота» актеръ долженъ былъ сказать: «il a vaincu Loth», а сказалъ: «il a vingt culottes», и зрители закричали: «qu' il en donne à l' auteur!»

[2]) А можетъ быть: «А этотъ весь побагровѣлъ отъ страха» (указывая на фаллосъ, который носили греческіе комическіе актеры).

Кто изъ боговъ меня сгубить поклялся,—
Воздушный домикъ Зевса, времени - ль стопа?

Ксанөія.

Хозяинъ!

Діонисъ.

Что?

Ксанөія.

Ты не слыхалъ?

Діонисъ.

А что тамъ?

Ксанөія.

Дыханье флейтъ.

Діонисъ.

Да, слышу; и огней
Пахнуло мнѣ таинственно дыханье.
Но спрячемся, подслушаемъ тайкомъ!

Хоръ посвященныхъ.

Іакхъ, Іакхъ!
Іакхъ, Іакхъ! [1])

Ксанөія.

Ну, вотъ, какъ есть, хозяинъ, видно тутъ
Хоръ посвященныхъ, какъ онъ говорилъ намъ,
Поютъ Іакха, какъ и Діагоръ [2]).

Діонисъ.

И я смекаю такъ, но помолчать
Надежнѣй намъ, чтобъ разузнать получше.

(Отступаютъ въ сторону).

---

[1]) Названіе Вакха въ мистическомъ служеніи Елевсина.

[2]) Съ острова Мелоса, послѣдователь атомистической философіи, отрицалъ націоннальныхъ боговъ; здѣсь названъ въ шутку.

Тѣ же и хоръ посвященныхъ.

Хоръ.

Іакхъ, на многочтимомъ тронѣ здѣсь царящій,
Іакхъ, Іакхъ,
Сниди на этотъ лугъ въ ночную пляску
Къ благочестному собранью,
Многоплоднымъ потрясая
На главѣ твоей цвѣтущимъ
Миртъ вѣнкомъ, и смѣлою стопой
Выступай въ невоздержномъ,
Дружномъ съ пляской служеньѣ,
Въ полномъ прелести манящей и священномъ и живомъ
Хорѣ мистовъ посвященныхъ!

Ксанѳія.

О дѣва чтимая святой Деметры,
Какъ сладко мнѣ свинымъ пахнуло мясомъ [1])!

Діонисъ.

Молчи! И намъ кишки перепадутъ.

Хоръ.

Вставайте! Съ факеломъ жаркимъ въ рукахъ онъ сходитъ.
Іакхъ, Іакхъ,
Золотая звѣзда ночныхъ служеній!
Озарился лугъ сіяньемъ.
Стариковъ дрожатъ колѣни,
Бодро скорби отряхаютъ,
Ветхихъ лѣтъ своихъ медлительные годы
При священномъ служеньѣ.
Ты-жъ, лампадой сіяя,
Выводи бѣгомъ въ цвѣтущемъ, влажномъ лугѣ за собой

[1]) Угощеніе свининой входило въ кругъ обрядовъ аѳинскаго служенія въ честь Деметры, богини земли и плодородія.

Въ хороводъ, блаженный, юныхъ!
Безмолствовать долженъ и съ мѣста вставать предъ нашими хорами каждый,
Кто неопытенъ слабый въ рѣчахъ таковыхъ, кто сердце свое не очистилъ,
Кто оргіи благородныхъ музъ не видѣлъ и въ хоръ не вступался,
Кто Кратина, быковъ пожиравшаго [1]), рѣчь не изъвѣдалъ, какъ Вакхову тайну,
Но грубымъ однимъ веселился словцомъ, хотя-бы звучало не въ пору;
Кто враждебный раздоръ не спѣшитъ потушить, не хочетъ добра горожанамъ,
Возбуждая костеръ, раздувая огонь, и къ личной стремится корысти,
Кто бурею злой сокрушаемый градъ обираетъ и взятками властно,
Кто врагамъ отдаетъ бастіонъ, корабли и запретный товаръ отпускаетъ
Изъ Эгины кругомъ, Ѳорикіонъ, на сто по пяти забирающій алчно,
Корабельную снасть и канатъ и смолу посылая водой къ Епидавру [2]);
Кто врагу на суда доставлять провіантъ подкупаетъ за взятку другого,
Кто безчестье наноситъ Гекатѣ святой, подпѣвая киклическимъ хорамъ [3]);

[1]) Или перенесеніе на комическаго поэта Кратина эпитета божественнаго покровителя театра Діониса, или намекъ на особую, почти дикую силу языка поэта.

[2]) Эгина, по расположенію между Аѳинами и Пелопонесомъ, служила складомъ военной контрабанды во время Пелопонесской войны. Ѳорикіонъ— сборщикъ податей. Пять процентовъ—установленный сборъ съ ввозимаго и вывозимаго товара. Епидавръ—прямо противъ острова Эгины на берегу Арголиды.

[3]) Маленькія изваянія богини подземнаго міра Гекаты стояли въ Аѳинахъ на перекресткахъ. Въ безчестіи Гекаты обвиняли Кинесію, упомянутаго выше поэта диѳирамбическихъ, то есть круговыхъ хоровъ.

Кто, народный болтунъ, вдругъ обгложетъ у насъ, у
поэтовъ, законную плату,
Чуть комедія тронетъ его на родномъ служеньѣ отца
Діониса:
Всѣмъ такимъ я велю и вторично велю и по третьему
разу велю имъ
Убираться долой: здѣсь мистическій хоръ. А вы зачи-
найте-же пѣсню
И всенощное наше служенье богамъ, достойное празд-
нествъ великихъ!
Выступай съ отвагой каждый
Въ расцвѣтающее лоно
Луга, въ тактъ стуча ногой,
Насмѣхаясь,
И шутя, и издѣваясь!
Напостились мы досыта!
Выступай и воспѣвай
Благодѣтельную Дѣву [1])
Благородною мольбой!
Наша нива
Ей хранима вплоть до жнива,
Хоть не хочетъ Ѳорикіонъ.
И другую, давай, пѣсню вразъ запѣвай! Плоды прино-
сящей царицѣ
Деметрѣ богинѣ ты пѣсню начни, украшай ее набож-
нымъ хоромъ!
Деметра, чистыхъ оргій сихъ
Царица, намъ предстательствуй
И свой спаси священный хоръ,
И дай мнѣ мирно цѣлый день
Плясать и забавляться,
И много словъ смѣшныхъ сказать,
И много словъ серьезныхъ,
Дабы достойно праздника
Натѣшась, нагулявшися,
Побѣдой увѣнчаться!

---

[1]) Персефону, символъ весенняго зерна, скрывающагося въ землю, по ученію мистерій.

Бодрѣй-же
Теперь и бога юнаго сюда зовите въ пѣсняхъ,
Товарища и спутника разгульныхъ хороводовъ!
Іакхъ многочтимый, пѣсню въ праздникъ
Сладчайшую обрѣтшій, съ нами слѣдуй
Къ богинѣ и открой намъ, какъ
Великій путь безъ трудности свершаешь!
Іакхъ, любитель пляски, провожай меня!
Ты разорвалъ себѣ для-ради смѣха,
Для-ради шутки узкій свой сандалій
И рубище, открылъ ты, какъ
Плясать и забавляться безъ помѣхи.
Іакхъ, любитель пляски, провожай меня!
Какъ разъ, скосясь маленько, я примѣтилъ
Сейчасъ у дѣвочки премиловидной,
Хористочки въ рубашечкѣ
Надорванной проглянувшую грудку.
Іакхъ, любитель пляски, провожай меня!

Діонисъ.

И я какъ разъ охотникъ проводить; хочу я съ нею
Повеселиться, поплясать.

Ксанѳія.

И я съ тобой, хозяинъ!

Хоръ.

Хотите, сообща мы
Продернемъ Архедема?
Въ семь лѣтъ малютка братцевъ не сыскалъ [1]),
А нынче въ демагогахъ
У верхнихъ мертвецовъ онъ
И первый номеръ въ тамошнемъ жульѣ.

---

[1]) Архедемъ—демагогъ, начавшій преслѣдованіе противъ полководцевъ послѣ битвы при Аргинусахъ. Не аѳинянинъ родомъ, онъ поздно и нечистыми средствами попалъ въ гражданское братство, какъ ребенокъ, до семи лѣтъ не имѣвшій зубовъ.

Клисѳенъ же, какъ я слышалъ,
Среди могилъ знай—щиплетъ
Самъ задъ себѣ и съ горя щеки рветъ,
И въ грудь стучитъ, понурясь,
И плачетъ и зоветъ онъ
Блудилу Толстоснастова назадъ.
А Каллій, говорятъ мнѣ,
Сынъ славный Конеблуда,
Во львиной шкурѣ бьется въ бардакѣ [1]).

Діонисъ.

Не можете-ль сказать намъ,
Плутонъ гдѣ проживаетъ?
Мы странники, пришедшіе сейчасъ.

Хоръ.

Не заходи далеко,
Не спрашивай насъ больше,
Но знай,—у самой двери ты стоишь.

Діонисъ.

Берись же снова, малый [2])!

Ксанѳія.

Да что это такое?
Знать, въ одѣялахъ Зевсовъ весь Коринѳъ [3]).

Хоръ.

Ступайте
Теперь оградою святой богини, въ лѣсъ цвѣтущій
И тѣшьтесь всѣ, кто смѣетъ быть въ боголюбезный праздникъ!
А я съ дѣвицами пойду и съ женщинами вмѣстѣ
На всенощное бдѣніе съ свѣтильникомъ священнымъ.
Пойдемъ въ луга цвѣтущіе,
Наполненные розъ,
По нашему обычаю

[1]) Клисѳена часто осмѣиваютъ, какъ охотника до однополой любви; въ томъ же и въ трусости обвиняли Каллія.

[2]) Т. е. за свои одѣяла.

[3]) Игра словъ между именемъ города Коринѳа и нарицательнымъ *κόρεις* «клопы».

Сбираясь въ хороводъ!
Блаженъ, кого счастливая
Приводитъ къ намъ судьба:
Однимъ намъ свѣтитъ солнышко,
И ясенъ тихій день,
Одни мы, посвященные,
Хранимъ святой законъ
Равно надъ чужестранцами
И частными людьми.

Діонисъ.

Ну, какъ же мнѣ стучаться-то? Скажи,
Какъ мѣстный обыватель здѣсь стучится?

Ксанѳія.

Ты не тяни, а бей покрѣпче въ дверь,
Прямой Гераклъ и кожей будь, и рожей [1]).

Діонисъ.

Эй малый! (Выходитъ Эакъ).

Эакъ.

Кто такой [2])?

Діонисъ.

Силачъ Гераклъ.

Эакъ.

Ахъ ты, злодѣй! Безстыдникъ ты! Нахалъ!
Проклятый ты, треклятый, растреклятый!
Ты Кербера у насъ согналъ собаку
И потащилъ, душа, и съ нимъ удралъ,
А я берегъ его. Попался, милый!
Такая Стикса черная скала
И Ахеронта пикъ кровоточивый [3])

[1]) Ср. во французскомъ фарсѣ: Un droict Roland A voir et sa taille et sa grace. *Fest.* op. c., 36.

[2]) Зачатокъ типа привратника съ характерной грубостью, срв. привратника въ «Протагорѣ» Платона, въ «Отрѣзанной косѣ» Менандра. *Церетели*, Нов. ком. М. 477.

[3]) Рѣки въ аду.

Тебя хранятъ, и псы Коцита съ той
Стоглавою Ехидной, что кишки
Порветъ тебѣ, а въ легкія вопьется
Тартесская мурена, да и почки
Со всѣмъ твоимъ нутромъ въ твоей крови
Титрасскія Горгоны порастащутъ [1]).
Я ихъ сейчасъ бѣгу и покричу.

(Скрывается).

Ксанѳія.

Эй, что съ тобой?

Діонисъ.

Сходилъ я. Крикни бога!

Ксанѳія.

Смѣшной ты трусъ; вставай скорѣй, пока
Никто чужой не видѣлъ!

Діонисъ.

Силы нѣту!
Подай мнѣ губку къ сердцу приложить!

Ксанѳія.

Бери, клади! О боги золотые!
Тутъ сердце у тебя?

Діонисъ.

Оно, струхнувъ,
На самый низъ запряталось желудка.

Ксанѳія.

О жалкій трусъ изъ всѣхъ боговъ съ людьми!

Діонисъ.

Какъ трусъ, когда и губки попросилъ я?
Никто бы такъ другой не сдѣлалъ.

---

[1]) Титрасомъ назывался округъ въ Аттикѣ. И «Титрасскія Горгоны» и «Тартесская мурена» названы въ виду устрашенія самыми звуками.

Ксанѳія.

Какъ же?

Діонисъ.

Лежалъ бы все да нюхалъ, коли трусъ.
А я самъ всталъ и сверхъ того подтерся.

Ксанѳія.

Вотъ храбрость, Посидонъ!

Діонисъ.

Свидѣтель Зевсъ!
А ты не струсилъ грохота рѣчей
И злыхъ угрозъ?

Ксанѳія.

Я? Вотъ те Зевсъ, не думалъ.

Діонисъ.

Такъ, если ты такой храбрецъ лихой,
Ты будешь я, возьми дубину эту
И шкуру льва, когда безстрашенъ такъ,
А я твоимъ носильщикомъ побуду.

Ксанѳія.

Такъ что жъ, тащи! Послушаюсь тебя.
И подивись на Ксанѳію—Геракла,
По твоему-ль я трусомъ окажусь!

Діонисъ.

Нѣтъ, ты точь-точь съ Мелиты рабъ побитый [1]).
Давай, я одѣяла понесу.

Тѣ же и рабыня Персефоны.

Рабыня.

Голубчикъ, ты пришелъ, Гераклъ? Войди!

---

[1]) Въ округѣ Аттики Мелитѣ совершалось служеніе Гераклу.

Богиня, какъ узнала, что пришелъ ты,
Ну стряпать хлѣбы, каши ставить черной
Горшка два-три, на угляхъ цѣлый быкъ,
Мѣсить лепешки, колобки. Войди-же!

Ксанѳія.

Чудесно, браво [1])!

Рабыня.

Вотъ же Аполлонъ,
Я не пущу тебя! Ужъ тамъ и мяса
Нажарили, дичины, и печенье
Спеклось, и сладко смѣшано винцо.
Пойдемъ со мной!

Ксанѳія.

Прекрасно!

Рабыня.

Пустяки!
Не выпустимъ! И флейтщица ужъ ждетъ
Красоточка тебя, и танцовщицы
Двѣ либо три.

Ксанѳія.

Что, что? И танцовщицы?

Рабыня.

Дѣвчоночки, подбрилися сейчасъ.
Идемъ со мной! Ужъ поваръ собрался
И блюда вынимать, и столъ вносили.

Ксанѳія.

Такъ наперво ступай и танцовщицамъ
Скажи имъ тамъ, что самъ сейчасъ иду.
Эй, малый, проходи за мной съ поклажей!

Діонисъ.

Постой маленько! Ты ужъ взялъ въ серьезъ,
Что я шутя одѣлъ тебя Геракломъ?

---

[1]) Вѣжливый отказъ, какъ по латински benigne и проч.

Ну, полно, Ксанѳія, безъ пустяковъ:
Берись опять, тащи-ка одѣяла!

Ксанѳія.

Что жъ это, право? Хочешь ты отнять,
Что самъ мнѣ далъ?

Діонисъ.

Не *хочешь*, а ужъ отнялъ!
Скидай же шкуру!

Ксанѳія.

Нѣтъ, на это я
Пожалуюсь богамъ!

Діонисъ.

Какимъ богамъ?
Вѣдь и помыслить даже неразумно,
Чтобъ смертный, рабъ—Алкмены сыномъ сталъ [1])!

Ксанѳія.

Да ладно, получай! Но вѣрно послѣ
Понадоблюсь тебѣ, какъ богъ велитъ.

Хоръ.

Вотъ онъ, подвигъ человѣка
Разсудительнаго мыслью
И поплававшаго всласть:
Живо онъ перебѣгаетъ
На бортъ лодки безопасный,
А не писанымъ стоитъ
Изваяніемъ, принявши
Видъ одинъ. Оборотиться
Вѣчно къ мягкой сторонѣ—
Мужа опытнаго признакъ,
Ѳерамена по душѣ [2]).

---

[1]) Алкмена—мать Геракла.

[2]) Демагогъ Ѳераменъ считался образцомъ оборотливаго политика и получилъ кличку «котурна»,—башмака, годнаго на каждую ногу.

Діонисъ.

Не смѣшно ли-бъ было, еслибъ
Ксанѳія, рабомъ родившись,
На Милетскихъ на коврахъ
Развалившись и цѣлуя
Танцовщицу, вдругъ горшка
Попросилъ, а я-то, глядя,
Теребилъ-бы только снасть?
А потомъ злодѣй великій,
Увидалъ бы онъ и грянулъ
Въ зубы мнѣ ногой и вышибъ
Напрочь весь передній рядъ!

Тѣ-же и трактирщица съ рабыней Платаной [1]).

Трактирщица.

Сюда скорѣй, Платана! Вотъ онъ, воръ,
Который, къ намъ въ трактиръ тогда забравшись,
Сожралъ шестнадцать караваевъ.

Платана.

Такъ,
Онъ, самый онъ!

Ксанѳія.

Кому то будетъ худо!

Трактирщица.

Да и жаркого двадцать сплелъ кусковъ
По полгроша.

Ксанѳія.

Кого-то, знать, притянутъ!

Трактирщица.

Да чесноку безъ мѣры.

---

[1]) Недавно указана южно-славянская народная сказка, родственная съ слѣд. сценой.

Діонисъ.

Брешешь, баба,
Невѣсть чего!

Трактирщица.

Ты думалъ, мнѣ тебя
И не признать, когда ты влѣзъ въ котурны?
Да что? Еще я рыбу позабыла.

Платана.

Ей-ей! Да сыръ у насъ зеленый былъ,
Такъ и его уплелъ съ плетенкой разомъ.

Трактирщица.

А послѣ, какъ просить я стала деньги,
Взглянулъ быкомъ, да что то ну мычать.

Ксанѳія.

Онъ это, онъ, его и вся повадка!

Трактирщица.

И вынулъ мечъ,—ну, чисто безъ ума....

Платана.

Ей-ей такъ было!

Трактирщица.

Тутъ ужъ мы, струхнувъ,
Забилися подъ самую подъ крышу,
А онъ удралъ и блюда прихватилъ.

Ксанѳія

И это онъ. Скорѣе же за дѣло!

Трактирщица.

Поди, зови патрона къ намъ Клеона!

Платана.

А ты Гипербола, коли увидишь [1])!
Прижмемъ его!

---

[1]) Умершіе демагоги Клеонъ и Гиперболъ и въ аду продолжаютъ служить народу. Патронъ нуженъ трактирщицѣ, какъ не полноправной гражданкѣ.

Трактирщица.

Да я бъ тебѣ, обжора,
Всѣ зубы то повышибла сейчасъ,
Которые у насъ товаръ сожрали!

Платана.

А я тебя бы въ яму отвела [1])!

Трактирщица.

А я бы глотку вырвала тебѣ
Кривымъ ножомъ, съ которымъ жралъ ты мясо!

Платана.

Бѣгу къ Клеону. Ты сегодня жъ намъ,
Сегодня же за все въ судѣ отвѣтишь!

(Уходятъ).

Діонисъ.

Чтобъ мнѣ пропасть, коль Ксанѳій мнѣ не другъ!

Ксанѳія.

Э, знаю, знаю, полно пустословить!
Не стану вновь Геракломъ.

Діонисъ.

Нѣтъ же, нѣтъ,
Другъ Ксанѳушка!

Ксанѳія.

Да гдѣ же мнѣ Алкмены
Вдругъ сыномъ стать, несчастному рабу?

Діонисъ.

Ты сердишься и, признаюсь, по правдѣ;
И хоть побей меня, не стану спорить.
Но если я потомъ тебя обижу,
Пусть съ корнемъ мнѣ, ребятамъ и женѣ
Пропасть пропадомъ съ Архедемомъ вмѣстѣ!

---

[1]) Подземная тюрьма для уголовныхъ въ Аѳинахъ.

Ксанѳія.

На клятву, съ тѣмъ условіемъ—готовъ.

Хоръ.

Такъ теперь твое ужъ дѣло,
Если принялъ ты одежду,
Какъ сначала щеголялъ,
Снова сердцемъ обновиться,
Вновь смотрѣть отважно взоромъ,
Помня бога, въ чей нарядъ
Снова ты преобразился.
Если жъ въ бреднѣ попадешься,
Иль обронишь слово зря,
На плеча опять придется
Одѣяла взять тебѣ.

Ксанѳія.

Не худой совѣтъ даете,
Но и самъ давно я это
Про себя уже смекнулъ.
Хоть и то я крѣпко знаю,—
Только встрѣтится удача,
Оберетъ меня онъ вразъ.
Но себя хочу я все же
Показать отважнымъ духомъ
И суровѣе взирать.
И пора: ужъ вотъ я слышу
За дверями чей то шумъ [1]).

Тѣ же и Эакъ.

Эакъ.

Вязать живѣе песьяго мнѣ вора,
На судъ его!

Діонисъ.

Кому то будетъ худо!

---

[1]) Частый эффектъ въ трагедіи и комедіи. *Fränkel,* De media et nova comoedia, 62.

Ксанөія.

Прочь, къ воронью! Не подходи!

Эакъ.

Ты драться?
Эй, Дитила и Скеблій и Пардокъ,
Живѣй сюда и подеритесь съ нимъ!

Діонисъ.

Вотъ страсти-то: еще и драться лѣзетъ,
Подтибривъ-то чужое!

Эакъ.

Прямо срамъ!

Діонисъ.

Предерзкое нахальство!

Ксанөія.

Видитъ Зевсъ,
Когда бывалъ я здѣсь, чтобъ мнѣ издохнуть,
Иль твоего укралъ на волосокъ!
По честному я сдѣлаюсь съ тобою:
Возьми раба вотъ этого—и въ пытку,
А виноватъ я окажусь,—казни!

Эакъ.

А какъ пытать?

Ксанөія.

Да всяко: подвяжи
На лѣстницу, повѣсь, сѣки хоть жилой,
Строгай его и въ ноздри уксусъ лей,
И кирпичомъ наваливай,—все можешь,
Не бей его лишь травкой молодой!

Эакъ.

Ну, право слово? А какъ искалѣчу
Раба тебѣ, тогда получишь штрафъ.

Ксанөія.

На что мнѣ штрафъ? И такъ веди на пытку!

Эакъ.

Здѣсь буду бить: пусть при тебѣ все скажетъ!
Скидай живѣй доспѣхи, и гляди:
Ни слова лжи!

Діонисъ.

Я заявляю прямо:
Не смѣть меня пытать! Безсмертный я,—
Не то пеняй самъ на себя!

Эакъ.

Что слышу?

Діонисъ.

Безсмертный я, сынъ Зевса, Діонисъ,
А это рабъ.

Эакъ (Ксанөіи).

Ты слышишь?

Ксанөія.

Что же, слышу;
Но тѣмъ сильнѣй его поколоти:
Когда онъ богъ, ему не будетъ больно.

Діонисъ.

Такъ вѣдь и ты назвался богомъ; что жъ
Намъ поровну обоимъ не отсыпать?

Ксанөія.

И это правда. Кто изъ насъ двоихъ
Заплачетъ первый, жаловаться станетъ
Подъ пыткою, тотъ, стало, и не богъ.

Эакъ.

Ты по всему преблагородный малый:
Ты самъ идешь на судъ. Такъ раздѣвайтесь!

Ксанөія.

А какъ пытать по чести насъ?

Эакъ.

Легко:
Плеть на плеть каждому.

Ксанөія.

Такъ и чудесно!
Смотри, моргну-ли я хотя глазкомъ!

Эакъ.

Ужъ далъ я разъ.

Ксанөія.

Нѣтъ!

Эакъ.

Такъ и мнѣ помстилось.
Иду къ тому и вздую.

Діонисъ.

Ну, когда-жъ?

Эакъ.

Ужъ далъ я разъ.

Діонисъ.

Чего жъ и не чихнулъ я?

Эакъ.

Не знаю. Снова за того примусь.

Ксанөія.

Ну, скоро-ли? Ой-ой-ой!

Эакъ.

Что ой-ой?
Аль больно стало?

Ксанөія.

Нѣтъ, я вздумалъ только,
Какъ въ Діомеяхъ празднуютъ Гераклу [1]).

[1]) Діомеи деревня въ Аттикѣ съ храмомъ и праздникомъ Геракла.

Эакъ.

Претонкій плутъ! Пойти опять къ тому!

Діонисъ.

Ухъ, ухъ!

Эакъ.

Ну, что съ тобой?

Діонисъ.

Я вижу конныхъ.

Эакъ.

Что жъ плачешь ты?

Діонисъ.

Пахнуло чеснокомъ.

Эакъ

Не съ боли-ли?

Діонисъ.

Да вовсе нѣтъ, нисколько!

Эакъ.

Тогда пойду опять къ другому я.

Ксанөія.

Ой-ой!

Эакъ.

Что, милый?

Ксанөія.

Вытащи занозу!

Эакъ.

Но, пустяки! Опять къ тому пойду.

Діонисъ.

Царь Аполлонъ Делоса и Пиөоса!

Ксанѳія.

Чу, больно стало, слышалъ ты?

Діонисъ.

Ничуть,
Я только ямбъ припомнилъ Гиппонакта [1]).

Ксанѳія.

Ништо ему? Такъ за бока примись!

Эакъ.

Нѣтъ, видитъ Зевсъ, оборотись-ка брюхомъ!

Діонисъ.

Царь Посейдонъ!

Ксанѳія.

Знать, больно?

Діонисъ.

На берегахъ Эгейскихъ и въ соленой
Царящій безднѣ!

Эакъ.

Клянусь Деметрой, я не поберу,
Какой изъ васъ двухъ богъ. Войдемте вмѣстѣ!
Пусть господинъ тамъ самъ васъ разберетъ
И Ферсефатта, какъ и сами боги [2])!

Діонисъ.

Такъ, правильно! Но лучше бъ ты смекнулъ
Впередъ объ этомъ, раньше чѣмъ отдуть насъ!

(Уходятъ).

Хоръ.

Муза святыхъ хороводовъ, сойди на потѣху ты пѣсни моей,

---

[1]) Лирическій поэтъ, писавшій гимны въ честь боговъ.
[2]) Плутонъ и Персефона, царь и царица подземнаго міра.

Цѣлыя толпы увидѣть народа, гдѣ мудрыхъ
Тысячи тысячъ сидятъ,
И Клеофонта знатнѣй, у кого на болтливыхъ устахъ
Страшною пѣснью гремитъ
Ѳракіи ласточка дальней,
На варварскомъ сидя листкѣ;
Свищетъ она соловьиную грустную пѣсню, что сгинетъ,
Поровну если пройдутъ голоса [1]).
Хоръ святой по правдѣ долженъ молвить городу благой
И совѣтъ и поученье. Такъ сперва хотимъ мы такъ:
Уравнять всѣхъ гражданъ нашихъ и отнять напрасный страхъ.
Если съ Фринихомъ при схваткѣ кто нибудь и погрѣшилъ [2]),
Утверждаю я, что надо поскользнувшимся тогда
Въ согрѣшеніи ихъ прежнемъ отпущенье получить.
И безчестнымъ чтобъ въ Аѳинахъ не бывалъ уже никто.
Не позоръ-ли? Тотъ, побившись только разъ на корабляхъ,
Превращается въ Платейца [3]), въ господина изъ раба.
Но и это не скажу я, чтобы худо было такъ,
Но хвалю: одно лишь это вы устроили съ умомъ.
Но при этомъ вы должны бы тѣмъ, кто съ вами столько разъ
Отъ отцовъ еще сражался, тѣмъ, кто родомъ близокъ къ вамъ,
Отпустить одно лишь это прегрѣшенье и простить [4]).
Такъ смиритеся во гнѣвѣ вы, отъ роду мудрецы!
Всѣхъ и каждаго охотно станемъ сродникомъ считать
И почетнымъ гражданиномъ, кто ни бился на судахъ!
Если жъ въ этомъ возгордимся и надменность соблюдемъ,

---

[1]) Клеофонтъ—демагогъ, замѣнившій въ Аѳинахъ изгнаннаго Гипербола, Ѳракіецъ по происхожденію, во время представленія «Лягушекъ» находившійся подъ судомъ.
[2]) Фринихъ—представитель олигархической партіи.
[3]) То есть точно ужъ онъ участвовалъ въ національномъ бою противъ Персовъ.
[4]) То есть близость ихъ къ олигархіи.

Безъ того имѣя городъ средь объятій влажныхъ волнъ,
То позднѣе убѣдимся, что неладно мыслимъ мы.
Если же вѣрно я вижу и жизнь человѣка и нравъ, что
еще заревѣтъ [1]),
Уже недолго докучная эта мартышка,
Карликъ ничтожный Клигенъ,
Баньщикъ подлѣйшій изъ тѣхъ, кто владѣетъ смѣсью
золы
Съ натріемъ мнимымъ
На Кимолійской землѣ,—
Ужъ онъ недолго потерпитъ, но вѣдая все,
Миръ не возлюбитъ, чтобъ пьянаго не обобрали его,
Какъ безъ дубины онъ выйдетъ [2]).
Не одинъ намъ разъ казалось, что Аѳины точно такъ
Поступаютъ и съ хорошимъ гражданиномъ и съ лихимъ,
Какъ съ монетою старинной и съ блестящимъ мѣдякомъ.
Такъ и мы—червонцы наши, неподдѣльный, чистый
кладъ,
Тѣ прекраснѣйшія, вѣрьте, изо всѣхъ иныхъ монетъ,
И съ надежною чеканкой и испытанныхъ стократъ
Предъ очами всей Эллады и у варваровъ вездѣ [3]),—
Не пускаемъ въ ходъ, а только эту мелочь, мѣдяки,
Наихудшею чеканкой отчеканенныхъ вчера.
Такъ изъ гражданъ всѣхъ, кто, знаемъ, благородны и
скромны,
Всѣмъ, кто строго справедливы и прекрасны и знатны,
И воспитаны въ палестрѣ, въ хорахъ музыки родной,—
Тѣхъ мы гонимъ, а другихъ то—мѣдныхъ, рыжихъ и
чужихъ
И негодныхъ изъ негодныхъ мы на все пускаемъ въ
ходъ,
Пусть послѣдними явились, пусть дотолѣ городъ нашъ

---

[1]) То есть еще поплатится за свои подвиги.

[2]) Клигенъ—владѣлецъ залежей натрія на цикладскомъ островѣ Кимолѣ, противникъ мира со Спартой изъ коммерческихъ расчетовъ. «Вѣдая все», то есть зная свою непопулярность.

[3]) То есть отличившихся въ войнахъ съ греками и варварами.

Даже жертвой искупленья не легко бы ихъ избралъ [1]).
Такъ и нынѣ вы, безумцы, измѣнивши прежній нравъ,
Въ ходъ пускайте благородныхъ! И въ успѣхѣ будетъ
вамъ
Хорошо; а если даже ошибетесь, мудрецы
Скажутъ: что жъ, что пострадали, да отъ знатнаго
бревна.

(Входятъ Эакъ и Ксанѳія).

Эакъ.

Ну, видитъ Зевсъ, какой онъ благородный,
Твой господинъ!

Ксанѳія.

Ужъ какъ не благородный,
Когда лишь пить умѣетъ да блудить [2])?

Эакъ.

И не побить тебя, изобличивъ,
Что, рабъ, себя ты назвалъ господиномъ!

Ксанѳія.

И взвылъ бы онъ [3])!

Эакъ.

Ты, значитъ, долгъ раба
Сейчасъ исполнилъ, какъ и я охотникъ.

Ксанѳія.

Охотникъ, ты?

Эакъ.

Какъ тайнозритель я,
Когда тайкомъ хозяина ругну я [4]).

---

[1]) Въ Аѳинахъ избирались ежегодно два преступника, мущина и женщина, и приносились въ жертву за грѣхи всего города.

[2]) Повторяющаяся въ исторіи комедіи черта хвастливаго воина: Mil. gl. 775 eras meus ita magnus moechus mulierumst, во французскомъ фарсѣ и пр. *Fest*, Miles glor., 34.

[3]) То есть если бы меня тронулъ.

[4]) Тайнозритель - получившій высшее посвященіе въ мистеріи, которому открываются послѣднія таинства.

Ксанөія.

А хныкать у дверей, когда плетей
Насыпятъ вдоволь?

Эакъ.

Да, люблю и это.

Ксанөія.

А всюду носъ совать?

Эакъ.

Всего милѣй!

Ксанөія.

Родной нашъ Зевсъ! А какъ подслушать, что тамъ
Болтаютъ бары?

Эакъ.

Тоже страсть люблю.

Ксанөія.

И у воротъ все разболтать?

Эакъ.

Ей-ей,
До страсти радъ, какъ доведется эдакъ.

Ксанөія.

Фебъ Аполлонъ! Такъ дай же руку, другъ,
Дай, чмокнемся, и разскажи, пожалуй,
Для-ради Зевса, друга по плетямъ,
Чей тамъ у нихъ и шумъ такой, и зѣвъ,
И споръ и брань?

Эакъ.

Эсхила съ Еврипидомъ.

Ксанөія.

А!

Эакъ.

Дѣло, дѣло важное идетъ
У мертвецовъ и споръ зѣло великій.

Ксанөія.

Съ чего?

Эакъ.

Такой тутъ положенъ законъ,
Что изъ искусствъ великихъ и прекрасныхъ
Найлучшій межъ соперниковъ своихъ
Почетный столъ имѣетъ въ пританеѣ [1])
И тронъ Плутона въ очередь....

Ксанөія.

Вонъ какъ!

Эакъ.

Покуда не придетъ другой мудрѣйшій
Въ искусствѣ: тутъ онъ долженъ уступить.

Ксанөія.

Что жъ это такъ Эсхила возмутило?

Эакъ.

Трагическій онъ занималъ здѣсь тронъ,
Какъ великанъ въ искусствѣ.

Ксанөія.

Нынче жъ кто же?

Эакъ.

Какъ Еврипидъ сошелъ, онъ представлять
Сталъ жуликамъ, на вѣсѣ надуваламъ,
Отцеубійцамъ, да ворамъ со взломомъ,
А ихъ въ Аидѣ пропасть; такъ они,
Услышавъ споры да словоизвитья,
Съ ума сошли, мудрѣйшимъ нарекли,
И возгордясь, онъ требовать сталъ тронъ,
Гдѣ сѣлъ Эсхилъ.

---

[1]) Въ Аөинахъ угощали почетнымъ столомъ въ думѣ (пританеѣ) гражданъ, оказавшихъ услугу отечеству.

Ксанөія.

Да, знать, его не сбросилъ?

Эакъ.

Нѣтъ, но народъ давай зѣвать: судить,
Кто изъ двоихъ мудрѣе по искусству!

Ксанөія.

Народъ воровъ?

Эакъ.

Да и какихъ еще!

Ксанөія.

Эсхилу жъ и союзниковъ не стало?

Эакъ.

Немного честныхъ, видно, какъ и тутъ [1]).

Ксанөія.

И что жъ Плутонъ готовится подѣлать?

Эакъ.

Онъ состязанье сдѣлаетъ и судъ
И обличенье ихъ искусству.

Ксанөія.

Что же,
Не претендуетъ и Софоклъ на тронъ?

Эакъ.

Нѣтъ, этотъ—нѣтъ: поцѣловалъ Эсхила
Онъ, какъ сошелъ, и руку взялъ его,
А тотъ предъ нимъ долой сошелъ съ престола;
А нынче хочетъ (Клидимидъ сказалъ)
Онъ сѣсть вторымъ, и если одолѣетъ
Эсхилъ,—пускай! А коли нѣтъ, и самъ
Побиться за искусство съ Еврипидомъ.

---

[1]) Опять комплиментъ зрителямъ, сидящимъ въ театрѣ.

Ксанөія.

Вотъ будетъ штука!

Эакъ.

Да, и скоро здѣсь
Великое содѣлается дѣло,
И на вѣсахъ ихъ взвѣсятъ, пѣсни музъ.

Ксанөія.

Что жъ? Закричатъ на драму: „мало! мало“ [1])?

Эакъ.

И мѣры и аршины принесутъ
Для словъ, отвѣсы...

Ксанөія.

Али будетъ кладка?

Эакъ.

Угольники, клещи. Вѣдь Еврипидъ
Трагедіи по слову станетъ мѣрить.

Ксанөія.

Я думаю, какъ сердится Эсхилъ!

Эакъ.

Да, онъ быкомъ смотрѣлъ, потупясь низко.

Ксанөія.

А кто судьею?

Эакъ.

Въ томъ и былъ вопросъ.
Вѣдь мудрецовъ они [2]) нашли немного;
Къ Аөинянамъ не въ дружбѣ былъ Эсхилъ...

---

[1]) Когда сыновья аөинскихъ гражданъ заносились въ списки совершеннолѣтнихъ, за каждаго приносился въ жертву ягненокъ опредѣленнаго вѣса, и граждане кричали: «мало, мало!» если оказывался недовѣсъ.

[2]) Эсхилъ и Еврипидъ.

Ксанөія.

Да, многихъ, знать, за жуликовъ считалъ онъ.

Эакъ.

И пустяками онъ считалъ весь судъ
Надъ геніемъ поэтовъ. Поручили
Діонису судить, какъ знатоку
Въ искусствѣ. Но войдемъ: вѣдь если бары
Затѣютъ дѣло, попадетъ намъ слезъ.

(Уходятъ).

Хоръ.

Чуемъ мы, яростный гнѣвъ обуяетъ сейчасъ громовержца [1]),
Чуть онъ завидитъ, какъ зубъ болтливый точитъ соперникъ;
Въ дикомъ безумьѣ очами
Онъ поведетъ на того.
Будетъ рѣчей конегривыхъ шлемами блестящая сѣча,
Легкихъ колесъ изворотливость, тонкой отдѣлки работа [2]),
Лишь бы отбиться отъ мужа зиждителя мысли
И отъ рѣчей конемчащихъ.
Вздувши могучихъ кудрей на шеѣ косматую гриву,
Грозныя брови сведя, издастъ онъ съ рычаньемъ
Сбитыя мощно слова, отрывая съ досками
Ихъ земнороднымъ дыханьемъ [3]);
Послѣ творящій устами слова и наметанный, липкій
Станетъ крутиться языкъ и завистливо дергать уздою,
Рѣчь разсѣкая, мѣняя на мелочь
Подвигъ великій высокаго сердца.

(Входятъ Діонисъ, Эсхилъ, Еврипидъ).

Еврипидъ.

Не убѣждай! Не отступлюсь отъ трона!
Сильнѣй его, повѣрь, въ искусствѣ я!

---

[1]) Эсхила.

[2]) Первый стихъ характеризуетъ могучую силу Эсхила, слѣдующіе изворотливую и изысканную софистику Еврипида.

[3]) Какъ буря рветъ доски у кораблей.

Діонисъ.

Что ты молчишь, Эсхилъ? Его ты слышишь?

Еврипидъ.

Онъ покичится прежде, какъ и въ драмахъ
Всегда творилъ такія чудеса.

Діонисъ.

Другъ, говори не такъ высокомѣрно [1])!

Еврипидъ.

Его давно я знаю, раскусилъ
Поэта дикихъ своенравный голосъ,
Безуздыя, безвратыя уста
Съ надменно безграничною болтовнею.

Эсхилъ.

Взаправду, сынъ богини полевой?
Ты это мнѣ, словечекъ собиратель,
Ты, нищетворъ и рубища сшиватель [2])?
Не къ радости то молвишь!

Діонисъ.

Стой, Эсхилъ,
Не горячи ты сердца буйнымъ гнѣвомъ!

Эсхилъ.

Нѣтъ, я сперва изобличу его,
Творца хромыхъ, каковъ онъ самъ, сей дерзкій [3])!

Діонисъ.

Ягненка чернаго, рабы, несите!
Тифонъ, тифонъ готовится взойти [4])!

---

[1]) *μὴ μεγάλα λίαν λέγε*, собственно народное заклятіе отъ хвастовства, накликающаго бѣду, какъ теперь у грековъ *μὴ λὲς μεγάλο λόγο*, *Schmidt*, въ Neue Jahrb. f. klass. Alt. 1913, 8, 581.

[2]) Намекъ на мать Еврипида, торговку овощами. Въ трагедіяхъ Еврипида часто выступаютъ герои въ нищенскомъ видѣ.

[3]) Иногда герои Еврипида бываютъ и хромые.

[4]) Тифонъ, то есть буря, которой приносятъ въ умилостивленіе черной масти животныхъ.

Эсхилъ.

О критскія монодіи сбиравшій,
Нечистый бракъ принесшій въ пѣсни музъ [1])!

Діонисъ.

Повремени, Эсхилъ мой многочтимый!
А ты отъ града, бѣдный Еврипидъ,
Спѣши живѣй убраться, коль въ умѣ ты,
Чтобъ, крупнымъ словомъ по виску тебя
Хвативъ со зла, не вышибъ онъ Телефа [2])!
А ты не съ гнѣвомъ, другъ Эсхилъ, но мирно
Суди, судись! Ругаться не къ лицу
Поэтамъ, какъ калачницамъ на рынкѣ.
А ты сейчасъ, какъ хворостъ, вспыхнувъ, въ крикъ!

Еврипидъ.

Что до меня, готовъ, не отрекусь я
Кусать, кусаться первый, какъ онъ хочетъ,
Въ стихахъ моихъ и пѣсняхъ, нервахъ драмы,
Въ Пелеѣ, Зевсъ свидѣтель, и въ Эолѣ
И въ Мелеагрѣ съ Телефомъ моимъ [3]).

Діонисъ.

А ты скажи, Эсхилъ, что хочешь дѣлать?

Эсхилъ.

Не состязаться здѣсь бы я желалъ:
Неравенъ споръ у насъ.

Діонисъ.

Но почему же?

Эсхилъ.

Не умерла поэзія со мной,

---

[1]) Монодія—скорбная пѣсня. О «нечистомъ бракѣ» срв. ниже
[2]) Не сохранившаяся трагедія Еврипида.
[3]) Все заглавія не сохранившихся трагедій того же поэта.

Съ нимъ умерла, какъ выразиться можно.
Но коли ты рѣшилъ, покоренъ я.

Діонисъ.

Несите же мнѣ ладонъ и огонь,
Чтобъ помолиться мнѣ на подвигъ мудрый
И музыкально важный споръ рѣшить!
А вы пока пропойте пѣсню Музамъ!

Хоръ.

Девять Зевесовыхъ дѣвственницъ чистыхъ,
Музы, вы зрите разумныя, тонкословесныя мысли
Мысли кующихъ поэтовъ, когда въ состязанье выходятъ,
Тонко, продуманно, мѣтко ударомъ ударъ отражая.
Музы, сойдите пособницы,
Грозную силу пошлите устамъ,
Рѣчь отражающимъ рѣчью!
Спору великому мудрости вотъ ужъ подходитъ начало.

Діонисъ.

И вы молитесь, прежде чѣмъ начать!

Эсхилъ.

Деметра, мысль вскормившая мою,
Дай мнѣ предстать твоихъ достойнымъ таинствъ!

Діонисъ.

И ты свой ладонъ возложи!

Еврипидъ.

Иду,
Но не такимъ богамъ молиться буду.

Діонисъ.

Что жъ? Собственнымъ, чеканки новой?

Еврипидъ.

Такъ.

Діонисъ.

Иди жъ, молись своимъ богамъ по свойски!

Еврипидъ.

Эѳиръ, мое питанье, бѣглость рѣчи
И разумъ мой и тонкій, чуткій нюхъ,
Дай точно рѣчь судить, какой коснусь я!

Хоръ.

Ужъ и насъ беретъ охота
Мудрецовъ услышать рѣчи
Гармоническія. Въ бой!
И языкъ остеръ обоихъ,
Не бездерзостно стремленье,
Не недвижно дремлетъ мысль.
Ожидать мы можемъ смѣло,
Что одинъ претонко скажетъ
Преобточенную рѣчь,
А другой сорветъ съ стволами
Древо слова,
Нападетъ и всѣхъ разсѣетъ, —
Только пыль пойдетъ столбомъ.
Такъ говорите жъ поскорѣй, и такъ вы говорите
Съ умомъ, чтобъ образы одинъ не повторялъ другого!

Еврипидъ.

Я о себѣ самомъ, каковъ въ поэзіи своей я,
Скажу подъ самый подъ конецъ, его изобличивши,
Каковъ онъ былъ хвастунъ, болтунъ, какимъ театръ коварствомъ
Онъ надувалъ, глупцовъ принявъ, на Фринихѣ вскормленныхъ [1]).
Первѣй всего онъ одного, покрывъ, сажалъ героя,
Ахилла тамъ, Ніобу-ли, лица не открывая,
Чтобъ видъ трагедіи хранить, не молвивъ ни вотъ столько [2]).

---

[1]) Фринихъ—одинъ изъ предшественниковъ Эсхила по трагической сценѣ.

[2]) Намекъ на Эсхиловыхъ «Фригійцевъ» или на «Выкупъ Гектора», гдѣ молча сидѣлъ на сценѣ Ахиллъ, тоскуя по убитомъ другѣ, а также на Ніобу.

Діонисъ.

И правда, видитъ Зевсъ!

Еврипидъ.

А хоръ валилъ неутомимо
Четыре груды безъ конца стиховъ; а тѣ молчали.

Діонисъ.

И былъ я радъ молчанью ихъ и тѣшился не меньше,
Чѣмъ новой драмы болтовней.

Еврипидъ.

Ты былъ глупецъ, не больше,
Повѣрь!

Діонисъ.

И мнѣ сдается такъ. Зачѣмъ же такъ онъ дѣлалъ?

Еврипидъ.

Изъ хвастовства, чтобъ зрители сидѣли въ ожиданьѣ,
Когда Ніоба проречетъ, а драма бъ проходила.

Діонисъ.

Ахъ онъ, обманщикъ, вотъ вѣдь какъ меня поднадувалъ онъ!
(Эсхилу)
Что корчишься и сердишься?

Еврипидъ.

Вѣдь онъ изобличенъ мной.
Потомъ, когда вотъ эдакъ все онъ выболтаетъ, драма жъ
Ужъ въ серединѣ, дюжину пускалъ онъ словъ бычачьихъ,
Нахмуренныхъ, съ султанами, чудовищъ грозныхъ съ виду,
Невѣдомыхъ и зрителю.

Эсхилъ.

О горе мнѣ!

Діонисъ.

Молчи-же!

Еврипидъ.

И слова ясно не сказалъ.

Діонисъ (Эсхилу).

Не скрежещи зубами!

Еврипидъ,

Все про Скамандры да про рвы да на щитѣ сѣдящихъ [1])
Грифоорловъ закованныхъ, все конескальны рѣчи,
Какія въ толкъ претрудно взять.

Діонисъ.

Клянусь богами, самъ я,
Бывало, ночью долгою безсонницей томился,
Гадая, что за птица твой конепѣтухъ златистый.

Эсхилъ.

На корабляхъ писали знакъ такой, невѣжда круглый!

Діонисъ.

А я за Ерикса считалъ, за сына Филоксена [2]).

Еврипидъ.

И развѣ можно пѣтуху въ трагедіяхъ являться?

Эсхилъ.

А ты, негодный, врагъ боговъ, ты самъ то что тамъ дѣлалъ?

Еврипидъ.

Да ужъ не коней-пѣтуховъ твоихъ, не козоланей,
Какихъ индійцы на своихъ рисуютъ покрывалахъ,
Но, какъ искусство отъ тебя я принялъ, первымъ дѣломъ
Ему, надутому брехней и тяжкими словами,
Убавилъ жиру я сперва и вѣсу сократилъ же

[1]) Скамандръ—рѣка въ Троѣ.

[2]) Диковинный конь-пѣтухъ упомянутъ былъ Эсхиломъ въ «Мирмидонянахъ». Ериксъ, видимо, смахивалъ наружностью на странную птицу.

Словечками, прогулками и травною настойкой,
Давая сокъ пресладкихъ словъ изъ книжекъ позабытыхъ;
Потомъ монодіей кормилъ, смѣшавъ съ Кефисофонтомъ [1]).
Я, что придется, не болталъ, вторгаясь, все не путалъ,
Но первый вышедшій актеръ разсказывалъ сначала
Родъ драмы [2]).

Діонисъ.

И клянусь, онъ былъ поэтова знатнѣе [3]).

Еврипидъ.

Потомъ отъ первыхъ словъ никто не оставался празднымъ,
Но говорила женщина и рабъ такъ точно въ драмѣ,
И господинъ, и дѣвушка, и старица.

Эсхилъ.

Такъ развѣ,
Дерзнувъ на это, смерти ты не подлежалъ?

Еврипидъ.

Клянуся
Богами, демократически я дѣйствовалъ.

Діонисъ.

Оставь ужъ!
Ужъ эта шибко у тебя не удалась дорожка!

Еврипидъ.

Потомъ болтать я научилъ ихъ всѣхъ.

Эсхилъ.

Вотъ это правда,
По лучше бъ наполы тебѣ до обученья лопнуть!

Еврипидъ.

Училъ введенью тонкихъ мѣръ, стиховъ извивамъ ловкимъ,

[1]) Рабъ Еврипида, якобы помогавшій господину писать трагедіи.

[2]) Относится къ прологамъ, всегда начинающимъ трагедію Еврипида.

[3]) Намекъ на скромное происхожденіе поэта.

Смекать, глядѣть и разумѣть, обманывать, влюбляться,
Подозрѣвать, предупреждать повсюду.

Эсхилъ.

Это правда.

Еврипидъ.

Дѣла домашнія вводя, чѣмъ мы живемъ, съ чѣмъ свыклись,
Чѣмъ провѣрять могли меня; и зритель съ пониманьемъ
Мнѣ могъ искусство обличить. Но я не величался,
Отъ здравой мысли отводя, не устрашалъ ихъ видомъ
Ни Кикновъ, ни Мемноновъ я, тѣхъ звонко-сбруйноконныхъ [1].
И вотъ сравни учениковъ моихъ ты и Эсхила:
Его Формисій ученикъ и Мегенетъ и Манисъ,
Тѣ трубо-копье-брадые, смѣшные дуболомы [2],
Мои-жъ, ты знаешь, Клитофонъ и Ѳераменъ изящный [3].

Діонисъ.

А, Ѳераменъ? Разумный мужъ и мастеръ на всѣ руки:
Когда и попадетъ въ бѣду, и близко-близко гибель,
Вдругъ извернется и спасенъ! Кеосецъ, не Хіосецъ [4])!

Еврипидъ.

Вотъ эту то смекалку я
Вложилъ въ своихъ учениковъ,
Вводя въ искусство мысли строй
И разсужденье, такъ чтобъ могъ
Онъ все сыскать и все прозрѣть

---

[1]) Герои Гомеровскаго преданія въ драмахъ Эсхила.

[2]) Кажется, такая же насмѣшка надъ тяжкимъ языкомъ послѣдователей Эсхила, какъ стихи Тургенева о Кетчерѣ: «Перепёръ онъ намъ Шекспира на языкъ родныхъ осинъ».

[3]) Клитофонъ—товарищъ Платона.

[4]) Островъ Кеосъ—родина Ѳерамена, упомянутаго раньше оборотливаго политика.

Въ дѣлахъ житейскихъ, чтобы домъ
Вели получше, чѣмъ до насъ,
И чтобъ смотрѣли, какъ дѣла?
Гдѣ *то* у насъ? Кто *это* взялъ?

Діонисъ

Клянусь богами, воротясь
Домой, аѳинянинъ любой
Теперь зѣваетъ на рабовъ:
Сыщите, гдѣ у насъ горшокъ!
Эй, кто головку обглодалъ
У рыбы? Вишь, совсѣмъ пропалъ
Намедни купленный горшокъ!
А гдѣ вчерашній мой чеснокъ?
И кто оливку закусилъ?
А прежде—прямо дурачье,
Разини, мамины сынки,
Медовичи сидѣли [1])!

Хоръ.

Это видишь-ли ты, о блестящій Ахиллъ [2])?
Что же скажешь ты на это?
Но смотри, чтобъ гнѣвъ тебя
Не унесъ за грань оливъ [3])!
Страшны были обвиненья.
Берегись же, благородный,
Не во гнѣвѣ возражай,
Но сложивъ свой парусъ, мало
Только пользуйся сначала,
А потомъ сильнѣй, сильнѣй,
Наблюдая,
Какъ бы вѣтеръ и безбурный
И спокойный уловить!

---

[1]) Объясненіе послѣднихъ терминовъ въ нашемъ «Опытѣ изученія народной рѣчи въ комедіи Аристофана», Казань, 1913.

[2]) Стихъ Эсхила изъ трагедіи «Мирмидоняне».

[3]) Во время конскаго состязанія граница бѣга обозначалась насаженными оливами.

Но, первый поэтъ изъ еллиновъ всѣхъ взгромоздившій священныя рѣчи
И украсившій трагическій слогъ, смѣлѣй изливайся потокомъ!

Эсхилъ.

Удрученъ я, друзья, состязаньемъ такимъ, и сердце мое негодуетъ,
Что ему возражать приходится мнѣ; но чтобъ онъ не сказалъ, что слабѣй я,
Отвѣтствуй мнѣ, чему надлежитъ дивиться въ великомъ поэтѣ?

Еврипидъ.

Наставленіямъ и разсудку его, и тому, что мы дѣлаемъ лучше
Людей въ городахъ.

Эсхилъ.

И стало, когда не сумѣлъ ты этого сдѣлать
Но изъ добрыхъ душой, благородныхъ людей негодяевъ надѣлалъ великихъ,
Что достоинъ ты потерпѣть? Говори!

Діонисъ.

Умереть! И не спрашивай больше!

Эсхилъ.

Посмотри же теперь, какими онъ ихъ отъ меня принималъ по началу,
Благородныхъ людей, четырехъ въ ростъ локтей, не бѣжавшихъ гражданскаго долга,
Не базарныхъ зѣвакъ, не позорныхъ плутовъ, какъ сейчасъ, не коварныхъ злодѣевъ,
Но дышавшихъ однимъ, и копьемъ и щитомъ, бѣлогривымъ шлемомъ дышавшихъ,
И кольчугами, и поножами, и семиволовой отвагой [1])

[1]) Отвагой воина со щитомъ изъ семи воловьихъ шкуръ.

Еврипидъ.

Ну, вотъ-вотъ ужъ идетъ эта страсть на меня: онъ меня заколотитъ шлемами!
А ты-то что дѣлалъ, что ихъ до того обучилъ своему благородству?

Діонисъ.

Отвѣчай же, Эсхилъ, и, отвагой своей надмеваясь, не гнѣвайся столько!

Эсхилъ.

Аресомъ я полную драму создалъ.

Діонисъ.

Какую?

Эсхилъ.

А Семь то на Ѳивы!
Повидавши ее, не одинъ гражданинъ загорался въ сраженіи биться.

Діонисъ.

Вотъ это и худо ты сдѣлалъ, поэтъ: вдохновилъ ты драмой ѳиванцевъ
Съ превеликой отвагой идти на войну; за это тебя и колотятъ.

Эсхилъ.

Но и вы бы могли упражняться въ бояхъ, но вы не на то обратились.
А послѣ я Персовъ поставилъ и въ нихъ училъ, чтобъ горѣли желаньемъ
Всегда побѣждать супротивныхъ враговъ, создавши прекрасную драму.

Діонисъ.

Какъ я радъ былъ тогда, когда услыхалъ со сцены о Даріи мертвомъ,

А хоръ сейчасъ, руками вотъ такъ всплеснувъ, воскликнулъ: увы намъ [1])!

Эсхилъ.

Вотъ въ чемъ долженъ поэтъ упражняться всегда! Обрати вниманье сначала,
Какъ полезны бывали вездѣ и всегда благородные людямъ поэты:
Совершеніе таинствъ открылъ намъ Орфей, воздержанью отъ крови училъ онъ,
А Музей исцѣленью недуговъ лихихъ и пророчествамъ, Гесіодъ-же [2])
Обработкѣ земли и срокамъ плодовъ и пашнѣ; Гомеръ богоравный,
Чѣмъ инымъ получилъ онъ и славу и честь, какъ не тѣмъ, что добру поучалъ онъ:
Строю, доблести, вооруженью бойцовъ.

Діонисъ.

И все жъ не сумѣлъ онъ Пантакла
Научить дурака: тотъ намедни, когда участвовалъ въ шествіи конномъ,
Подвязавши на голову шлемъ напередъ, султанъ свой навязывать вздумалъ.

Эсхилъ.

Но онъ многихъ другихъ научилъ храбрецовъ, и межъ ними героя Ламаха [3]);
Отъ него-то моя напитавшися, мысль создала добродѣтелей столько:
Патрокловъ, Тевкровъ—львиныхъ сердецъ, чтобы тѣмъ побудить гражданина

[1]) Въ «Персахъ» Эсхила на сценѣ появлялась изъ гроба тѣнь покойнаго царя Дарія, какъ у Шекспира тѣнь отца Гамлета. Хоръ оплакивалъ пораженіе Персовъ при Саламинѣ.

[2]) Орфей и Музей поэты еще миѳической Греціи.

[3]) Современный поэту полководецъ, не вездѣ у Аристофана находившій слова признанія; ср. карикатуру на Ламаха въ «Ахарнянахъ».

Всею силой тянуться за ними вослѣдъ, какъ только трубу онъ услышитъ.
Но, свидѣтель Зевесъ, я Федръ не творилъ блудницъ съ Сѳенебоями злыми [1]),
И не знаетъ никто, ни какую, ни гдѣ я влюбленную женщину вывелъ.

Еврипидъ.

Видитъ Зевсъ, у тебя Афродиты самой не бывало.

Эсхилъ.

Такъ пусть и не будетъ!
Но за то на тебя и на всѣхъ на твоихъ нападала и много и бурно,
И тебѣ самому въ ухо разъ задала.

Діонисъ.

Видитъ Зевсъ, это точная правда!
Надъ чужими что женами самъ ты творилъ, самого тебя то же постигло [2]).

Еврипидъ.

А чѣмъ вредны, жестокій старикъ, Аѳинамъ мои Сѳенебои?

Эсхилъ.

А тѣмъ, что супругъ благородныхъ мужей благородныхъ увѣрилъ ты ими
Выпить яда, душой устыдясь отъ твоихъ отъ Беллерофонтовъ прекрасныхъ.

Еврипидъ.

Но скажи, развѣ самъ я сказанье сложилъ небывалое это про Федру?

[1]) Федра—влюбившаяся въ пасынка героиня Еврипидова «Ипполита». Сѳенебоя—выведенная въ несохранившейся трагедіи Еврипида-же, влюбляется въ Беллерофонта, не встрѣтивъ взаимности, клевещетъ на него передъ мужемъ, и когда Беллерофонтъ оказывается невиннымъ, отравляется.

[2]) Намекъ на близкія отношенія къ женѣ Еврипида раба и, по преданію, литературнаго сотрудника поэта, Кефисофонта.

Эсхилъ.

Видитъ Зевсъ, это было, но надо таить нехорошее добрымъ поэтамъ,
Не на сцену вводить и людей не учить, потому что, какъ малымъ ребятамъ
Есть учитель и ихъ наставляетъ на умъ, такъ взрослымъ людямъ поэты.
Только чистое, доброе славитъ поэтъ.

Еврипидъ.

Такъ когда ты поешь Ликабетты [1]),
Да Парнассы безмѣрно великіе намъ, это, значитъ, ты доброму учишь?
Когда долженъ бы ты говорить по людски!

Эсхилъ.

Но, несчастный, вѣдь такъ неизбѣжно,
Чтобъ для мысли великой, для думы большой создавались и равныя рѣчи.
Вѣдь и такъ обязательно полубогамъ говорить величавѣй по слогу,
И одежды сравнительно съ нами на нихъ гораздо богаче одѣты.
Это все хорошо показалъ я, а ты осквернилъ все.

Еврипидъ.

Но что же я сдѣлалъ?

Эсхилъ.

То, что прежде всего ты въ лохмотья одѣлъ царей, чтобъ жалкими съ виду
На глазахъ у людей появлялись они.

Еврипидъ.

А что жъ я тѣмъ сдѣлалъ худого?

---

[1]) Ликабеттъ—гора въ Аѳинахъ насупротивъ Пникса.

Эсхилъ.

Ужъ не хочетъ никто въ тріерархи идти изъ богатыхъ по этой причинѣ [1]),
Но въ лохмотья одѣвшися, въ голосъ реветъ, причитая: несчастный я, нищій!

Діонисъ.

Такъ, клянуся Деметрой, рубахой внизу щеголяя изъ шерсти изъ тонкой,
И едва онъ замылитъ рѣчами глаза, выплываетъ у рыбнаго ряда [2]).

Эсхилъ.

И потомъ въ болтовнѣ упражняться пустой, въ празднословіи всѣхъ обучилъ ты;
Опустѣли палестры [3]) съ твоей болтовни, и зады съ болтовни пообтерлись
У болтливыхъ мальчишекъ, твоя болтовня поморянъ [4]) ужъ давно научила
Говорить поперекъ предержащимъ властямъ. А тогда то, какъ жилъ я на свѣтѣ,
Эти люди умѣли одно: говорить про жратво, да дубинушку ухнуть.

Діонисъ.

Такъ, клянусь Аполлономъ, да вѣтеръ пустить прямо въ рыло сосѣду по лодкѣ [5]),
Да обгадить его же за сытнымъ столомъ, да по берегу грабить прохожихъ.
А теперь знай все спорятъ и такъ не гребутъ проворно туда и обратно.

---

[1]) Снаряженіе военнаго флота раскладывалось, какъ общественная повинность, на зажиточные классы.

[2]) То есть около дорогого товара.

[3]) Т. е. гимнастическія заведенія.

[4]) Въ приморскихъ кварталахъ жили моряки, лодочники, рыбаки.

[5]) Скамьи для гребцовъ устраивались ярусами, одна выше другой.

Эсхилъ.

Вотъ за сколько онъ бѣдъ дать обязанъ отвѣтъ!
Онъ и своденъ на сценѣ показывалъ намъ,
И дѣвъ, родившихъ подъ кровомъ святымъ,
И дѣвъ, блудившихъ хоть съ братомъ роднымъ,
И дѣвъ, твердившихъ, что жизнь не въ жизнь;
Вотъ отъ драмы какой нашъ городъ родной
Этихъ низкихъ писакъ полонъ весь до краевъ,
И у храма зѣвакъ, и народныхъ кривлякъ,
Надувающихъ вѣчно несчастный народъ;
А лампады никто не сумѣетъ нести
За забвеньемъ гимнасія нынче [1]).

Діонисъ.

Видитъ Зевсъ, не сумѣетъ! Я самъ весь изсохъ
На Панаѳинеяхъ [2]) отъ смѣха, когда
Человѣчекъ одинъ, весь согнувшись, бѣжалъ,
То-то бѣлый да жирный, да какъ поотсталъ,
А старался-то какъ! И потомъ въ воротахъ
Гончары шасть за нимъ и давай колотить
И въ животъ, и въ бока, и подъ ребра, и въ задъ,
А ужъ тотъ-то, подъ градомъ ударовъ плашмя
Только вѣтеръ пускалъ
И съ лампадою дралъ, отдуваясь.

Хоръ.

Дѣло великое, споръ не малый, преотважная война!
Трудно дѣло разсудить намъ:
Такъ одинъ напалъ всей силой,
А другой увертливъ больно и отбиться не дуракъ.
Не топчитесь же на мѣстѣ.
Есть еще другихъ не мало хитрыхъ выпадовъ въ борьбѣ.
Что имѣете оспорить,
Говорите, нападайте
И въ старинку, и въ новинку,
И рискните поумнѣе да потоньше говорить!

---

[1]) Т. е. за отсутствіемъ гимнастическихъ упражненій.
[2]) Праздникъ въ Аѳинахъ, соединенный съ факельнымъ бѣгомъ.

А когда еще боитесь, какъ бы не было невѣждъ
Тамъ, у зрителей, да какъ бы
Тонкость рѣчи взяли въ толкъ,—
Полно жъ, этого не трусьте! Не такія времена!
Все бывалые вояки,
Каждый съ книжкою подъ мышкой, каждый опытный судья.
Ихъ и такъ сильна порода,
И еще понавострились.
Такъ не трусьте же, смѣлѣе
Все пускайте въ ходъ! Вѣдь зритель—преразумный весь народъ.

Еврипидъ.

Такъ вотъ къ твоимъ я прологамъ отправлюсь,
Чтобъ первую трагедіи ту часть
Первѣй всего, какъ надобно, повѣрить.
Темна она при изложеньѣ дѣлъ.

Діонисъ.

Какой же ты провѣришь?

Еврипидъ.

Очень много;
И первый изъ Орестіи скажи!

Діонисъ.

Безмолствуйте-же, всѣ! Эсхилъ, скажи намъ!

Эсхилъ.

Гермесъ подземный, стражъ отцовской власти,
Молю, спаситель будь мнѣ и соратникъ!
Иду въ страну сію и возвращаюсь.
Что тутъ похаешь?

Еврипидъ.

Больше дюжины!

Эсхилъ.

Да тутъ всего-то на все три стиха!

Еврипидъ.

Но въ каждомъ есть по двадцати ошибокъ.

Эсхилъ.

Смотри! Что брешешь?

Еврипидъ.

Даже и не думалъ!

Діонисъ.

Эсхилъ, прошу молчать; а если нѣтъ,
Сверхъ ямбовъ трехъ окажешься ты долженъ.

Эсхилъ.

Молчать? Предъ нимъ?

Діонисъ.

Когда ты мнѣ послушенъ!

Еврипидъ.

Чуть началъ—и навралъ онъ до небесъ.

Эсхилъ.

Въ чемъ я навралъ?

Еврипидъ.

Скажи еще съ начала!

Эсхилъ.

Гермесъ подземный, стражъ отцовской власти!

Еврипидъ.

Вѣдь такъ Орестъ на гробѣ говоритъ
Умершаго отца [1])?

Эсхилъ.

Не спорю, правда.

---

[1]) Агамемнона, убитаго женой Клитемнестрой.

Еврипидъ.

Такъ какъ же онъ Гермеса,—разъ отецъ
Погибъ насильемъ, отъ руки жены
Коварнымъ ковомъ,—назвалъ стражемъ власти?

Эсхилъ.

Онъ не того, онъ Еріунія
Гермесомъ звалъ подземнымъ, это ясно:
Отцовская ему досталась власть [1]).

Еврипидъ.

Еще совралъ ты пуще, чѣмъ я думалъ
Когда отцовскимъ былъ подземный тронъ...

Діонисъ.

Онъ, стало, былъ отцу гробокопатель.

Эсхилъ.

Не сладкое вино ты пьешь, Діонисъ [2])!

Діонисъ (Эсхилу).

Скажи другой! (Еврипиду) А ты ищи грѣшки!

Эсхилъ.

Молю, спаситель будь мнѣ и соратникъ!
Иду въ страну сію и возвращаюсь.

Еврипидъ.

Два раза то жъ Эсхилъ сказалъ намъ мудрый.

Діонисъ.

Какъ два раза?

Еврипидъ.

Гляди, а я скажу.

---

[1]) Эсхилъ разумѣетъ, что Орестъ обращается не къ Гермесу, покровителю коварства, а къ Гермесу, царю подземнаго міра.
[2]) То есть острищь, но неудачно.

Иду, онъ говоритъ, и возвращаюсь.
Иду жъ и возвращаюсь—все одно.

Діонисъ.

Такъ, видитъ Зевсъ, какъ если бы сказать:
Сосѣдъ, подай мотыку либо тяпку!

Эсхилъ.

Но это есть, болтливый пустозвонъ,
Не все одно, а стихъ наипрекрасный.

Діонисъ.

Какъ? Объясни мнѣ, что ты говоришь!

Эсхилъ.

Идетъ въ страну, кто родину имѣетъ,
И мимо всякой онъ бѣды пришелъ,
Бѣжавшій же приходитъ, возвращаясь.

Діонисъ.

А, браво, видитъ Фебъ! (Еврипиду) А ты что скажешь?

Еврипидъ.

Скажу, Орестъ домой не возвращался,
Тайкомъ пришелъ, ослушавшись царя.

Діонисъ.

Гермесъ свидѣтель, славно, но безъ смысла!

Еврипидъ.

Ну, дальше говори!

Діонисъ.

Ступай же дальше,
Эсхилъ! (Еврипиду) А ты ошибки замѣчай!

Эсхилъ.

На гробовомъ холмѣ отца зову я
Услышать, внять.

Еврипидъ.

Опять одно и тожъ:
Услышать, внять—одно и тоже ясно.

Діонисъ.

Онъ мертвымъ говоритъ, завистникъ ты,—
А ихъ и трижды намъ не докричаться.

Эсхилъ.

А ты какъ дѣлалъ прологи?

Еврипидъ.

Скажу;
И коль одно скажу я дважды, либо
И слогъ одинъ безъ смысла, хоть оплюй!

Діонисъ.

Такъ говори! Послушать надо, надо
Твоихъ прологовъ правильность въ словахъ.

Еврипидъ.

Сперва Эдипъ счастливымъ мужемъ былъ...

Эсхилъ.

Клянуся Зевсомъ, нѣтъ: несчастнымъ сроду;
Онъ прежде чѣмъ родился, Аполлонъ
Предрекъ, что онъ убьетъ отца,—такъ гдѣ-жъ
Сперва онъ былъ счастливымъ человѣкомъ?

Еврипидъ.

Потомъ онъ сталъ несчастнѣйшимъ изъ смертныхъ.

Эсхилъ.

Клянуся Зевсомъ, нѣтъ, всегда имъ былъ,
И какъ? Его, едва лишь онъ родился,
Зимою лютой бросили въ горшкѣ [1]),
Чтобъ, выросши, не сталъ отцеубійцей;
Потомъ хромой онъ ковылялъ къ Полибу [2]);
Потомъ старуху взялъ, самъ молодой,

---

[1]) Такъ бросали подкидышей въ старыхъ Аѳинахъ.

[2]) Воспитатель и пріемный отецъ Эдипа. Послѣднему пробили ноги, чтобы онъ скорѣе погибъ.

Къ тому же мать свою онъ взялъ родную;
Потомъ самъ ослѣпилъ себя.

Діонисъ.

Вотъ счастье,
Когда бъ пошелъ съ Ерасинидомъ въ бой [1])!

Еврипидъ.

Все брешешь: славно прологи пишу я.

Эсхилъ.

Свидѣтель Зевсъ, не по словцу щипать
Я стану фразу каждую: съ богами
Кувшинчикомъ всѣ прологи побью!

Еврипидъ.

Кувшинчикомъ мои?

Эсхилъ.

Однимъ—единымъ!
Ты пишешь такъ, что все тамъ подойдетъ,—
Хоть шкурка, хоть кувшинчикъ, хоть мѣшочекъ,
Въ твой дивный стихъ. Сейчасъ я докажу.

Еврипидъ.

Докажешь? Ты?

Эсхилъ.

Навѣрно.

Діонисъ.

Говори-же!

Еврипидъ.

Египетъ [2]), какъ вездѣ разнесся слухъ,
Съ полсотней сыновей на кораблѣ
Приставъ въ Аргосъ...

---

[1]) Одинъ изъ шести, присужденныхъ къ смерти за несчастный бой при Аргинусахъ.
[2]) Не страна, но герой одной изъ трагедій Еврипида.

Эсхилъ.

Кувшинчикъ потерялъ.

Еврипидъ.

Что за кувшинчикъ это? Чтобы взвылъ онъ!

Діонисъ.

Скажи другой намъ прологъ! Пусть онъ судитъ!

Еврипидъ.

Діонисъ съ тирсами и шкурой лося
Одѣтъ, при факелахъ въ скалахъ Парнасса
Ведущій хоръ....

Эсхилъ.

Кувшинчикъ потерялъ.

Діонисъ.

Охъ, мы опять ушиблись о кувшинчикъ!

Еврипидъ.

Э, ничего не будетъ! Вотъ ужъ въ этотъ
Мой прологъ онъ кувшинчика не всунетъ.
Нѣтъ никого счастливаго во всемъ:
Кто благородный пищи не находитъ,
Безродный тотъ....

Эсхилъ.

Кувшинчикъ потерялъ.

Діонисъ.

Другъ Еврипидъ!

Еврипидъ.

Ну, что?

Діонисъ.

Спусти-ка парусъ!
Кувшинчикъ этотъ бурею грозитъ.

Еврипидъ.

Клянусь Деметрой, даже не помыслю!
Сейчасъ я самъ кувшинчикъ тотъ побью.

Діонисъ.

Ну, говори, да берегись кувшина!

Еврипидъ.

Сидонскій замокъ древле Кадмъ покинувъ
Агеноридъ...

Эсхилъ.

Кувшинчикъ потерялъ.

Діонисъ.

Бѣдняга, откупи кувшинчикъ этотъ,
Чтобъ не побилъ онъ прологовъ у насъ!

Еврипидъ.

Мнѣ? У него купить?

Діонисъ.

Коль мнѣ послушенъ!

Еврипидъ.

О нѣтъ, еще есть прологъ не одинъ,
Куда ужъ онъ кувшинчика не всунетъ.
Пелопсъ Танталовъ, на коняхъ до Пизы
Домчавшися...

Эсхилъ.

Кувшинчикъ потерялъ.

Діонисъ.

Гляди, опять онъ прилѣпилъ кувшинчикъ!
Но, добрый мой, живѣе откупайся:
По грошу распрекрасныхъ ты найдешь!

Еврипидъ.

Нѣтъ, видитъ Зевсъ, еще въ запасѣ много!
Эней съ земли...

Эсхилъ.

Кувшинчикъ потерялъ.

Еврипидъ.

Да дай сперва хоть стихъ сказать мнѣ цѣлый!
Эней, съ земли обильную снявъ жатву,
Молясь богамъ...

Эсхилъ.

Кувшинчикъ потерялъ.

Діонисъ.

Какъ такъ? Молясь? Да кто жъ его подтибрилъ?

Еврипидъ (Діонису).

Оставь его! Пусть онъ на это скажетъ!
Зевесъ, какъ было правдою открыто...

Діонисъ.

Стой! Скажетъ онъ: кувшинчикъ потерялъ.
Кувшинчикъ этотъ къ прологамъ твоимъ
Присталъ точь точь, какъ ячмени на глазѣ...
Къ его ты хорамъ лучше обратись!

Еврипидъ.

Легко я докажу, что онъ худой
Лирическій поэтъ и монотонный.

Хоръ.

Что же теперь онъ подѣлаетъ?
Крѣпко готовъ я задуматься,
Что за упрекъ онъ воздвигнетъ
Мужу, такъ много и самыя
Чудныя пѣсни создавшему
Изъ настоящихъ поэтовъ?
Право, дивлюся я, какъ-же такъ
Этого вдругъ обличитъ онъ
Полнаго Вакхомъ поэта,
И трепещу за него я.

Еврипидъ.

О, точно, дивны пѣсни, вотъ увидишь:
Въ одну я всѣ тѣ пѣсни сокращу.

Діонисъ.

А я считать, камней набравши, стану.

Еврипидъ.

Ахиллъ Фтіотскій, что, мужебранной ты внемля,
Ой-ой, тревогѣ, не поспѣшаешь на помощь [1])?
Предка Гермеса мы чтимъ, Стимфалійскаго озера дѣти.
Ой-ой, тревогѣ что не спѣшишь ты на помощь?

Діонисъ.

Вотъ и двѣ тревоги, Эсхилъ, за тобой!

Еврипидъ.

Славный Ахеецъ, вонми, многоцарственный отрокъ Атрея!
Ой-ой, тревогѣ что не спѣшишь ты на помощь?

Діонисъ.

И третья тревога, Эсхилъ, за тобой!

Еврипидъ.

Тише! Чертогъ Артемиды вотъ - вотъ отверзаютъ ужъ жрицы.
Ой-ой, тревогѣ что не спѣшишь ты на помощь?
Властенъ я всю огласить подходящую грозную силу.
Ой-ой, тревогѣ что не спѣшишь ты на помощь?

Діонисъ.

О царь Зевесъ, тревогъ какая гибель!
Сказать по правдѣ, въ баню я хочу:
Отъ тѣхъ тревогъ мнѣ печень нарываетъ.

[1]) Эти стихи стояли въ «Мирмидонянахъ» Эсхила, гдѣ посланные Агамемнона умоляли Ахилла помочь греческому войску. Остальныя «тревоги» Еврипидъ произвольно лѣпитъ къ отдѣльнымъ стихамъ изъ другихъ драмъ, желая показать монотонность Эсхила.

Еврипидъ.

Нѣтъ, прежде новый ты послушай строй,
Сработанный изъ номовъ подъ киѳару [1])!

Діонисъ.

Валяй живѣй, но только безъ „тревогъ“!

Еврипидъ.

Какъ Ахеянъ двутронная власть [2]), всей Еллинской силы....
(Тра-та-та-та, тра-та-та-та).
Сфинкса, несчастливыхъ дней подателя пса посылаетъ...
(Тра-та-та-та, тра-та-та-та).
И съ копьемъ и съ дланью мстительной бурная птица...
(Тра-та-та-та, тра-та-та-та).
Хищнымъ отдавши во власть собакамъ, блуждающимъ въ небѣ...
(Тра-та-та-та, тра-та та та).
Сгрудились ряды надъ Аяксомъ....
(Тра-та-та-та, тра-та-та-та [3]).

Діонисъ.

Что за тра̀-та-та такое? Съ Мараѳона-ль,
Откуда взялъ канатчика ты пѣснь?

Эсхилъ.

Я изъ прекраснаго въ прекрасное
Ихъ перенесъ, чтобъ не одинъ святой
Лугъ Музъ топтать мнѣ съ Фринихомъ поэтомъ.
А этотъ ото всѣхъ приноситъ дѣвокъ,
Отъ флейтъ Карійскихъ, сколіевъ Мелита [4]),

[1]) Номомъ назывался особый родъ пѣсни, исполнявшійся подъ аккомпаниментъ киѳары.

[2]) То есть два брата, Агамемнонъ и Менелай.

[3]) Изъ отдѣльныхъ стиховъ, тамъ и сямъ выхваченныхъ изъ разныхъ пьесъ Эсхила, Еврипидъ намѣренно даетъ мозаику отрывковъ изъ громкихъ словъ безъ опредѣленнаго, послѣдовательнаго содержанія.

[4]) Карійская флейта, инструментъ азіатскихъ варваровъ, отличалась рѣзкой визгливостью. Мелитъ—поэтъ застольныхъ пѣсенокъ, сколіевъ.

Изъ плачей, плясокъ. Докажу сейчасъ.
Несите лиру! Но зачѣмъ же мнѣ
На это лиру? Гдѣ ты, черепаха
Гремучая [1])? Къ намъ, Муза Еврипида!
Подъ твой подъ гулъ такую пѣсню пѣть!

Діонисъ.

Ужъ эта Муза не грѣшила, нѣтъ,
Лесбійскою любовью!

Эсхилъ.

Вы, алкіоны, у моря вѣчно живого
Быстро съ волнами болтаете,
Орошая прозрачными
Каплями крылья и тѣло.
Вы въ уголкахъ подъ крышей
Вей-вей-вей-вей-вей-вейте, пауки [2]),
Ткани свои протяжныя,
Прялки пѣвучей заботу,
Гдѣ флейтолюбивый вскакивалъ
Дельфинъ на корму темноносую,
Неся святыя пророчества....
Лоза, краса виноградника,
Гроздами скорби цѣлящая....
Окружи, дитя, объятьями!
Стопу ты видишь эту?

Діонисъ.

Вижу [3]).

Эсхилъ.

А эту видишь?

Діонисъ.

Вижу.

---

[1]) Разумѣется незатѣйливый инструментъ вродѣ тарелокъ, изготовленный изъ черепаховой кости.

[2]) Эсхилъ смѣется надъ метрикой Еврипида, разрѣшающей стихъ въ рядъ краткихъ слоговъ.

[3]) Указывается на противо-метрическое часто построеніе стиха Еврипида.

Эсхилъ.

Такія пѣсни пишешь ты
И наши смѣешь порицать,
Подобно позамъ двадцати
Кирены пѣснь слагая [1])!
Такъ пѣсни таковы; но я еще
Хочу монодій строй твоихъ представить.
О черносвѣтный ночи
Сумракъ, какой ты сонъ несчастный
Шлешь изъ незримаго мнѣ Аида въ гости,
Это съ бездушной душою
Темной ночи созданье,
Грозное страха видѣнье
Темномертвоодежное,
Съ окомъ кровавымъ, кровавымъ,
Простершее мрачные когти?
О, запалите мнѣ факелъ, прислужницы,
Черпайте влагу рѣчную кувшинами,
Грѣйте мнѣ воду,
Чтобы отъ божьяго сна мнѣ омыться [2])!
О божество морское!
О сожители, горе мнѣ!
Чудо, смотрите: схвативъ пѣтуха,
Глика бѣжала [3]).
Горнорожденныя Нимфы!
Манія, хватай ее [4])!
Я-то, несчастная,
Вся погрузилась въ работу,
Льномъ моимъ полную прялку
Свива-вивая руками
Въ круглый клубокъ,
Чтобы съ зарею на площадь

---

[1]) Продажная красавица, знаменитая разнообразіемъ положеній, которыя она придавала тѣлу при интимномъ свиданіи.

[2]) Вода употреблялась для магическаго очищенія.

[3]) Скорбная пѣсня комически строится на великой катастрофѣ: кражѣ сосѣдкой пѣтуха.

[4]) Часто повторяющееся въ комедіи имя рабыни.

Выйти продать;
Но взлетѣлъ, взлетѣлъ онъ на воздухъ
Порывомъ крыльевъ воздушныхъ,
Скорби, скорби оставивъ мнѣ;
Слезы, слезы изъ взоровъ
Роняла, роняла я, бѣдная.
Критяне, чада Иды [1]),
Луки забравъ, пособите,
Бодрой ногой окружите весь домъ!
Ты, Артемида, охотница свѣтлая,
Съ псами кругомъ обходи
Домъ отовсюду!
Зевсова дѣва, свѣтильникъ двойной,
Яркій, Геката, подъемли рукой,
Дабы, прокравшись,
Къ Гликѣ, ее обокрасть мнѣ!

Діонисъ.

Довольно пѣсенъ!

Эсхилъ.

Такъ, и мнѣ довольно.
Хочу его я взвѣсить на вѣсахъ;
Поэзію изобличитъ лишь это,
Коль испытаешь самый вѣсъ рѣчей.

Діонисъ.

Сюда теперь, коли придется мнѣ
Поэтовъ взвѣсить, ровно круги сыра!

Хоръ.

Какъ мудрены вы, мастера!
Вотъ и другое чудо опять,
Новое, странное диво!
Кто же бы это придумалъ?
Всѣмъ я клянусь, еслибъ мнѣ такъ
Кто нибудь встрѣчный сказалъ,
Я бъ не повѣрилъ, подумалъ:
Просто болтаетъ онъ зря.

---

1) Знаменитая гора.

Діонисъ.

Такъ становитесь у вѣсовъ!

Эсхилъ и Еврипидъ.

Готово!

Діонисъ.

И взявши каждый по стиху, скажи
И не пускай, пока не прокукую!

Эсхилъ и Еврипидъ.

Ну, держимся.

Діонисъ.

Скажите-жъ по стиху!

Еврипидъ.

Когда бъ не пролетѣлъ корабль Арго [1])!

Эсхилъ.

Сперхея валъ, стада пасущій брегъ [2])!

Діонисъ.

Ку-ку, бросайте! Много-много ниже
Эсхила чашка.

Еврипидъ.

Что жъ тому виной?

Діонисъ.

Онъ рѣку положилъ, какъ продавецъ
Шерстей, какъ шерсть сырое сдѣлавъ слово,
А ты вложилъ крылатое словцо [3]).

Еврипидъ.

Пускай еще другой онъ стихъ поставитъ!

---

1) Начальный стихъ «Медеи».
2) Сперхей—рѣка въ Греціи.
3) Конечно, слово «пролетѣлъ».

Діонисъ.

Беритесь оба!

Эсхилъ и *Еврипидъ.*

Взялись.

Діонисъ.

Говори!

Еврипидъ.

Нѣтъ у Пейто святыни кромѣ слова [1]).

Эсхилъ.

Единый богъ даровъ не терпитъ—смерть.

Діонисъ.

Бросай, бросай! Опять Эсхила ниже:
Онъ смерть вложилъ, тягчайшую изъ бѣдъ.

Еврипидъ.

А я Пейто, прекраснѣйшее слово.

Діонисъ.

Но такъ легка Пейто, въ ней мысли нѣтъ.
Еще стиха ищи, да потяжелѣ,
Могучій, крѣпкій, чтобъ спустить вѣсы!

Еврипидъ.

Какой бы стихъ? Откуда?

Діонисъ.

Подскажу я:
Метнулъ Ахиллъ двѣ кости и четыре [2]).
Скажите же! Послѣдняя ужъ ставка!

Еврипидъ.

Съ тяжелой сталью взялъ онъ въ руки трость.

---

[1]) Пейто—богиня убѣжденія.

[2]) Изъ «Телефа» Еврипида, гдѣ изображалось метанье костей Ахилломъ съ другими героями.

Эсхилъ.

На трупѣ трупъ, повозка на повозкѣ.

Діонисъ.

Опять тебя надулъ онъ.

Еврипидъ.

Какъ же такъ?

Діонисъ.

Два трупа онъ вложилъ и двѣ повозки,
А ихъ и сто египтянъ не свернетъ.

Эсхилъ.

И по стиху не говори: въ вѣсы
Самъ и съ женой, съ дѣтьми, съ Кефисофонтомъ
Садись, съ собой забравши книги всѣ;
Я только два стиха скажу, и кончилъ!

Діонисъ.

Друзья мои, и я имъ не судья.
Ни одному изъ нихъ врагомъ не буду.
Одинъ мудрецъ, другой отрада мнѣ.

Плутонъ.

Такъ и уйдешь съ пустыми ты руками?

Діонисъ.

А разсужу?

Плутонъ.

Тогда бери любого,
Кого рѣшишь, чтобъ зря не приходить!

Діонисъ.

Будь счастливъ, другъ! Такъ слушайте меня!
Сошелъ я за поэтомъ.

Еврипидъ.

Для чего же?

Діонисъ.

Чтобъ, спасшись [1]), хороводы городъ велъ.
Такъ, кто изъ двухъ дастъ городу совѣтъ
Полезнѣе, того возьму съ собою.
И прежде мнѣнье ваше каково
Объ Алкивіадѣ [2])? Въ мукахъ стонетъ городъ.

Плутонъ.

А какъ о немъ онъ мыслитъ, городъ?

Діонисъ.

Какъ?
Не терпитъ, любитъ, ждетъ и не дождется.
Но вашу мысль скажите мнѣ объ немъ!

Еврипидъ.

Я не терплю того, кто не спѣшитъ
Помочь отчизнѣ, торопясь вредить ей,—
Себѣ—всѣ блага, родинѣ весь вредъ.

Діонисъ.

А, браво, Посидонъ! А ты что мыслишь?

Эсхилъ.

Не должно львенка въ городѣ кормить,
А выкормленъ, такъ угождать по нраву.

Діонисъ.

Свидѣтель Зевсъ спаситель, какъ тутъ быть?
Одинъ умнѣй сказалъ, другой яснѣе.
Еще одно скажите мнѣнье мнѣ
О городѣ, какъ можетъ онъ спастися!

---

[1]) Отъ войны со Спартой.

[2]) Знаменитый демагогъ, изгнанный изъ Аѳинъ за преступленіе молодости.

[*Еврипидъ* [1]).

Кинесьей Клеокрита окрыли [2]),
И понесутъ ихъ вихри надъ волнами.

Діонисъ.

Ну, былъ бы смѣхъ! Но въ чемъ же мысль твоя?

Еврипидъ.

Пусть бьются на судахъ и кислотой
Обрызгаютъ противникамъ глаза ихъ!]
Я знаю и хочу сказать.

Діонисъ.

Скажи!

Еврипидъ.

Невѣрное теперь сочтемъ мы вѣрнымъ
И вѣрное невѣрнымъ.

Діонисъ.

Не пойму!
Хоть поглупѣй скажи, да пояснѣе!

Еврипидъ.

Коль гражданамъ, которымъ вѣримъ мы,
Не вѣрить больше, и кого бросаемъ,
Тѣхъ въ ходъ пустить, спастися можно намъ.
Когда сейчасъ страдаемъ мы, то какъ же,
Наоборотъ творя, намъ не спастись?

Діонисъ.

А, браво, Паламедъ, мудрецъ великій [3])!
[Кефисофонтъ-ли, самъ ты вздумалъ такъ?

---

[1]) Дальнѣйшіе стихи берутся за скобку, какъ считающіеся не Аристофановыми.

[2]) Кинесія—поэтъ диѳирамбовъ, высокопарный до окрыленности. Клеокритъ былъ извѣстенъ громаднымъ ростомъ и тяжеловѣсностью.

[3]) Мудрецъ еще миѳической Греціи.

Еврипидъ.

Я выдумалъ, Кефисофонтъ сострилъ].

Діонисъ.

Что скажешь ты?

Эсхилъ.

Сначала мнѣ скажи,
Кто въ городѣ въ ходу? Народъ разумный?

Діонисъ.

Какое? Ненавидятъ ихъ, а дрянь
Возлюблена.

Эсхилъ.

Нѣтъ, поневолѣ только.
Но кто же можетъ городъ тотъ спасти,
Кому не въ прокъ ни плащъ, ни покрывало?

Діонисъ.

Ищи исходъ, когда на свѣтъ ты хочешь!

Эсхилъ.

Тамъ я сказалъ-бы; здѣсь охоты нѣтъ.

Діонисъ.

О нѣтъ, отселѣ вынеси ты благо!

Эсхилъ.

Пусть землю непріятеля сочтутъ
Родной страной, свою же землю вражьей,
Исходъ въ судахъ, безвыходнымъ исходъ!

Діонисъ.

Такъ, но судья одинъ раскуситъ это.

Плутонъ.

Суди же ихъ!

Діонисъ.

Таковъ мой будетъ судъ:
Возьму того, кого душа желаетъ.

Еврипидъ.

Припомни же боговъ, кѣмъ клялся ты
Меня отвесть домой: возьми же друга!

Діонисъ.

Языкъ клялся, но выбранъ мной Эсхилъ.

Еврипидъ.

Что сдѣлалъ ты, сквернѣйшій человѣче?

Діонисъ.

Я? Порѣшилъ, что побѣдилъ Эсхилъ.

Еврипидъ.

И сдѣлавъ стыдъ, на насъ смотрѣть ты смѣешь?

Діонисъ.

Гдѣ стыдъ, когда не мыслитъ зритель такъ?

Еврипидъ.

Злодѣй, злодѣй, меня ты кинешь мертвымъ?

Діонисъ.

Какъ знать, не есть ли наша жизнь какъ смерть,
Дыханье—пированье, сонъ—попонка?

Плутонъ.

Пожалуйте въ покои!

Діонисъ.

Для чего?

Плутонъ.

Чтобъ угостить мнѣ васъ передъ отплытьемъ.

Діонисъ.

Прекрасно, видитъ Зевсъ, труда въ томъ нѣтъ.

Хоръ.

Счастливъ человѣкъ, владѣющій
Разумомъ тонко воспитаннымъ,

Всякому это понятно.
Благоразумнымъ онъ признанный
Снова домой возвращается
Къ благополучію гражданъ всѣхъ,
Къ благополучію собственныхъ
Сродниковъ и пріятелей
Ради высокаго разума.
Какъ отрадно не съ Сократомъ
Сидя рядомъ, толковать,
Позабывши Музъ даянье
И высокое искусство
И трагическую страсть!
А въ словахъ высокопарныхъ,
Въ болтовнѣ пустопорожней
Время праздно убивать—
Признакъ чистаго безумца.

Плутонъ.

Такъ съ радостнымъ духомъ, Эсхилъ, отходи
И городъ нашъ родимый спасай
Силой мыслей благихъ и воспитывай тамъ
Неразумныхъ людей, а съ избыткомъ ихъ есть.
А вотъ это снеси, Клеофонту отдай,
А это вручи ростовщикамъ,
Никомаху вмѣстѣ съ Мирмекомъ,
А это вотъ Археному отдай [1])!
И скажи отъ меня имъ, чтобъ живо сошли
Сюда ко мнѣ и не медлили тамъ;
А если не придутъ скорѣе, такъ я,
Аполлономъ клянусь, помѣтивши ихъ [2])
И связавъ по ногамъ,
Съ Адимантомъ, сынкомъ Левколофа, заразъ [3])
Подъ землю живо отправлю.

[1]) Богъ смерти вручаетъ Эсхилу для названныхъ людей, для кого ядъ, для кого веревку, для кого мечъ.

[2]) Какъ мѣтили въ Аѳинахъ хозяева бѣглыхъ рабовъ.

[3]) Одинъ изъ аѳинской золотой молодежи, полководецъ въ сраженіи при Козьей рѣчкѣ (Эгоспотамосѣ).

Эсхилъ.

Такъ и сдѣлаю я. Ты же кресло мое
Поручи безъ меня Софоклу блюсти
И хранить для меня, если снова когда
Ворочусь я сюда, потому что его
Считаю вторымъ по мудрости я!
И запомни, чтобъ тотъ нечестивый злодѣй
И обманщикъ и враль и безчувственный плутъ [1])
Никогда на него, на кресло мое
Противъ воли моей не усѣлся!

Плутонъ.

Зажигайте же вы сейчасъ передъ нимъ
Святые огни, провожайте его
Его же звуками пѣсенъ
И чистыми хорами славьте!

Хоръ.

Путь благодатный сперва отходящему къ жизни поэту,
Къ свѣту грядущему вновь, пошлите, подземные боги,
Городу жъ нашему благъ великихъ мысли благія.
Такъ отъ великихъ страданій совсѣмъ мы сумѣемъ спастися
И отъ тяжелыхъ походовъ въ ружьѣ. Клеофонтъ же сражайся,
Да и другой, кто того пожелаетъ, на нивахъ родимыхъ!

---

[1]) Т. е. Еврипидъ.

Бабья сходка.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Праксагора.

Женщины.

Хоръ женщинъ.

Блепиръ.

Мущина.

Хреметъ.

Первый мущина.

Второй мущина.

Глашатай.

Старухи.

Дѣвушка.

Юноша.

Рабыня.

Хозяинъ.

Праксагора.

О жаркій взоръ лампады круговой,
Подвѣшенный прекрасно наблюдатель,
Твою судьбу открою я и родъ:
Подъ колесомъ гончарнымъ округленный,
Въ ноздряхъ ты—солнца свѣтлый носишь лучъ [1]),
Языкъ огня горящій—знакъ условный.
Мы одному откроемъ все тебѣ:
И въ спальнѣ ты дѣяньямъ Афродиты
Одинъ при насъ и близко предстоишь;
Никто твой взоръ не гонитъ изъ покоя
Свидѣтеля трепещущаго тѣла.
Одинъ ты бедръ въ заповѣдной тайникъ
Глядишь, цвѣтокъ волосъ лаская нѣжный;
И при открытіи сосудовъ, полныхъ
Даяньемъ Вакха, предстоишь ты намъ,
И общихъ тайнъ сосѣду не откроешь.
Такъ замыселъ узнай и нынѣ нашъ,
Какъ въ Скиріяхъ подруги порѣшили [2]).
Но нѣтъ здѣсь тѣхъ, кому бы надо быть,
А дѣло ужъ къ разсвѣту, и собранье
Сейчасъ откроютъ; надо кресла взять
(Какъ Фиромахъ сказалъ, коль не забыли) [3])
Другія намъ, таяся отъ сидящихъ.
Что съ ними тамъ? Иль подвязныхъ бородъ

---

[1]) Глиняный свѣтильникъ подвѣшивался къ длинной подставкѣ, языкъ огня выходилъ изъ носика плошки.

[2]) Скиріи—праздникъ въ честь Аѳины.

[3]) Псхоліямъ, внесъ предложеніе сидѣть врозь мужчинамъ и женщинамъ.

Не добыли, какъ сказано имъ было?
Или тайкомъ украсть у мужа плащъ
Имъ было трудно? Но вонъ тамъ съ лампадой
Идутъ сюда. Дай отойду назадъ,
Не то еще мужчина подберется.

Хоръ женщинъ.

Пора идти, какъ разъ второй глашатай,
Пока мы шли, пропѣлъ кукуреку.

Праксагора.

Я, поджидая васъ, и не заснула
Ночь на пролетъ. Постой, сосѣдку я
Къ намъ вызову, тихонько въ двери стукнувъ,
Тайкомъ отъ мужа.

Первая женщина.

Услыхала я,
Какъ обувалась, тихій стукъ твой въ двери.
Я не спала: вѣдь мужъ-то, другъ ты мой,
А на бѣду онъ воинъ Саламинскій [1]),—
Всю ночь меня гонялъ по простынѣ;
Насилу плащъ его сейчасъ взяла я.

Праксагора.

А вотъ и Кленарета и Сострата
И Филенета поспѣшаютъ къ намъ.

Хоръ.

Скорѣй, скорѣй! Вѣдь Глика поклялась,
Что, кто придетъ послѣдней, три намъ чаши
Уплатитъ штрафъ и мѣрку спѣлыхъ фигъ.

Первая женщина.

А видишь, Смикитьона [2]) Мелистиха
Въ сандаліяхъ бѣжитъ [3])?

---

[1]) Участникъ морского боя съ Персами у острова Саламина.
[2]) Т. е. жена Смикитіона.
[3]) Значитъ, въ мужской обуви.

Праксагора.

И мнѣ сдается,
Едва нашлась отъ мужа убѣжать.

Первая женщина.

А вонъ и Гевсистрата изъ трактира
Торопится съ лампадою въ рукѣ!

Праксагора.

И Херетада, и Филодорита

Уже идутъ, и много-много женъ
Другихъ, что только лучшихъ есть въ Аѳинахъ.

Вторая женщина.

Едва-едва, голубушка, съ трудомъ
Я выбралась. Всю ночку мужъ прокашлялъ,
Анчоусовъ накушавшись вчера.

Праксагора.

Садитесь же, чтобъ васъ я распросила,
Когда, какъ вижу, всѣ вы на лицо,
Исполнено ль рѣшеніе въ Скиросѣ.

Первая женщина.

Все сдѣлано. И мышки у меня
Темнѣе лѣса, какъ мы сговорились,
И каждый разъ, какъ мужъ уйдетъ въ совѣтъ,
Все тѣло я себѣ понатирала
И подсыхала въ солнечныхъ лучахъ.

Вторая женщина.

И я, и я! И бритву вонъ изъ дома
Я кинула, чтобъ заростн всей сплошь
И ничего не походить на женщинъ.

Праксагора.

И бороды у васъ есть, какъ рѣшили
Мы всѣ имѣть, когда сойдемся мы?

Первая женщина.

Клянусь Гекатой, вишь какая роскошь!

Вторая женщина.

И Епикрата гуще у меня [1])!

Праксагора.

А какъ у васъ?

Первая женщина.

Онѣ киваютъ: также!

Праксагора.

И все другое сдѣлано, я вижу:
Въ Лакониках и съ посохами вы [2]),
И всѣ въ мужскихъ плащахъ по уговору.

Первая женщина.

А я дубину эту унесла
У Ламіи заснувшаго украдкой [3]).

Праксагора.

Такъ съ этой то дубиной гадитъ онъ?

Первая женщина.

Свидѣтель Зевсъ спаситель, онъ бы лихо,
Когда Панопта шкуру бы надѣлъ [4]),
Почище всѣхъ съ рабами расправлялся!

Вторая женщина.

Свидѣтель Зевсъ, я прялку принесла,
Чтобы попрясть въ собраньѣ нашемъ полномъ.

Праксагора.

Что, въ полномъ, дурочка?

---

[1]) По большой бородѣ назывался «щитоносцемъ».
[2]) Лаконики—мужская военная обувь.
[3]) Ламія—темничный сторожъ.
[4]) Паноптъ—охранитель Іо по извѣстной легендѣ.

Вторая женщина.

О боги, да!
Иль хуже я за пряжею разслышу
Молитвы [1])? Дѣти голы у меня.

Праксагора.

Ты хочешь прясть? Но вѣдь не надо намъ
Ни чуточки открыть въ собраньѣ тѣла.
Вотъ было бъ славно, если бъ собрался
Сполна народъ, а женщина, откинувъ
Полу, Формисія открыла всѣмъ [2])!
А коли сядемъ первыя и тѣло
Въ плащъ обернемъ и бороды свои
Опустимъ внизъ подвязанныя нами,
То кто же не признаетъ въ насъ мужчинъ?
Агиррій такъ прикрылся бородою
Прономовой, хоть раньше бабой былъ,
А нынче онъ во всѣхъ Аѳинахъ первый [3]).
Смотрите же, и все чтобъ сдѣлать намъ,
Пока еще на небѣ свѣтятъ звѣзды!
Вѣдь сходка то, къ которой собрались
Сойтися мы, еще съ зарей начнется.

Первая женщина.

Свидѣтель Зевсъ, такъ надо мнѣ занять
У камня мѣсто, супротивъ пританов [4]).

Праксагора.

Мы для того, клянусь грядущимъ днемъ,
Рѣшились на такое дерзновенье,
Не сможемъ ли мы города дѣла
Всѣ захватить и пособить Аѳинамъ,
А то не гонимъ мы и не бѣжимъ [5]).

---

[1]) Которыми начиналось собраніе.
[2]) Формисій обладалъ густою бородою.
[3]) Прономъ—бородатый флейтщикъ, Агиррій—полководецъ, извѣстный развратной жизнью.
[4]) Камень—каѳедра ораторовъ, пританы—члены городского совѣта.
[5]) Пословичное выраженіе, близкое по смыслу нашему: «ни тпру, ни ну!»

Первая женщина.

Но какъ же женщинъ слабое собранье
Заговоритъ?

Праксагора.

Навѣрно, лучше всѣхъ:
Вѣдь говорятъ, что юноши, на комъ
Всѣхъ чаще ѣздятъ, болтуны лихіе,
А намъ ужъ такъ назначено судьбой.

Первая женщина.

Не знаю, но неопытность страшна мнѣ.

Праксагора.

Такъ потому жъ и собрались мы здѣсь,
Чтобъ напередъ обдумать наши рѣчи.
Такъ поскорѣй ты бороду надѣнь
И каждая, кто говорить захочетъ!

Первая женщина.

О, кто жъ изъ насъ не смыслитъ поболтать?

Праксагора.

Надѣнь, надѣнь и живо стань мужчиной!
И я вѣнокъ на голову надѣну
Подобно вамъ, коль стану говорить.

Первая женщина.

О, посмотри, голубчикъ Праксагора,
Вѣдь пресмѣшное дѣло мы творимъ!

Праксагора.

Какъ пресмѣшное?

Первая женщина.

Точно кто надѣлъ
Тѣ бороды на паучковъ прядущихъ.

Праксагора.

Перистіархъ пусть ласку обнесетъ!

Впередъ ступайте [1])! Арифрадъ, довольно
Болтать, садись! Кто хочетъ говорить?

Первая женщина.

Я!

Праксагора.

Надѣвай вѣнокъ съ судьбою доброй [2])!

Первая женщина.

Вотъ!

Праксагора.

Говори!

Первая женщина.

Не пивши, говорить?

Праксагора.

Не пивши? Какъ?

Первая женщина.

На что жъ вѣнокъ я вздѣла [3])?

Праксагора.

Пошла ты прочь! И тамъ ты точно такъ
Надѣлаешь!

Первая женщина.

А что жъ? Не пьютъ въ собраньѣ?

Праксагора.

Да, пьютъ тебѣ!

Первая женщина.

Клянусь богиней, пьютъ,
Да и винцо какое! Ихъ рѣшенья,—

---

[1]) Обычный призывъ въ началѣ народнаго собранія.
[2]) Послѣднія слова представляютъ торжественное вступленіе въ актъ собранія.
[3]) Въ вѣнкахъ сидѣли и участники пира.

Обдумавъ все, что дѣлаютъ они,—
Безумія полны, точь-точь у пьяныхъ.
И возливаютъ, видитъ Зевсъ: на что бъ
И всѣ моленья, коль вина не стало!
И лаются, какъ хмѣльные, они,
И пьянаго долой выносятъ скиѳы [1]).

Праксагора.

Поди ка и садись! Ты мелешь вздоръ.

Первая женщина.

Ахъ, лучше бъ бороды я не растила!
Отъ жажды, видитъ Зевсъ, изсохну я!

Праксагора.

Кто говорить другая хочетъ?

Вторая женщина.

Я!

Праксагора.

Поди, надѣнь вѣнокъ! Пора за дѣло!
Но, какъ мужчина, дѣльно говори,
Всѣмъ тѣломъ опираяся на посохъ!

Вторая женщина.

Хотѣла бъ я, чтобъ кто другой сказалъ
Поопытнѣй, а я бъ сидѣла мирно.
Но не стерплю и не позволю я
Держать воды въ трактирѣ полны бочки.
Богинями клянусь, не допущу!

Праксагора.

Богинями? Ахъ, бѣдная, въ умѣ-ль ты?

Вторая женщина.

Да что съ тобой? Я жъ не просила пить!

[1]) Полицейскіе.

Праксагора.

Но ты богинями, мужчина, клялся [1]),
Все прочее сказавши преумно!

Вторая женщина.

Клянуся Фебомъ!

Праксагора.

Нѣтъ, постой, не то
Ногою я не выступлю въ собраньѣ,
Когда порядка мы не наблюдемъ.

Вторая женщина.

Давай вѣнокъ! Второй я разъ скажу.
Надѣюсь, все обдумала я точно.
Мнѣ, женщины, сидящія...

Праксагора.

Что, что?
Мужчинъ ты женщинами величаешь?

Вторая женщина.

Тутъ Епигонъ виной: взглянула я
Въ ту сторону и думала: тамъ бабы [2]).

Праксагора.

Проваливай и ты! Садись сюда!
Сама за васъ я говорить сбираюсь,
Надѣвъ вѣнокъ. И шлю богамъ мольбы
Сумѣть достичь задуманнаго дѣла.
Мнѣ наравнѣ мила моя страна,
Какъ вамъ самимъ, и я съ негодованьемъ
Едва терплю порядокъ городской.
Я вижу, городъ скверными вождями
Руководимъ, и, если день одинъ

[1]) Клятва богинями, то есть Деметрой и Персефоной, чествовавшимися въ Аѳинахъ, принадлежала женской рѣчи.
[2]) Обычная въ комедіи насмѣшка надъ однимъ изъ зрителей.

Кто недуренъ, десятокъ дней онъ гадокъ.
Другимъ довѣрься,—тѣ еще сквернѣй.
И трудно вразумить людей недобрыхъ,
Кому страшны готовые любить,
А не желавшіе любить угодны.
Собраньями, бывало, мы совсѣмъ
Не пользовались, но худымъ считали
Агиррія; а пользуясь сейчасъ,
Кто взятку взялъ, тотъ хвалитъ черезъ мѣру,
А кто не взялъ, сейчасъ готовъ казнить
Всѣхъ жалованья ищущихъ въ собраньѣ.

Первая женщина.

Клянусь Афродитой, славно говоришь!

Праксагора.

Клялась ты Афродитой? Хорошо-бы
Ты сдѣлала, сказавъ въ собраньѣ такъ [1])!

Первая женщина.

Я не сказала-бъ!

Праксагора.

Такъ и не учися!
Союзниковъ, когда смотрѣли мы,
Коли не будетъ, сгинемъ, говорили;
Чуть собрались, всѣ злиться, и сейчасъ
Изъ риторовъ, кто далъ совѣтъ, тотъ драла!
Спускать должно суда,—бѣднякъ готовъ,
Богачъ и земледѣлецъ не желаютъ.
Вы на коринѳянъ гнѣвались, а тѣ:
Сейчасъ нужны, ты также нуженъ будь мнѣ!
Аргивецъ глупъ, но мудръ Іеронимъ;
Спасенье близко, но его рѣшаетъ
Непризванный, безъ права Ѳрасибулъ [2]).

---

[1]) Потому что клятва богиней любви Афродитой неумѣстна въ устахъ мужчины.

[2]) Самоуправецъ и взяточникъ, по схоліасту.

Первая женщина.

Вотъ мудрый мужъ!

Праксагора.

Теперь ты славно хвалишь!
Вы виноваты въ этомъ, весь народъ.
Общественныя деньги получая,
Все ищете корысти личной вы,
А община вся, какъ Айсимъ, вертится [1]).
Но, насъ послушавъ, вы спасетесь всѣ.
Я говорю, что городъ передать
Должны вы женщинамъ. Вѣдь и по дому
Онѣ у насъ и ключницы, и все.

Первая женщина.

А, браво, браво!

Вторая женщина.

Продолжай, мой добрый!

Праксагора.

А что по нравамъ выше насъ онѣ,
Я докажу. Итакъ, во первыхъ шерсти
По старому закону въ кипяткѣ
Всѣ моютъ, всѣ, и ни одной не встрѣтишь
Измѣнщицы. А нашъ Аѳинскій градъ,
Когда въ удачѣ былъ, не могъ спастися,
Пока другой новинки не начнетъ.
Онѣ жъ сидятъ и жарятъ, какъ и раньше;
На головѣ разносятъ, какъ и встарь;
Справляютъ Ѳесмофорамъ, какъ и раньше [2]);
Пекутъ себѣ лепешки, какъ и встарь;
Мужей своихъ изводятъ, какъ и раньше;
Любовниковъ заводятъ, какъ и встарь;
Другъ дружку угощаютъ, какъ и раньше;

---

[1]) Хромой нищій, по схоліасту.

[2]) Ѳесмофорами, то есть Законодательницами назывались Деметра и ея дочь Кора, какъ первыя давшія человѣку уставы общежитія.

Охотницы подвыпить, какъ и встарь;
Поспать съ мужчиной любятъ, какъ и раньше.
Такъ имъ, мужчины, городъ передавъ,
Мы ни болтать, ни спрашивать не станемъ,
Что думаютъ подѣлать; просто ихъ
Оставимъ править, наблюдая только,
Что, матери, сперва онѣ солдатъ
Спасти хотятъ; потомъ и пищи тоже
Кто матери скорѣе намъ подастъ?
Добыть деньжонокъ женщина всѣхъ ловче;
При власти не надуешь ужъ ея.
Вѣдь надувать онѣ привычны сами.
О прочемъ умолчу; внемлите мнѣ,
И счастливо всю жизнь вы проведете.

Первая женщина.

Прекрасно, чудно, Праксагора другъ!
Откуда все такъ славно ты узнала?

Праксагора.

На Пниксѣ съ мужемъ въ бѣгствѣ я жила [1];
У риторовъ всему тамъ научилась.

Первая женщина.

Недаромъ такъ умна ты и дѣльна,
И полководцемъ женщины немедля
Тебя возводятъ, коль исполнишь все,
Что посулила. Но когда Кефалъ
Ругнетъ тебя, ты какъ ему отвѣтишь [2]?

Праксагора.

Скажу, что онъ сдурился.

Первая женщина.

Ну, вѣдь это
И такъ всѣ знаютъ.

---

[1]) Пниксъ площадь, гдѣ происходили народныя собранія. Во время войны, спасшіеся въ Аѳины окрестные жители жили лагеремъ по площадямъ.
[2]) Демагогъ, отличный отъ упоминаемаго Демосѳеномъ.

Праксагора.

Что безумецъ онъ.

Первая женщина.

И это знаютъ.

Праксагора.

Что свои горшки
Работаетъ онъ скверно, городъ славно [1]).

Первая женщина.

А Неоклидъ когда слѣпой ругнетъ?

Праксагора.

Скажу ему: гляди подъ хвостъ ты сукѣ [2])!

Первая женщина.

А теребить какъ станутъ?

Праксагора.

Отверчусь,
Какъ ужъ давно преопытная въ свалкѣ.

Первая женщина.

Одно еще не рѣшено: когда
Стрѣлки тебя потащутъ?

Праксагора.

Я локтями
И такъ, и такъ: не дамся въ руки имъ.

Первая женщина.

А мы, коль и возьмутъ, велимъ оставить.

Вторая женщина.

Обдумано все нами хорошо,
Мы только не подумали: но какъ же

---

[1]) Кефалъ былъ сынъ гончара.
[2]) Дѣтская поговорка о больныхъ глазами.

Запомнимъ мы, чтобъ руки поднимать [1])?
Вѣдь ноги лишь мы поднимать привыкли!

Праксагора.

Такъ, это трудно! Все же подавать
Мы голоса должны, рукавъ спустивши.
Теперь рубашки подпояшьте выше,
Лаконики обуйте поскорѣй,
Какъ видѣли вы мужа, если онъ
Въ собранье уходилъ или на площадь!
Потомъ, когда устроите вы все,
То подвяжите бороды! Когда же,
Какъ слѣдуетъ, разуберетесь вы
И краденые мужнины плащи
Накинете,—на посохъ опираясь,
Пускайтесь въ путь и напѣвайте пѣснь
По старчески, ухваткамъ подражая
Крестьянскимъ всѣмъ!

Вторая женщина.

Ты славно говоришь.
Пойдемъ впередъ! Навѣрно и другія
Изъ деревень на площадь подойдутъ
Къ намъ женщины.

Праксагора.

Но торопитесь, такъ какъ
Обычай тамъ: съ зарею кто на пниксъ
Не выйдетъ, ни гроша тамъ не получитъ!

Хоръ женщинъ.

Пора намъ, мужи, выходить: намъ это постоянно
Должно и помнить, и твердить, чтобъ вдругъ не поскользнуться [2]).
Опасность намъ не малая грозитъ, коль насъ застанутъ

[1]) Голоса въ народномъ собраніи подавались путемъ поднятія руки.
[2]) То есть надо постоянно называть другъ дружку мужчинами, чтобъ не сбиться въ собраніи.

Во мракѣ ночи сдѣлавшихъ такое злодѣянье....
Пойдемте же въ собраніе, о мужи! Вѣдь грозитъ намъ
Ѳесмоѳетъ, что, если кто [1])
Ранымъ-рано въ полумглѣ
Не сберется весь въ пыли,
Во гнѣвѣ прелютомъ,
Съ угрозой во взорѣ,
Три гроша не дастъ тѣмъ [2]).
Такъ, другъ—Харитимидъ
И Смикиѳъ и Дракисъ [3]),
Скорѣй торопитесь,
Слѣдя за собою:
Ни въ чемъ бы не сбиться,
Что долженъ ты сдѣлать,
Но марку забравши [4]),
Всѣмъ рядомъ садиться
И голосовать намъ
Во всемъ, что потребно,
За милыхъ подружекъ!
Эхъ, что говорю я?
За милыхъ друзей!
Смотри, чтобъ вытолкать намъ вонъ горожанъ-то нашихъ,
Которые раньше,
Когда за собранье
По грошу платили [5]),
Сидѣли, болтая,
Въ цвѣточномъ ряду [6]);
А нынче всѣ лѣзутъ.

[1]) Ѳесмоѳетъ—чиновникъ, слѣдившій за исполненіемъ законовъ.
[2]) Обычная плата за участіе въ народномъ собраніи.
[3]) Женщины нарочно, для практики называютъ другъ дружку мужскими именами.
[4]) Марку выдавали каждому участнику собранія, и по ней онъ получалъ свой гонораръ.
[5]) Потому что плата за посѣщеніе собранія повышалась постепенно.
[6]) Цвѣточный рядъ, гдѣ продавали вѣнки, находился по сосѣдству съ пниксомъ.

Пока же во власти
Миронидъ былъ добрый,
Никто не рѣшился
Дѣла городскія
Справлять бы за деньги;
Но каждый являлся,
Въ мѣшочкѣ принесши
Водицы, да хлѣба
Сухого, да лука,
Да пару оливокъ.
А нынче три гроша
Хотятъ получить, чуть
Что городу сдѣлаютъ, какъ
Носильщики глины.

Блепиръ.

Вотъ штука то! Куда жена пропала?
Къ зарѣ ужъ дѣло, а ея все нѣтъ.
А я лежу; давно на дворъ охота,
Да башмаки я все ищу въ потьмахъ
И плащикъ свой, но ощупью его
Я не умѣлъ найти, а мнѣ ужъ въ двери
Толкался другъ-навозникъ; такъ беру
Я этотъ плащъ жены двойной подбитый
И башмаки Персидскіе ея.
Но гдѣ бы тутъ сходить мнѣ на свободѣ?
Иль всюду ночью будетъ хорошо?
Вѣдь здѣсь меня никто и не замѣтитъ.
О, я несчастный, что жену я взялъ
На старость лѣтъ! Какихъ плетей я стою!
Ужъ не добро задумала она
Пойти и сдѣлать! Все жъ сходить мнѣ надо!

Сосѣдъ.

Кто тамъ такой? Никакъ сосѣдъ Блепиръ?
Онъ, самый онъ, клянуся Зевсомъ! Что тамъ
Краснѣетъ у тебя, Блепиръ? Неужто
Кинесія тебя охолестилъ?

Блепиръ.

Нѣтъ, только вышелъ я, своей жены
Пурпуровый надѣвъ любимый плащикъ.

Сосѣдъ.

А гдѣ твоя одежа?

Блепиръ.

Знать не знаю!
Я шарилъ зря по всей по простынѣ.

Сосѣдъ.

А что женѣ ты не велѣлъ пошарить?

Блепиръ.

Да, видишь ты, жены то дома нѣтъ.
Тайкомъ куда то вышла и пропала.
Боюсь, бѣды она мнѣ натворитъ!

Сосѣдъ.

Клянуся Посейдономъ, такъ, какъ я,
Ты пострадалъ: вѣдь и моя то тоже
Пропала, плащъ укравъ съ собою мой.
Плащъ—съ полъ-бѣды, да башмаки-то также,
И тѣ нигдѣ я не сумѣлъ сыскать.

Блепиръ.

Клянусь Діонисомъ, точь точь и я
Своихъ Лаконскихъ, но, на дворъ чтобъ выйти,
Въ котурны ноги всунулъ второпяхъ,
Чтобъ не пустить на чистую постелю.

Сосѣдъ.

Съ чего бы такъ? Не позвала ль ее
Позавтракать подружка?

Блепиръ.

Видно эдакъ:
Насколько знаю я, она не шлюха.

Сосѣдъ.

Но ты ремнемъ какимъ то ходишь. Мнѣ-жъ
Пора идти въ собраніе, какъ только
Единственный плащенко свой сыщу.

Блепиръ.

И мнѣ, когда схожу я; а сейчасъ
Какой то плутъ замкнулъ и держитъ пищу.

Сосѣдъ.

Не Спартѣ ль Ѳрасибулъ его сулилъ [1])?

Блепиръ.

Свидѣтель Діонисъ, прекрѣпко держитъ!
Что тутъ подѣлать? И не то одно
Меня томитъ, но какъ же, чуть поѣмъ я,
Куда попретъ мой напредки навозъ?
Теперь вѣдь этотъ крѣпко заперъ двери
Такой-сякой, негодный супостатъ!
Кто позоветъ врача мнѣ и какого?
Кто толстозадый ловокъ въ мастерствѣ?
Аминонъ? Знаю, да наврядъ пойдетъ онъ.
Зовите-жъ Антисѳена поскорѣй! [2])
По звуку одному ученый мужъ
Заразъ смекнетъ, чего дырѣ угодно.
Илиѳія, царица, мнѣ не дай [3])
Ни разорваться ужъ, ни задохнуться,
Чтобъ шкурой мнѣ комической не стать!

Хреметъ.

Что дѣлаешь ты? Ходишь, что ли?

Блепиръ.

Я-то?
Все нѣтъ еще! Я, видитъ Зевсъ, встаю.

---

[1]) По схоліасту, хотѣлъ возражать Лакедемонскимъ посламъ противъ перемирія, но взялъ взятку и лишился голоса.

[2]) Аминонъ по схоліи—риторъ; Антисѳенъ изнѣженный докторъ.

[3]) Илиѳія—богиня родовъ.

Хреметъ.

И нарядился въ женскую рубаху?

Блепиръ.

Въ потемкахъ, въ спальнѣ я ее схватилъ.
А ты идешь откуда?

Хреметъ.

Изъ собранья.

Блепиръ.

Ужъ кончилось?

Хреметъ.

Съ зарею, видитъ Зевсъ.
И много же тамъ смѣха натворилъ
Канатъ пурпурный, всѣмъ накрасивъ платье [1])!

Блепиръ.

И получилъ ты три гроша?

Хреметъ.

Гдѣ тамъ?
Пришелъ я поздно, такъ что, право, стыдно
Мнѣ ни за что,—за бѣдный мой кошель!

Блепиръ.

Да почему жъ?

Хреметъ.

Была тамъ больно давка,
Какой еще не видывалъ самъ Пниксъ.
Мы за кожевниковъ по виду всѣхъ
Тамъ приняли, но только вотъ что странно:
Что бѣлолица сходка сплошь была.
И я не получилъ, да и другіе.

---

[1]) Крашенымъ канатомъ окружали вначалѣ собраніе, такъ что запоздавшій пачкалъ о канатъ платье.

Блепиръ.

И я бъ не получилъ, придя сейчасъ?

Хреметъ.

Ни-ни, хотя бы ты пришелъ, едва
Пропѣлъ второй пѣтухъ.

Блепиръ.

Ахъ я, несчастный!
Плачь, Антилохъ: я только и живу [1])
Тремя грошами, а мое пропало!
Но почему такая куча тамъ
Стеклась такъ рано?

Хреметъ.

По чему иному,
Что рѣшено пританами внести
Сужденье о спасеніи аѳинянъ?
Тутъ первый Неоклидъ слѣпой приползъ,
Но тотчасъ же народъ, да знаешь, какъ,
Пошелъ зѣвать: да какъ онъ смѣетъ съ рѣчью
О города спасеньѣ выходить,
Коль самому себѣ не спасъ глядѣлокъ?
А онъ тутъ крикнулъ, осмотрясь кругомъ:
А что жъ мнѣ было дѣлать?

Блепиръ.

Натолокши
Въ ступѣ чеснокъ, подкинуть корешка
Лаконскаго, да натирать глядѣлки
По вечерамъ,—сказалъ бы я ему.

Хреметъ.

А послѣ Эвэонъ нашъ распремудрый
Вскочилъ нагой, какъ показалось всѣмъ,
Хоть самъ онъ говорилъ, что былъ въ плащѣ онъ,
И рѣчи популярныя повелъ:
Смотрите, самъ нуждаюсь я въ спасеньѣ
За пары двѣ статеровъ, но и такъ

Пародія на «Мирмидонянъ» Эсхила.

Скажу, какъ городъ вашъ спасти и гражданъ.
Какъ подадутъ бѣднягамъ скорняки
Плащи, едва къ зимѣ склонится солнце,
Никто бы воспаленья не схватилъ.
А у кого нѣтъ ложа съ одѣяломъ,
Идти тѣмъ спать, омывши тѣлеса,
Къ мѣховщикамъ; а кто имъ дверь захлопнетъ
Зимой, съ того три одѣяла штрафъ.

Блепиръ.

Чудесно, видитъ Діонисъ! И если-бъ
Прибавилъ онъ, никто бъ не возразилъ,
Чтобъ мучники по три по мѣрки людямъ
Давали бѣднымъ, а не то заплачутъ,
Чтобъ тѣ вкусили Навсикида жизнь [1]).

Хреметъ.

А вслѣдъ за нимъ хорошенькій молодчикъ
Всталъ, бѣленькій, какъ Никія, лицомъ,
Чтобъ рѣчь начать, и говорить надумалъ,
Что надо городъ женщинамъ отдать.
Тутъ зашумѣла, зазѣвала: „браво“!
Кожевниковъ толпа, а мужики
Давай ворчать.

Блепиръ.

И видитъ Зевсъ, неглупо!

Хреметъ.

Но меньшинство ихъ было. Тотъ кричалъ,
Все похвалами женщинъ осыпая,
Тебя жъ ругалъ.

Блепиръ.

Что жъ онъ сказалъ?

Хреметъ.

Что ты
Великій плутъ.

[1]) Извѣстный мучникъ.

Блепиръ.

А ты?

Хреметъ.

О томъ ни слова!
Что ты и воръ.

Блепиръ.

Одинъ я?

Хреметъ.

Видитъ Зевсъ,
И сикофантъ [1]).

Блепиръ.

Одинъ я?

Хреметъ.

Видитъ Зевсъ,
Такихъ толпа.

Блепиръ.

Объ этомъ кто и споритъ!

Хреметъ.

Онъ говорилъ, что женщина умна
И скопидомка, и что таинъ божьихъ
Отъ Ѳесмофоръ не вынесетъ она,
А ты и я грѣшимъ согласно въ этомъ.

Блепиръ.

Гермесъ свидѣтель, въ этомъ онъ не вралъ.

Хреметъ.

Потомъ сказалъ: онѣ даютъ другъ дружкѣ
И чаши и плащи и серебро

[1]) Первоначально сикофантами назывались тѣ, которыя доносили на лицъ, противозаконно похищавшихъ смоквы съ храмовыхъ деревьевъ, потомъ всякіе доносчики и шантажисты.

Наединѣ, свидѣтелей не крикнувъ,
И не крадутъ, но отдаютъ сполна,
А нашъ братъ не одинъ и въ этомъ грѣшенъ.

Блепиръ.

Хоть при свидѣтеляхъ, о боги, да.

Хреметъ.

Что сикофантовъ нѣтъ у нихъ и кляузъ,
Что на народъ не замышляютъ: все
Найлучшее онъ говорилъ про женщинъ.

Блепиръ.

И какъ рѣшили?

Хреметъ.

Что вручаешь ты
Имъ городъ; только этого въ Аѳинахъ,
Сказали, не бывало.

Блепиръ

Правда?

Хреметъ.

Да.

Блепиръ.

И значитъ, все теперь поручено имъ,
Съ чѣмъ граждане возились?

Хреметъ.

Значитъ, такъ.

Блепиръ.

И въ судъ не я пойду ужъ, а жена?

Хреметъ.

И всѣхъ не мы, жена кормить ужъ станетъ.

Блепиръ.

И на зарѣ не мнѣ пыхтѣть ужъ надо?

Хреметъ.

Нѣтъ, женщинамъ заботиться и тамъ.
Ты, не пыхтя, потрескивай, знай, дома!

Блепиръ.

Но только страшно намъ въ мои года,
Что, въ городѣ бразды принявъ правленья,
Вдругъ силою принудятъ насъ...

Хреметъ.

Къ чему?

Блепиръ.

А съ ними спать!

Хреметъ.

А коли мы не сможемъ?

Блепиръ.

Ѣсть не дадутъ.

Хреметъ.

Тогда ужъ, видитъ Зевсъ,
Такъ ухитрись: и ѣсть, и спать съ тѣмъ вмѣстѣ.

Блепиръ.

Но силой—это ужасъ!

Хреметъ.

Но для блага
Гражданскаго должны мы сдѣлать все.
Есть старая пословица къ тому же,
Что все, что мы по глупости рѣшимъ,
На благо намъ самимъ потомъ выходитъ.
Да будетъ такъ, владычица Паллада!
Ну, я иду. Прощай!

Блепиръ.

Прости и ты!

Хоръ женщинъ.

Впередъ, впередъ!
Да не бредутъ ли по слѣдамъ за нами и мужчины?

Смотри кругомъ,
Поберегай меня сама! Немало тутъ злодѣевъ,
Чтобъ сзади кто не подглядѣлъ чужой одежды нашей!
Но сколько можешь, посильнѣй стуча ногами, слѣдуй!
Не то позоръ доставитъ намъ
Всѣмъ до одной, коль подвигъ нашъ пронюхаютъ мужчины.
Остерегайся же того
И озираяся вокругъ,
Налѣво и направо,
Смотри, чтобъ вмигъ въ несчастіе не превратилось счастье!
Но поторопимся! Ужъ мы къ тому подходимъ мѣсту,
Откуда мы въ собраніе сбирались, гдѣ мы были,
И можно домъ намъ видѣть тотъ, откуда происходитъ
Та полководица, что все рѣшенье изыскала.
Такъ ужъ не надо медлить намъ, не надо дожидаться
Съ подвязанной бородкой,
Чтобъ кто нибудь не видѣлъ насъ и насъ не поругалъ бы.
Но поскорѣй сюда ты въ тѣнь
Подъ стѣнку становися
И въ обѣ стороны смотри
И одѣвайся снова такъ, какъ раньше ты ходила,
И не тяни! Ужъ видишь ты идущую съ собранья
Ту нашу полководицу. Такъ каждая скорѣе
Бросай противный свой мѣшокъ, у челюсти висящій!
Ужъ и онѣ идутъ, давно свой прежній видъ имѣя.

Праксагора.

Все, женщины, намъ славно удалось
Отважное задуманное дѣло.
Но поскорѣй, пока не видѣлъ мужъ,
Долой плащи, сандаліи снимайте,
Съ Лаконики распутайте ремни,
Прочь посохи! И ты устрой все это
И наблюди за ними! Я жъ хочу,
Прокравшись въ домъ, пока не видѣлъ мужъ,
Тамъ положить его обратно плащикъ,
Гдѣ я взяла, и все, что скрала я.

Хоръ.

Вотъ положено все, какъ велѣла ты намъ. Научи же ты насъ остальному,
Чтобъ, покорны тебѣ, мы могли совершить все, что замысламъ нашимъ полезно!
Ни съ единой другой я разумнѣй тебя не входила въ общенье изъ женщинъ.

Праксагора.

Обождите сейчасъ, чтобъ властію той, которой меня облекли вы,
Я совѣтницами васъ всѣхъ призвала! Потому что и тамъ для меня вы
Въ суматохѣ нашей и въ нашей бѣдѣ преотважными всѣ оказались.

Блепиръ.

Откуда, Праксагора?

Праксагора.

А тебѣ
Что до того?

Блепиръ.

Что до того? Какъ глупо!

Праксагора.

Не отъ любовника жъ, ты скажешь!

Блепиръ.

Не
Отъ одного!

Праксагора.

Ты это можешь мигомъ
Изслѣдовать.

Блепиръ.

Какъ?

Праксагора.

Пахну ли я миромъ.

Блепиръ.

А что жъ? Не спитъ ужъ женщина безъ мира [1])?

Праксагора.

Не я, конечно!

Блепиръ.

На зарѣ куда
Исчезла ты, мой захвативши плащикъ?

Праксагора.

Меня подруга ночью позвала
Рождавшая.

Блепиръ.

Но ты могла бы, мнѣ
Сказавъ, пойти.

Праксагора.

Но ты объ роженицѣ
Не думаешь страдавшей?

Блепиръ.

Мнѣ бъ сказать!
Я что то злое чую!

Праксагора.

Вотъ богини!
Какъ я была, пустилась я: меня
Придти, во что бъ ни стало, умоляли.

Блепиръ.

Но собственный могла бъ ты плащъ надѣть,
А ты, раздѣвъ меня, накинувъ тряпки,
Какъ жалкій трупъ, оставила меня,
Едва вѣнокъ съ кувшиномъ не приставивъ [2]).

---

[1]) Срв. въ «Лисистратѣ» сцену Миррины съ Кинесіей.
[2]) Обычное украшеніе покойниковъ.

Праксагора.

Морозило, а я мала, слаба,
И на дорогу я теплѣй укрылась,
Тебя жъ у печки я и въ простыняхъ
Оставила.

Блепиръ.

На что жъ съ тобой удрали
Лаконики мои и посохъ мой?

Праксагора.

Чтобъ сохранить твой плащъ, переобулась
Я такъ, какъ ты, и стукала ногой
И посохомъ по камнямъ ударяла [1]).

Блепиръ.

А знаешь, мѣрки хлѣба ты меня
Лишила, что̀ бы я принесъ со сходки?

Праксагора.

Ты не горюй! Тамъ мальчикъ родился.

Блепиръ.

У сходки?

Праксагора.

Нѣтъ, у той, гдѣ я ходила.
Была, знать, сходка?

Блепиръ.

Иль не знала ты?
Вѣдь я вчера сказалъ!

Праксагора.

Сейчасъ припоминаю.

Блепиръ.

Не знаешь ты рѣшенья?

---

[1]) Воры часто срывали ночью плащи на Аѳинскихъ улицахъ.

Праксагора.

Я? Ничуть!

Блепиръ.

Сиди жъ себѣ и жуй свои лепешки!
Вѣдь говорятъ, вамъ городъ отдаютъ.

Праксагора.

Что дѣлать? Прясть?

Блепиръ.

Нѣтъ, править!

Праксагора.

Чѣмъ, голубчикъ?

Блепиръ.

Какъ есть, вишь, всѣми въ городѣ дѣлами.

Праксагора.

Клянусь Афродитой, счастливъ городъ нашъ
Отнынѣ будетъ.

Блепиръ.

Какъ такъ?

Праксагора.

По всему-же:
Ужъ дерзкимъ людямъ скверныя дѣла
Не разрѣшатъ въ немъ: ни свидѣтельствъ ложныхъ,
Ни сикофантствъ.

Мужчина.

Но ради всѣхъ боговъ
Не дѣлай такъ и не лишай насъ жизни!

Блепиръ.

Почтенный мой, дай женщинѣ сказать!

Праксагора.

Не обирать, не замышлять на ближнихъ,

Не быть нагимъ, ни бѣднымъ никому,
Не лаяться, не принимать закладовъ.

Мужчина.

О Посейдонъ, вотъ славно, коль не вретъ!

Праксагора.

Все докажу, и ты свидѣтель будешь,
Да онъ и самъ не пикнетъ ни словца.

Хоръ.

Нынѣ ты глубокой мыслью философскою воспрянь
И расчитанною думой
Намъ, подругамъ, пособи!
Это такъ! Заразъ за счастьемъ
Мысли разумъ выростаетъ,
Людъ гражданскій украшая
Многотысячною пользой,
Открывая силу думъ.
Время, время! Мудрой мысли
Обрѣтенья проситъ градъ.
Но представь одно намъ только:
Только дѣло, только слово,
Не испытанное встарь!
Ненавидятъ, если видятъ
Снова старое не разъ.
Но не надо зѣвать, а надо хватать на легу вдохновенныя мысли!
Ибо, гдѣ быстрота, наивысшая тамъ красота предъ очами театра.

Праксагора.

О, что васъ научу полезному я, я увѣрена, зрители бъ только
Испытали желанье признать новизну и не слишкомъ въ испытанномъ, старомъ
Закоснѣть предпочли: вотъ этого я трепещу наиболѣе сердцемъ.

Блепиръ.

О, насчетъ своей новизны не дрожи. Вѣдь это тамъ постоянно

Творить для любого начала легко, старину забывая былую.

Праксагора.

Но пускай же никто изъ васъ ничего не споритъ ранѣе съ нами,
Чѣмъ замыселъ нашъ хорошенько понять и наши выслушать рѣчи!
Я скажу, что всѣ должны сообща имуществомъ всѣмъ наслаждаться,
И съ этого жить, а не чтобъ одному богатѣть, а другому тѣсниться,
И чтобы одинъ много нивы вспахалъ, а другому на гробъ не хватало,
И чтобы одинъ не владѣлъ толпой рабовъ, а другой ни слугою;
Но равную всѣмъ, единую я и общую дѣлаю жизнь вамъ.

Блепиръ.

Но какъ она станетъ общей для всѣхъ?

Праксагора.

Впередъ меня скушай лепешку!

Блепиръ.

И въ лепешкахъ—и то мы общность введемъ!

Праксагора.

Меня ты прервалъ и напуталъ!
Я вотъ что только хотѣла сказать: сначала я сдѣлаю землю
Достояніемъ общимъ и деньги и все, что есть у каждаго только.
Потомъ этимъ всѣмъ всеобщимъ мы васъ кормить и пропитывать станемъ,
Заправляя всѣмъ тѣмъ, бережливо храня и зрѣлую мысль прилагая.

Блепиръ.

А какъ же тогда, у кого нѣтъ земли изъ насъ, а есть только деньги
И Дарики, невидимый кладъ [1])?

Праксагора.

Онъ въ общину всѣ ихъ положитъ.

Блепиръ.

Не вложившій же клятву ложную дастъ; вѣдь тѣмъ же мы ихъ и сбирали.

Праксагора.

Но не будетъ ужъ это полезно ему нимало.

Блепиръ.

Да почему-же?

Праксагора.

Никому ничего не грозитъ нищета: всѣ будутъ всѣмъ обладать ужъ,
И хлѣбомъ и мясомъ, плащомъ, пирогомъ, виномъ, вѣнками, плодами.
Какая жъ корысть не вложить капиталъ? Открой, объясни же намъ это!

Блепиръ.

Но такъ и сейчасъ всѣхъ больше крадутъ, у кого всего этого много.

Праксагора.

Такъ раньше, мой другъ, покудова мы хранили былые законы;
Теперь же, какъ общею сдѣлалась жизнь, какая корысть не вложить вамъ?

Блепиръ.

Но дѣвчонку когда увидавъ, старичокъ загорится къ ней пылкою страстью,

[1]) Персидскіе золотые съ изображеніемъ царя Дарія.

То вынувши деньги, найдетъ онъ, что дать, а изъ общихъ то денегъ оставитъ,
Поспавши съ ней ночь.

Праксагора.

Такъ можно ему поспать съ ней ночку и даромъ:
И ихъ вѣдь общими дѣлаю я, чтобъ ложились съ мужчинами вмѣстѣ
И рожали дѣтей любому онѣ.

Блепиръ.

Но развѣ не всѣ устремятся
Къ наибольше изъ всѣхъ красивой лицомъ и къ ней захотятъ подвалиться?

Праксагора.

Но всѣхъ хуже лицомъ и курносѣе всѣхъ присядутъ съ прекрасными рядомъ,
И въ комъ страсть загорится къ красавицѣ, тотъ съ некрасивой впередъ расправляйся.

Блепиръ.

На какъ же у насъ, у старыхъ людей, когда съ некрасивыми ляжемъ,
И сила мужская не раньше ль уйдетъ, чѣмъ мы подберемся къ красоткамъ?

Праксагора.

Отбиваться не станутъ!

Блепиръ.

За что?

Праксагора.

Ободрись! Небось, отбиваться не станутъ!

Блепиръ.

За что?

Праксагора.

Да чтобы съ вами не спать. И тебѣ разрѣшается это.

Блепиръ.

Есть не глупая мысль въ этомъ планѣ у васъ. Рѣшили вы такъ, чтобы отнюдь
Ни одна не осталась пустою дыра. Но что же мужчинамъ подѣлать?
Вѣдь будутъ бѣжать всѣхъ похуже лицомъ и къ однимъ устремляться красавцамъ.

Праксагора.

Но станутъ стеречь, кто похуже лицомъ, красавцевъ, когда расходиться
Отъ вечери поздней, и станутъ ловить на каждомъ общественномъ мѣстѣ
Кто похуже лицомъ, и будетъ нельзя съ красавцами тѣми улечься
Намъ, женщинамъ, прежде чѣмъ худшимъ лицомъ и маленькимъ не угодимъ мы.

Блепиръ.

Лисикрата, знать, нынче ужъ носъ наравнѣ возгордится съ красавцами тѣми [1]).

Праксагора.

Аполлономъ клянусь, и народолюбивъ мой планъ, и весь осмѣяньемъ
Онъ станетъ красавцамъ и всѣмъ гордецамъ, щеголяющимъ пышно перстнями,
Какъ простякъ въ башмакахъ зазѣваетъ на нихъ: отходи, братъ, потомъ дожидайся,
Когда уже я, все раздѣлавъ свое, тебѣ напослѣдки оставлю.

Блепиръ.

Но какъ же, когда такъ станемъ мы жить, своихъ ребятишекъ то каждый
Разберетъ, распознать сумѣетъ еще?

Праксагора.

А на что? Всѣхъ станутъ отцами

[1]) Лисикратъ—курносый и безобразный, по схоліасту.

Почитать стариковъ, кто постарше его, по годамъ разбирая по самымъ.

Блепиръ.

Но вѣдь станутъ душить на здоровье тогда старика очевидно любого
По невѣдѣнію: и сейчасъ, уже знавъ, что это почтенный родитель,
Душатъ ихъ. А тогда, какъ невѣдомъ онъ имъ, еще на него и наложатъ.

Праксагора.

Но прохожій тогда не допуститъ того; сейчасъ то имъ горюшка мало
На чужую бѣду, коль колотятъ кого, а тогда, какъ услышитъ удары,
Побоясь, чтобъ ему не влетѣло того жъ, съ злодѣями станетъ бороться.

Блепиръ.

Все другое недурно, что ты говоришь. Но когда Эпикуръ, подступивши,
А не то Левколофъ станетъ папочкой звать, вотъ это ужасно услышать.

Праксагора.

Есть иная бѣда и похуже всѣхъ тѣхъ, что сказалъ ты.

Блепиръ.

Какая же это?

Праксагора.

Если вдругъ Аристиллъ расцѣлуетъ тебя, говоря, что ему ты родитель.

Блепиръ.

Онъ заплачетъ тогда, завопитъ, негодяй!

Праксагора.

А ты провоняешь прегадко [1])!

[1]) Очевидно, все имена извѣстныхъ развратниковъ, одного хуже другого.

Но только родился поранѣе тотъ, чѣмъ у насъ состоялось рѣшенье,
Такъ что ты не страшись поцѣлуевъ его.

Блепиръ.

А скверное вышло бы дѣло!
Ну, а кто же, скажи, станетъ землю пахать?

Праксагора.

А рабы-то! Тебѣ же забота
Когда въ десять стопъ настанетъ ужъ тѣнь [1]), умастившись, сбираться на ужинъ.

Блепиръ.

А насчетъ одеждъ какъ устроитесь вы? И это спросить не мѣшаетъ.

Праксагора.

Той, что есть ужъ у васъ, вамъ достанетъ сперва, остальную же мы напрядемъ вамъ.

Блепиръ.

Вотъ еще что спрошу: какъ, когда человѣкъ у властей задолжается штрафомъ,
Изъ какихъ капиталовъ онъ выплатитъ штрафъ? Изъ общихъ несправедливо.

Праксагора.

Но, во первыхъ, не будетъ совсѣмъ и судовъ.

Блепиръ.

Но скольких вы этимъ убьете [2])!

Мужчина.

И мое таковое же мнѣніе, другъ.

Праксагора.

А на что имъ, бѣднякъ, начинаться?

---

[1]) Время обозначалось по солнечнымъ часамъ; срв. статью horologium въ энциклопедіи Паули—Виссова.

[2]) Потому что аѳиняне были страстными судьями и присяжными засѣдателями.

Блепиръ.

Да по многимъ дѣламъ, Аполлономъ клянусь! И во первыхъ, при этомъ условьѣ:
Когда долженъ намъ кто, а не хочетъ отдать.

Праксагора.

А откуда же дастъ кредиторъ-то,
Коли всѣ капиталы на общемъ счету? Тогда ужъ онъ явно грабитель!

Блепиръ.

Такъ, Деметрой клянусь, хорошо говоришь. Разъясни же мнѣ только вотъ это:
За обиду, вишь, дѣйствіемъ какъ уплатитъ обидчику, если, примѣрно,
На пиру, во хмѣлю онъ ударилъ тебя? Вотъ ужъ это тебя затруднитъ, слышь!

Праксагора.

Онъ уплатитъ лепешкой, которую ѣстъ; коль ее у него мы отнимемъ,
Ужъ не станетъ вторично и глупо дерзать, на своемъ же наказанъ желудкѣ.

Блепиръ.

И не станетъ на свѣтѣ ужъ больше воровъ?

Праксагора.

Что же красть, коль всего есть въ избыткѣ?

Блепиръ.

И не станутъ плащей отбирать по ночамъ?

Праксагора.

Нѣтъ, когда только ляжешь ты дома.

Блепиръ.

Но когда и въ гостяхъ, какъ бывало допрежь?

Праксагора.

Такъ, у каждаго будетъ довольно.
А какъ сниметъ съ тебя, такъ ужъ самъ и отдастъ. Для чего же ему бы и драться?
Вѣдь другой онъ получитъ, прекраснѣе плащъ изъ общины, только пожалуй!

Блепиръ.

Перестанутъ и въ кости ужъ люди играть?

Праксагора.

А на что имъ за нихъ приниматься?

Блепиръ.

Но какую же жизнь ты устроишь для нихъ?

Праксагора.

Всѣмъ общую. Я обязуюсь
Цѣлый городъ въ одно превратить вамъ жилье, всѣ сословія вмѣстѣ собравши,
Чтобъ другъ къ дружкѣ ходили вы въ гости.

Блепиръ.

А гдѣ предложишь ты гражданамъ ужинъ?

Праксагора.

Всѣ я ваши суды, галлереи я всѣ превращу въ мужскіе трактиры.

Блепиръ.

А на что же намъ каѳедра будетъ годна?

Праксагора.

Я разставлю съ виномъ тамъ сосуды
И стаканы рядкомъ, и тамъ распѣвать удобно будетъ мальчишкамъ
Превеликихъ, отважныхъ героевъ въ войнѣ, да кто и окажется трусомъ,
Чтобъ садились за пиръ непостыдно и тѣ.

Блепиръ.

Клянусь Аполлономъ, прелестно!
А на что же ты жребія урны отдашь?

Праксагора.

На площади ихъ я поставлю,
И разставивъ потомъ у Гармодія васъ, выбирать всѣхъ примуся съ той цѣлью [1]),
Чтобъ по жребію съ радостью каждый пошелъ, зная, въ буквѣ какой пообѣдать [2]),
Чтобъ глашатай скликалъ изъ „бе" на обѣдъ послѣдовать въ царскую стою [3]),
Изъ „ѳиты" же обѣдать въ другую позвалъ, стоящую слѣдомъ за нею,
А изъ „ка" чтобы шли веселѣй пировать въ галлерею хлѣбниковъ прежнихъ.

Блепиръ.

Чтобы тамъ работать?

Праксагора.

Нѣтъ, чтобъ тамъ пировать, видитъ Зевсъ!

Блепиръ.

Но кому же ни буквы
Не достанется, чтобы по ней пировать, такихъ всѣ погонятъ метлою?

Праксагора.

Но не будетъ ужъ этого больше у насъ.
Въ изобиліи всѣмъ мы всего припасемъ,
Такъ что пьяный, какъ стелька, изъ пира съ вѣнкомъ
Всякъ домой побредетъ, яркій факелъ неся.
А женщины въ переулочкахъ всѣхъ,
Подбѣгая къ мужчинамъ, бредущимъ съ пировъ,
Станутъ имъ говорить: „Заходи къ намъ сюда!

---

[1]) Гармодій—статуя Гармодія, спасителя Аѳинъ отъ тиранна.

[2]) Отдѣльными буквами азбуки обозначаются группы гражданъ, назначенныя обѣдать въ разныя мѣста.

[3]) Рядомъ съ царской стоей (галлереей) упоминается стоя Зевса освободителя, третья стоя хлѣбниковъ или Гермъ. *Groh*, Topografie starych Aten. II, 261.

Здѣсь дѣвчоночка ждетъ раскрасотка тебя".—
„У меня жъ,—закричитъ
Тутъ другая вверху,—въ теремкѣ у меня
И красивѣй другихъ и бѣлѣе другихъ,
Такъ сперва уже долженъ, мой милый, прилечь
Съ нею ты у меня".
И гонясь по слѣдамъ за красавцемъ инымъ,
За мальчишкой смазливымъ, противный уродъ
Строго молвитъ имъ такъ: „Погоди! Не бѣги!
Все равно, и придешь, ничего не возьмешь!
Всѣмъ курносымъ и всѣмъ некрасивымъ лицомъ
Рѣшено на собраньѣ—впередъ получать,
Ну, а вамъ то покамѣстъ, запасшись плодомъ
Раздвоившейся смоквы, одинъ на одинъ
Подъ дверями вкушать наслажденье".
Скажи, вамъ это по нутру?

Блепиръ.

И очень!

Праксагора.

Такъ я должна на площадь поспѣшить,
Чтобъ принимать входящія имѣнья,
Глашатайку зычнѣе прихвативъ.
Какъ избранная править, я должна
Такъ дѣйствовать, и складчину устроить,
Чтобъ первый пиръ сегодня вамъ задать.

Блепиръ.

Ужъ пировать мы будемъ?

Праксагора.

Непремѣнно.
Потомъ хочу всѣхъ дѣвокъ я прикрыть,
Всѣхъ начисто.

Блепиръ.

Начто?

Мужчина.

Но это ясно:
Чтобъ молодцовъ расцвѣтъ вкусить самимъ.

Праксагора.

Рабыни же, убравшись, не должны
У вольныхъ женщинъ похищать Киприду [1]),
Но спать съ рабами только вольно имъ,
Кривымъ ножомъ подчистивши хавронью [2]).

Блепиръ.

Я жъ за тобою слѣдомъ побѣгу,
Чтобъ, на меня любуяся, шептались:
„Глядите! Полководицы супругъ"!

Мужчина.

А я, чтобъ на базаръ стащить имѣнье,
Переберу и сосчитаю все.

Первый мужчина.

Ступай сюда, навозная корзина,
Ты первая за дверь изъ моего
Имѣнья, чтобъ таскать, потершись, чаши,
Немало мнѣ повывернувъ кошлей!
Гдѣ креслоносица? Сюда, горшокъ
Пречерный, точно снадобье готовый
Прокипятить—покрасить Лисистрата [3]);
Стань рядомъ съ нимъ, о плакальщица, ты!
Стаканоносица, стаканъ поставь свой!
И ты сюда, арфистка, выходи,
Не разъ меня будившая къ собранью
Ни свѣтъ и ни заря до солнца гимномъ [4])!
Корыто ты забравши, выходи,
Неси свѣчей и рядомъ вѣтокъ выкинь,
Треножники тащи сюда, кувшинъ,
А плошечки и чернь долой бросайте!

Второй мужчина.

Мнѣ отдавать свое? Несчастнымъ я
И малоумнымъ эдакъ окажуся!

---

[1]) То есть любовь.
[2]) Хавронья (χοῖρος) въ смыслѣ membrum muliebre.
[3]) Очевидно, старый щеголь, красившій свою сѣдину.
[4]) Дѣло идетъ о домашней мельницѣ.

Нѣтъ, никогда, о Посейдонъ! Сперва
Я много разъ смекну да разузнаю,
Но пота своего да сбереженья
Безъ смысла, ни къ чему не брошу зря,
Не высмотрѣвъ, какъ обстоитъ все дѣло.
Эй ты! Зачѣмъ посуда здѣсь твоя?
Перебираться-ль ты ее выносишь,
Или въ закладъ все тащишь?

Первый мужчина.

Вовсе нѣтъ.

Второй мужчина.

На что же эта выставка? Иль ходомъ
Къ глашатаю идете Гіерону [1])?

Первый мужчина.

Нѣтъ, городу хочу внести я все
На площадь по рѣшенному закону.

Второй мужчина.

Внести все хочешь?

Первый мужчина.

Точно такъ.

Второй мужчина.

Ты глупъ,
Свидѣтель Зевсъ спаситель!

Первый мужчина.

Какъ?

Второй мужчина.

Да такъ.

Первый мужчина.

Такъ слушаться не долженъ я законовъ?

Второй мужчина.

Какихъ законовъ, бѣдный?

[1]) Т. е. къ глашатаю на аукціонѣ.

Первый мужчина.

Порѣшенныхъ.

Второй мужчина.

Рѣшенныхъ, вишь? Воистину ты глупъ!

Первый мужчина.

Я глупъ?

Второй мужчина.

А нѣтъ? Глупѣе всѣхъ на свѣтѣ!

Первый мужчина.

За что? Что выполняю я приказъ?

Второй мужчина.

Да умный что-жъ? Приказъ исполнить долженъ?

Первый мужчина.

Первѣй всего!

Второй мужчина.

Ну, да, кто всѣхъ глупѣй!

Первый мужчина.

А ты вносить не хочешь?

Второй мужчина.

Осторожнѣй,
Когда увижу, что творитъ народъ.

Первый мужчина.

Да что жъ еще, какъ не хотимъ всѣмъ міромъ
Вносить сполна?

Второй мужчина.

Увижу,—соглашусь.

Первый мужчина.

Такъ говорятъ на улицѣ.

Второй мужчина.

Наскажутъ!

Первый мужчина.

Все, говорятъ, снесемъ.

Второй мужчина.

Поговорятъ!

Первый мужчина.

Ты сгубишь все, невѣръ!

Второй мужчина.

И поневѣрятъ!

Первый мужчина.

Зевсъ раскости тебя!

Второй мужчина.

Пораскостятъ!
Ты мыслишь, хоть одинъ снесетъ имъ умный?
Нѣтъ, правъ родной нашъ не таковъ, а брать
Одно къ лицу намъ, видитъ Зевсъ! Все тоже
И боги: ты взгляни на руки статуй:
Когда мы просимъ ниспослать намъ благъ,
Онѣ стоятъ, протягивая руку
Не такъ, чтобъ дать, но съ насъ же чтобъ стянуть.

Первый мужчина.

Почтеннѣйшій, дозволь мнѣ дѣлать дѣло!
Связать мнѣ это надо. Гдѣ ремень?

Второй мужчина.

Ты вправду понесешь?

Первый мужчина.

Вотъ Зевсъ! И видишь,
Треножники связалъ я.

Второй мужчина.

Эка дурь!
Не подождавши остальныхъ, не видя,
Что сдѣлаютъ, тамъ послѣ...

Первый мужчина.

Послѣ что?

Второй мужчина.

Повременить, а тамъ еще помедлить.

Первый мужчина.

На что же такъ?

Второй мужчина.

А ну постигнетъ трусъ,
Огонь зловѣщій, иль промчится ласка,—
Всѣ прекратятся взносы, дуралей [1])!

Первый мужчина.

Ну, славно бы мнѣ было, еслибъ я
Не зналъ, куда снести все!

Второй мужчина.

Не найдешь,
Куда снести, придя и первый!

Первый мужчина.

Что такъ?

Второй мужчина.

Я знаю ихъ, рѣшающихъ легко,
И, что рѣшатъ, свергающихъ обратно.

Первый мужчина.

Ой, принесутъ!

Второй мужчина.

А не снесутъ, такъ какъ?

---

[1]) Потому что всѣ эти явленія природы считались предвѣщавшими бѣду.

Первый мужчина.

Побьемъ мы ихъ.

Второй мужчина.

А какъ побьютъ васъ, что же?

Первый мужчина.

Оставь меня!

Второй мужчина.

А продадутъ все, что?

Первый мужчина.

Чтобъ лопнулъ ты!

Второй мужчина.

А лопну я, такъ что же?

Первый мужчина.

Отлично будетъ!

Второй мужчина.

Такъ нести ты хочешь?

Первый мужчина.

Ну, да, нести: вѣдь и мои сосѣди
Несутъ, я вижу.

Второй мужчина.

Антисѳенъ, конечно,
Готовъ нести; но знай, стократъ умнѣй—
Сперва сходить и тридцать дней и больше.

Первый мужчина.

Реви себѣ!

Второй мужчина.

И Каллимахъ, хоровъ
Учитель, имъ внесетъ.

Первый мужчина.

Полнѣй, чѣмъ Каллій [1]).

[1]) По схоліи, Антисѳенъ и Каллимахъ бѣдняки. Каллій—обѣднѣвшій богачъ.

Второй мужчина.

Имѣнье сгубитъ этотъ человѣкъ!

Первый мужчина.

Ой, не пугай!

Второй мужчина.

А что же? Ты не видишь,
Что вѣчно такъ рѣшаетъ нашъ народъ?
Ты помнишь, какъ рѣшили мы о соли?

Первый мужчина.

Ну, помню.

Второй мужчина.

А о мѣдныхъ деньгахъ какъ
Рѣшили мы, не помнишь?

Первый мужчина.

Да, бѣда мнѣ
Была съ той мѣдью! Виноградъ сбывалъ
Я и весь ротъ набралъ тѣхъ мѣдныхъ денегъ,
А тамъ пошелъ на рынокъ за мукой.
Ужъ я кошель спокойно открывалъ,—
Вдругъ заѣвалъ глашатай: „Больше мѣди
Не принимать! Весь счетъ на серебро“!

Второй мужчина.

А вотъ намедни: не клялись ли мы,
Что городу пятьсотъ талантовъ выйдетъ
Съ сороковой, введенной Еврипидомъ [1])?
Тутъ Еврипида каждый золотилъ;
А разобрались какъ, да намъ явился
Коринѳъ Зевесовъ, и не вышло дѣло [2]),
Тутъ Еврипида каждый ну чернить.

[1]) Сороковая часть имѣнія, вносимая въ пользу общины.
[2]) «Коринѳъ Зевесовъ» въ смыслѣ: «болтовня и пустяки».

Первый мужчина.

Не то, дружокъ: тогда мы управлялись,
Сейчасъ же женщины.

Второй мужчина.

Но я боюсь,
Чтобъ на меня онѣ не помочились.

Первый мужчина.

Невѣсть, что брешешь! Мальчикъ, грузъ тащи!

Глашатай.

Всѣ граждане, теперь такое дѣло:
Бѣгите къ полководицѣ живѣй,
Чтобъ вамъ судьба по жребію сказала
Для каждаго, гдѣ ужинать вамъ всѣмъ!
Ужъ доверху нагружены столы
Сладчайшихъ яствъ, и все готово къ пиру,
На ложахъ одѣяла и ковры;
Мѣшаютъ чаши; продавщицы мира
Стоятъ рядами; дуютъ на куски,
Зайчину жарятъ и пекутъ лепешки,
Плетутъ вѣнки, печенье подаютъ,
Горшками кашу варятъ молодушки,
И Смой средь нихъ въ одеждѣ всадника
Тарелочки у женщинъ подчищаетъ,
Геронъ же ходитъ съ щеткой и метлой
И съ юношей сосѣдомъ скалитъ зубы,
Сандаліи жъ лежатъ и рваный плащъ.
Сюда скорѣй! Уже несутъ лепешки,
Знай, открывайте пасти широко!

Второй мужчина.

Ну, такъ пойду и я. Чего стоишь,
Когда ужъ такъ рѣшенье принялъ городъ?

Первый мужчина.

Куда пойдешь, имѣнья не вложивъ?

Второй мужчина.

На ужинъ.

Первый мужчина.

Нѣтъ, коли въ умѣ хозяйки,
Пока не принесешь!

Второй мужчина.

Внесу!

Первый мужчина.

Когда?

Второй мужчина.

Вѣдь остановка не за мной!

Первый мужчина.

За кѣмъ же?

Второй мужчина.

Еще позднѣй другіе принесутъ.

Первый мужчина.

Такъ ужинать пойдешь ты?

Второй мужчина.

Что же дѣлать?
По силѣ надо городу служить
Разумнымъ людямъ.

Первый мужчина.

А не пустятъ, что ты?

Второй мужчина.

Тайкомъ пройду.

Первый мужчина.

А коли исколотятъ?

Второй мужчина.

На судъ ихъ всѣхъ!

Первый мужчина.

А если просмѣютъ?

Второй мужчина.

Приставъ въ дверяхъ...

Первый мужчина.

Что ты задумалъ сдѣлать?

Второй мужчина.

Подтибрю я съѣстное у вносящихъ.

Первый мужчина.

Ступай же сзади! Ты же, другъ Сиконъ
И Пармононъ, тащите мнѣ всѣ блюда [1])!

Второй мужчина.

Давай, и я снесу тебѣ!

Первый мужчина.

Ну, нѣтъ!
Боюсь я, ты, когда слагать я стану
У полководицы, себѣ возьмешь.

Второй мужчина.

Свидѣтель Зевсъ, измыслить надо ходъ,
Чтобъ при своемъ имуществѣ остаться,
А въ пирѣ все жъ участіе принять!
Такъ, правильно! Но надо мнѣ идти
На ужинъ, какъ ни какъ, не нужно медлить.

Первая старуха.

Что не идутъ мужчины? Ужъ пора!
Давно ужъ я румянами натерлась
И, пурпурный накинувъ плащъ, стою,
Сама себѣ съ бездѣлья напѣвая,
Смѣясь: авось подстерегу кого
Прохожаго! Мнѣ на уста, о музы,
Слетитесь съ Іонійской пѣсенкой!

---

[1]) Обычныя въ комедіи имена рабовъ.

Молодая дѣвушка.

Перегнала меня ты, дрянь, подкралась!
Мечтала ты, что безъ меня сберешь
Ты сладкій плодъ, и подзовешь любого
Подъ пѣсенку; такъ запою жъ и я!
Хоть и докучно зрителямъ такъ будетъ,
Комическая прелесть въ пѣснѣ есть.

Первая старуха.

Такъ веселись и провались! А ты,
Голубчикъ флейтщикъ, флейту взявъ, достойно
Меня, да и себя подсвисни пѣснь!
Если кто радости видѣть
Хочетъ, со мною ложись!
Разума нѣтъ въ молодежи,
Сколько при зрѣлости лѣтъ.
И полюбить не захочетъ
Друга никто горячѣй.
Съ другомъ навѣкъ я сольюся,
Юность къ другимъ упорхнетъ.

Дѣвушка.

Не клевещи же на юныхъ!
Пышная сладость сроднилась
Съ этимъ роскошнымъ бедромъ
И на груди расцвѣтаетъ.
Ты же, старушка, лежишь и томишься;
Смерть поджидаетъ тебя.

Первая старуха.

Чтобъ твоя дырка пропала!
Чтобъ изголовье свалилось
Въ самый то разъ подъ тобой!
Чтобы на ложѣ ты змѣя
Жадно къ губамъ потянула,
Друга мечтая обнять!

Дѣвушка.

Что со мною, несчастной?

Другъ мой нейдетъ, да нейдетъ.
Я здѣсь одна остаюсь.
Мама моя въ ту сторонку
Вышла, чтобъ... Полно, молчу!
Няня, молю, позови мнѣ
Вмигъ Орѳагора, чтобъ съ нимъ мнѣ...
Да, позови, позови!

Первая старуха.

Ужъ вотъ ты іонійскую
Запѣла пѣсню, бѣдная,
И ламбда ты лесбійская точь-точь [1]).

Дѣвушка.

Но не отнимешь радостей
Моихъ, моей ты юности
Не сгубишь, не отнимешь никогда.

Первая старуха.

Пой, сколько хошь, и прыгай, ровно ласка!
Никто къ тебѣ впередъ меня нейдетъ.

Дѣвушка.

На выносъ развѣ за тобой сбѣгутся.

Первая старуха.

Не старость вамъ моя помѣхой [2]).

Дѣвушка.

Что жъ?
Твои бѣлила развѣ да румяна?
Оставь меня!

Первая старуха.

А ты чего тутъ ждешь?

---

[1]) «Ламбда», какъ въ другомъ мѣстѣ «дельта», по формѣ буквъ вмѣсто membrum muliebre. «Лесбійская» съ намекомъ на лесбійскую однополую любовь между женщинами.

[2]) А новый законъ, предоставляющій старухамъ молодыхъ любовниковъ.

Дѣвушка.

Пою себѣ дружку я Епигену.

Первая старуха.

Кто другъ тебѣ иной, какъ не Геретъ [1]).

Дѣвушка.

Вотъ онъ тебѣ, придя ко мнѣ, покажетъ!
Вотъ, вотъ онъ самъ!

Первая старуха.

Но до тебя ему
И дѣла нѣтъ!

Дѣвушка.

Свидѣтель Зевсъ, мерзавка,
Покажетъ онъ, какъ мы уходимъ съ нимъ.

Первая старуха.

И я! Увидишь: я куда хитрѣе!

Юноша.

Если бы можно было съ милой лечь мнѣ
И не велѣли бы прежде расправляться
Мнѣ съ курносою или со старухой:
Невыносимо это вольному сердцу!

Первая старуха.

Хоть зареви, но все ты будешь долженъ.
Это вѣдь, милый, уже не при Хариксенѣ.
И по закону такъ справедливо дѣлать,
Если демократически правятъ нами.
Пойду, взгляну, чего онъ станетъ дѣлать.

Юноша.

О, еслибъ мнѣ одну застать красотку,
Къ которой, выпивъ, страстно я бреду!

---

[1]) То есть старикъ, которому, по новому закону, предоставляются молодыя любовницы.

Дѣвушка.

Надула я проклятую старуху:
Сбѣгла, подумавъ, что я дома жду.
Но вотъ онъ самъ, кого я поминала!
Сюда, сюда,
Милый мой, сюда ко мнѣ
Приди, на ложѣ ты со мной
Ночь проведи скорѣе!
О, какъ волнуетъ страсть меня
Къ этимъ вотъ твоимъ кудрямъ,
Какъ тяжко сердце давитъ мнѣ
Огонь любви и рветъ ножомъ!
Оставь меня, молю, Эротъ,
И дай ему на ложе къ намъ
Взойти спокойно!

Юноша.

Сюда, сюда,
Бѣги сюда и дверь мнѣ
Скорѣе распахни!
А не отворишь, здѣсь я упаду.
Другъ милый, на груди твоей
Хочу бороться я съ твоимъ
Роскошнымъ тѣломъ.
Киприда, что меня ты мучишь ею?
Оставь меня, молю, Эротъ,
И дай ей на кровать ко мнѣ
Взойти спокойно!

Дѣвушка.

И это столь умѣренно передъ моею мукой
Сказала я. Но, милый другъ, скорѣе, умоляю,
Открой мнѣ съ поцѣлуемъ!
Изъ за тебя я мучусь.

Юноша.

О золотая ты моя забота, лань Киприды,
Пчела ты Музы и Харитъ питанье, прелесть взоромъ,
Открой мнѣ съ поцѣлуемъ!
Изъ за тебя я мучусь.

Первая старуха.

Что ты стучишь? Ко мнѣ?

Юноша.

Съ чего взяла ты?

Первая старуха.

Ты въ дверь гремѣлъ мнѣ?

Юноша.

Чтобъ издохнуть мнѣ!

Первая старуха.

Что съ факеломъ своимъ сюда пришелъ ты?

Юноша.

Ищу я Толстоснастова.

Первая старуха.

Какого?

Юноша.

Да не Блудилу, жданнаго тобой [1]).

Первая старуха.

Клянусь Афродитой, хочешь иль не хочешь!

Юноша.

Э, нѣтъ! Не сверхшестидесятилѣтнихъ
Мы вводимъ, ихъ отложимъ на потомъ,
До двадцати мы лѣтъ беремъ покуда.

Первая старуха.

При прежней власти было такъ, дружокъ!
Теперь рѣшили насъ вводить сначала.

Юноша.

Желающимъ, какъ есть въ костяхъ законъ.

---

[1]) Ср. такія же крупныя шутки выше въ «Лягушкахъ».

Первая старуха.

Такъ и не ѣшь, какъ есть въ костяхъ законы.

Юноша.

Невѣсть, что брешешь! Къ ней хочу стучать.

Первая старуха.

Когда сперва въ мои ты стукнешь двери.

Юноша.

Но мнѣ пока еще старухъ не надо.

Первая старуха.

Я знаю, я любима; ты дивишься,
Что я въ дверяхъ стою. Давай мнѣ ротъ!

Юноша.

Но, бѣдная, мнѣ страшенъ другъ твой.

Первая старуха.

Кто жъ онъ?

Юноша.

Прелестнѣйшій художникъ.

Первая старуха.

Кто такой?

Юноша.

Покойничкамъ малюетъ онъ кувшины.
Бѣги, не то увидитъ онъ тебя!

Первая старуха.

Я знаю, что ты хочешь!

Юноша.

Да и ты-то!

Первая старуха.

Клянусь Афродитой, давшей жребій мнѣ,
Не отпущу!

Юноша.

Да ты въ умѣ-ль, старушка?

Первая старуха.

Вздоръ! На свою стащу тебя постель!

Юноша.

На что же намъ крючокъ для ведеръ нуженъ,
Когда, спустивъ такую старушню
Въ колодецъ, можно выловить ведро ей?

Первая старуха.

Не смѣйся, другъ! Ступай сюда ко мнѣ!

Юноша.

Въ томъ нужды нѣтъ, когда не отдала
Ты городу моей пятидесятой.

Первая старуха.

Клянусь Афродитой, долженъ ты: вѣдь я
Люблю поспать съ такими молодцами.

Юноша.

А я съ такими, вѣрь мнѣ, не терплю
И не пойду во вѣки.

Первая старуха.

Зевсъ свидѣтель,
Вотъ что тебя заставитъ!

Юноша.

Что еще?

Первая старуха.

Законъ велитъ тебѣ пойти со мною.

Юноша.

Скажи, каковъ онъ!

Первая старуха.

И скажу сейчасъ.
Рѣшили женщины: когда молодчикъ
Влюбленъ въ дѣвчонку, не касался бъ къ ней,
Пока поспитъ съ старухой; коль, поспать съ ней
Не пожелавъ, сбѣжитъ къ дѣвчонкѣ онъ,
Разрѣшено старухамъ молодого
Тащить силомъ, схватившися за... гвоздь.

Юноша.

Охъ, знать въ Прокруста превращусь я нынче!

Первая старуха.

Послушенъ будь законамъ нашимъ, другъ!

Юноша.

А что, когда меня отниметъ другъ
Или сосѣдъ поспѣвшій?

Первая старуха.

Но не властенъ
Медимна сверхъ мужчина ни одинъ.

Юноша.

И передать нельзя?

Первая старуха.

Безъ оборота!

Юноша.

Но я скажу, что я купецъ.

Первая старуха.

Заплачешь!

Юноша.

Такъ что жъ подѣлать мнѣ?

Первая старуха.

Иди за мной.

Юноша.

И это долгъ мой?

Первая старуха.

Діомедовъ долгъ [1]).

Юноша.

Такъ подстели сперва травы пахучей
И подложи лозы четыре вдвое,
Надѣнь вѣнокъ, кувшины сбоку ставь,
Поставь воды ведерко предъ дверями [2])!

Первая старуха.

Навѣрно мнѣ ты купишь и вѣнокъ?

Юноша.

Свидѣтель Зевсъ, коль восковой угодно!
Я думаю, развалишься ты вразъ.

Дѣвушка.

Куда влечешь его?

Первая старуха.

Къ себѣ! Онъ мой!

Дѣвушка.

Съ ума сошла ты! Не въ такихъ годахъ онъ,
Чтобъ спать съ тобой: вѣдь ты бъ ему могла
Быть матерью скорѣе, чѣмъ женою.
Когда вы утвердите тотъ законъ,
Эдипами наполните всю землю [3]).

Первая сторуха.

Ахъ, мерзкая, по зависти ко мнѣ
Ты говоришь! Но отомщу тебѣ я!

---

[1]) По схоліи, ѳракіецъ Діомедъ заставлялъ прохожихъ проводить ночь съ его дочерьми.

[2]) Все похоронные обряды.

[3]) Эдипъ—ѳиванскій царь, женившійся, не вѣдая того, на родной матери.

Юноша.

Свидѣтель Зевсъ спаситель, ты спасла
Меня, дружокъ, избавивъ отъ старухи!
За милость за твою я вечеркомъ
Воздамъ тебѣ большимъ и толстымъ даромъ.

Вторая старуха.

Эй ты, куда, законъ нашъ преступивъ,
Влечешь его, когда со мною долженъ
Онъ съ первой спать?

Юноша.

О, какъ несчастенъ я!
Откуда ты, проклятая, прокралась?
Зла перваго второе зло страшнѣй!

Вторая старуха,

Ступай сюда!

Юноша.

Молю тебя, не дай ей
Увлечь меня!

Вторая старуха.

Не я тебя тащу,
Тебя влечетъ законъ.

Юноша.

Охъ, нѣтъ, Емпуза [1]),
Кровавою одѣтая порфирой.

Вторая старуха.

Ступай за мной, да не болтай, красавчикъ!

Юноша.

Позволь сперва мнѣ въ нужникъ забѣжать,
И хоть придти въ себя, не то увидишь:
Кой что я красное тутъ сотворю
Отъ ужаса!

---

[1]) Баба-яга.

Вторая старуха.

Небось! И дома сходишь!

Юноша.

Но я боюсь, не пуще бъ, чѣмъ хочу!
Двухъ поручителей тебѣ представлю
Достойныхъ вѣры.

Вторая старуха.

Не хочу.

Третья старуха.

Куда ты
Спѣшишь такъ съ ней?

Юноша.

Не я: она тащитъ.
Кто бъ ни была, старушка, ты, спасибо,
Что не дала на гибель ты меня!
Но, Паны, Корибанты, Діоскуры [1]),
Двухъ первыхъ золъ она еще страшнѣй!
И что, скажи, стоитъ передо мной?
Румянами-ль горящая мартышка,
Иль старица, возставшая изъ мертвыхъ?

Третья старуха.

Не смѣйся! Маршъ со мною!

Вторая старуха.

Нѣтъ, со мной!

Третья старуха.

Я не пущу тебя!

Вторая старуха.

И я вовѣки!

Юноша.

Проклятыя, меня вы разорвете!

---

[1]) Въ ужасѣ юноша призываетъ боговъ.

Вторая старуха.

За мною по закону ты пойдешь.

Третья старуха.

Нѣтъ, коль еще страшнѣй пришла другая.

Юноша.

Но какъ, когда погибну съ вами я,
Къ красавицѣ своей я доберуся?

Третья старуха.

Гляди ужъ самъ! Ты долженъ сдѣлать такъ.

Юноша.

Кому жъ изъ двухъ задать мнѣ первой гонку?

Вторая старуха.

Не знаешь? Маршъ за мной!

Юноша.

Не пуститъ та!

Третья старуха.

Тогда за мной!

Юноша.

Такъ эта не отстанетъ!

Вторая старуха.

И не пущу, свидѣтель Зевсъ!

Третья старуха.

И я!

Юноша.

Плохіе жъ перевозчики вы были-бъ!

Вторая старуха.

А что?

Юноша.

Пловцовъ вы растерзали бъ вмигъ!

Вторая старуха.

Молчи, ступай сюда!

Третья старуха.

О нѣтъ, со мною!

Юноша.

По Каннона закону, видно, мнѣ
Приходится въ работѣ разорваться!
Какъ въ два весла обѣихъ загонять?

Вторая старуха.

Легко, горшкомъ бобовъ поукрѣпившись.

Юноша.

Бѣда моя! Вотъ близко ужъ къ дверямъ
Меня тащатъ!

Третья старуха.

Врешь! Ничего не выйдетъ!
И я ворвусь съ тобой!

Юноша.

О боги, нѣтъ!
Одна бѣда все легче мнѣ, чѣмъ пара!

Третья старуха.

Клянусь Гекатой, хочешь или нѣтъ!

Юноша.

Ахъ, разнесчастный я, когда старуху
Я долженъ гнать и ночь и цѣлый день,
И развязавшись съ ней, снова-здорово
Ту Фрину гнать съ кувшиномъ у зубовъ [1])!
Еще ль не смерть моя? Тяжелый демонъ
Преслѣдуетъ, свидѣтель Зевсъ, меня,
Когда съ такими заперть я звѣрями!
Когда жъ стократно пострадаю я,
Съ такими вотъ баржами подплывая,

---

[1]) Т. е. съ кувшиномъ, который ставился подлѣ покойника.

При устьѣ схороните вы меня
И надъ моей могилою старуху
Живую засмолите, ноги ей
Заливъ свинцомъ кругомъ зловѣщихъ бедеръ,
И вверхъ поставьте, какъ кувшинъ могилъ!

Рабыня.

Блаженный нашъ народъ, счастлива я,
Блаженнѣй всѣхъ, ей-ей, моя хозяйка,
И вы, стоящія здѣсь у дверей,
И всѣ сосѣди наши односельцы,
И я сверхъ прочихъ всѣхъ, служанка ихъ!
Намазала я голову всю миромъ,
И чуднымъ, Зевсъ, но пуще насмѣялась
Надъ миромъ всѣмъ Ѳасосская бутыль [1]):
Она то въ головѣ сидитъ препрочно,
А тѣ—духи—дохнули, и ужъ нѣтъ!
Вино—премного-много лучше, боги!
Лей чистаго [2]), всю ночку веселись,
Все, что послаще пахнетъ, подбирая!
Но женщины, скажите вы мнѣ, гдѣ
Хозяинъ мой, супругъ моей хозяйки?

Хоръ.

Здѣсь обожди, и ты найдешь его.

Рабыня.

Навѣрно такъ! Вотъ онъ идетъ на ужинъ!
Хозяинъ, стой! Счастливчикъ, погоди!

Хозяинъ.

Я?

Рабыня.

Ты, какъ ни одинъ еще мужчина,
И гдѣ жъ еще счастливѣе найти,
Когда изъ тридцати-то тысячъ гражданъ,
Изъ всей толпы одинъ лишь ты не ѣлъ?

---

[1]) Бутыль Ѳасосскаго вина.
[2]) То есть чистаго вина, не смѣшаннаго съ водою.

Хоръ.

Воистину счастливца назвала ты!

Рабыня.

Куда идешь, куда?

Хозяинъ.

Иду на ужинъ.

Рабыня.

Клянусь Афродитой, запоздалый гость!
А все таки велѣла мнѣ хозяйка
Вести тебя и молодушекъ всѣхъ.
Хіосское осталось тамъ вино
И вся благая. Такъ не замедляйте жъ,
И жители, кто благосклоненъ къ намъ,
И изъ судей, когда не смотрятъ косо,—
Ступайте съ нами! Мы всего дадимъ!

Хозяинъ.

Тогда зови ты всѣхъ гостепріимно,
Не пропуская ни души, щедрѣй
И стараго, и малаго зови ты!
Поужинать на всѣхъ готово ихъ
До одного, когда домой вернутся.

Рабыня.

А я уже на ужинъ поспѣшу
И факелъ славный свой снесу съ собою.

Хоръ.

Чего жъ еще ты медлишь и, забравши
Всѣхъ, не ведешь? А по дорогѣ я
Спою тебѣ пред-ужинную пѣсню,
И судьямъ тоже малость подмигну:
Умнику, словечки помня умныя, судить меня;
Посмѣявшимся пріятно—за тотъ смѣхъ судить меня;
Да и всѣмъ почти велю я, не совру, судить меня.
И чтобъ жребій никакою не явился намъ виной,

Что я выбралъ [1]); но все это помня, подобаетъ вамъ
Не кривить душой, но хоры по правамъ судить всегда
И негодницамъ-гетерамъ въ правахъ ихъ не подражать,
Тѣмъ, что памятуютъ только про послѣднихъ завсегда.
О, пора, пора ужъ намъ,
Разлюбезныя подруги, если дѣйствовать хотимъ,
Торопиться всѣмъ на ужинъ! Такъ на Критскій ноги
тактъ
Направляй и ты!

Хозяинъ.

Такъ точно!

Хоръ.

Да и этихъ въ стройный ритмъ
Выводи ногами! Скоро выйдетъ,
Что кострюля, блюдо
Жгуче-терто-медо-сочно-
Куропатко-голубино-
Пѣтушино —
Крылыхъ [2]). Ты жъ, услышавъ пѣснь,
Живо, бодро хвать тарелку,
Да и чашу прихвати,
Чтобы вечерю увлажить!
Задремали, что ль, онѣ?
Прыгай выше, такъ и такъ!
Маршъ на ужинъ! Эванъ-эвое!
Эванъ-эвой! Эванъ-эвой!

---

[1]) Судьи драматическаго состязанія избирались по жребію.
[2]) Далеко не передаетъ обильнаго состава блюда въ подлинникѣ.